

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 1, 2014

Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама.
Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Полювянский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- В. Н. Назаров**, д-р психол. наук, председатель
Т. А. Воронова, канд. пед. наук
М. В. Клюев, д-р хим. наук
В. А. Исаев, д-р биол. наук
Д. И. Молдавский, д-р физ.-мат. наук
С. В. Пухов, канд. физ.-мат. наук
Е. В. Соколов, канд. физ.-мат. наук
В. А. Годлевский, д-р техн. наук
Л. И. Минеев, канд. техн. наук
О. В. Кузьмина, канд. юрид. наук
Т. М. Явчуновская, канд. юрид. наук
Д. В. Кареев, канд. ист. наук

Адрес редакции
153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Юриспруденция

- Карлявин И. Ю.** О методологическом значении категории «bona fides» (добрая совесть): немецкая правовая доктрина 5
Разина Н. Г. Значение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов 17
Родионова О. В. Глобализация как основной детерминант модификации современного государства 26
Соколова О. В. К вопросу об обосновании легитимного ограничения свободы человека при установлении уголовно-правовых запретов патерналистского характера 33

Психология

- Агеева З. А., Молоканова С. В.** Духовные ценности в контексте психологического анализа: эмоционально-коммуникативный аспект 42

Педагогика

- Дельцова И. А., Маркелова Ю. И.** Технологическая и содержательная составляющие организации дистанционного обучения 47
Веремьева Н. В. Педагогические условия стимулирования личностного роста будущих специалистов 52

Социальная работа

- Когаловская А. С.** Условия позитивных изменений при канистерапии 60

Журналистика и реклама

- Страшнов С. Л.** Из словаря «Актуальные медиапонятия»: авторская программа. Литературная журналистика 65

Майорова Т. А. Специальное мероприятие как средство реализации сетевого профориентационного образовательного проекта 72

Международные отношения

Чернопёров В. Л. Грузино-абхазский конфликт: история развития в 1990-х — начале 2000-х гг., попытки дипломатического решения в 2008 г. и современные сценарии урегулирования 77

Буданова И. А. Интегрированное городское развитие как ответ Eurocities на вызовы глобализации 85

Сведения об авторах 94

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 96

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. В. Батова, О. В. Боронина,*
О. А. Кручинина
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

2014. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения

Подписано в печать 16.05.2014 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая.
Печать плоская. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

Issue 1, 2014 Jurisprudence. Psychology. Pedagogics. Sociology. Social Work.
Journalism and Advertising. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyvyannyi, Doctor of History
 (Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
 (Vice-Chairman)
K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
 (Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History
L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology (Chairman)
T. A. Voronova, Candidate of Science,
M. V. Klyuev, Doctor of Chemistry
V. A. Isaev, Doctor of Biology
D. I. Moldavansky, Doctor of Physics
 and Mathematics
S. V. Pukhov, Candidate of Science,
 Physics and Mathematics
E. V. Sokolov, Candidate of Science, Physics
 and Mathematics
V. A. Godlevsky, Doctor of Technical Science
L. I. Mineev, Candidate of Technical Science
O. V. Kuzmina, Candidate of Science, Law
T. M. Yavchunovskaya, Candidate of Science, Law
D. V. Kareev, Candidate of Science, History

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

CONTENTS

Jurisprudence

- Karljavin I. Y.** On the methodological meaning of the category «bona fide» (good faith): German legal doctrine 5
Razina N. G. The value of anticorruption expert evaluation of statutory acts 17
Rodionova O. V. Globalization as the main determinant of the modern state modification 26
Sokolova O. V. On the issue of human freedom legitimate restraint rationale when paternalistic penal prohibition establishing 33

Psychology

- Ageeva Z. A., Molokanova S. V.** Intellectual values in the context of psychological analyses: emotive-communicative aspect 42

Pedagogics

- Deljtsova I. A., Markelova Y. I.** Technological and substantial components of distant learning organizing 47
Veremyova N. V. Pedagogical conditions for the future specialists' personality growth encouragement 52

Social Work

- Kogalovskaya A. S.** Conditions for the positive changes at canistherapy 60

Journalism and Advertising

- Strashnov S. L.** From the dictionary «Actual media-notions»: author's programme. Literary journalism 65
Mayorova T. A. Event marketing as a means of the network project realization in the career-guidance sphere 72

International Relations

Chernoperov V. L. Georgian-Abkhazian conflict: history of development in the 1990s — the early 2000s, attempts at diplomatic adjustment in 2008 and the modern development scenarios 77

Budanova I. A. Integrated urban development as the Eurocities network response to the challenges of globalization 85

Information about the authors 94

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 96

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Editorial staff:

Publishing house director *L. V. Mikheeva*
Editors: *O. V. Batova, O. V. Boronina,*
O. A. Kruchinina
Technical editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *T. B. Zemskova*

ББК 67.3(0)323+67.3(4Гем)

И. Ю. Карлявин

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КАТЕГОРИИ «BONA FIDES» (ДОБРАЯ СОВЕСТЬ): НЕМЕЦКАЯ ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Категория «bona fides» (добрая совесть) в римском частном праве, наряду с «aequitas» (справедливость), являлась определяющей для большинства частноправовых институтов. В праве современных развитых стран, в том числе Германии и России, принципы Treu und Glauben и добросовестность играют важную роль в механизме правового регулирования. Об отдельных составляющих этого механизма настоящая статья.

Ключевые слова: добрая совесть, римское частное право, немецкая методология.

The category «bona fides» (good faith) in Roman private law alongside with «aequitas» (justice) had been crucial in the most private-law institutions. In the law of modern developed countries including Germany and Russia the principles Treu und Glauben and the good faith are of a big importance for legal regulation mechanism. This article is devoted to some components of this mechanism.

Key words: good faith, Roman private law, German methodology.

Внутренний голос нашего сердца всякий раз разрешает одну и ту же проблему — как поступить правильно. Этот голос и называется совестью.

Йохан Швердлинг

Методологическое значение такой категории, как «bona fides», следует начать с представления о методологии права. Обратимся с этой целью к исследованиям немецких правоведов, труды которых по праву занимают первое место в ряду исследований методологии частного права [7].

В сознании немецких ученых методология никогда не существовала отдельно от философии, а методология права от философии права. Так, известный немецкий ученый Йозеф Колер в начале прошлого века утверждал, что философия права это одна из сфер философии и именно та философия, которая охватывает существование человека во взаимосвязи с культурой. Как и каждая философия, она должна ставить вопросы и разъяснять, основываясь на типичных для нее явлениях, существует ли какая сила, управляющая ими, которую мы можем воспринять и объять нашими способностями к выводам и заключениям. Из этого следует, что философия — это наука-помощник [16, S. 9]. Другой авторитетный немецкий ученый приблизительно в то же время

© Карлявин И. Ю., 2014

2014. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

писал: «Во все времена под философией понимались такие учения, которые находили ответы на насущные вопросы времени и человеческой души. Философия представляла сущность любого научного содержания и всегда играла важную роль. Философия — это мнение о ценности наших знаний об истине» [20, S. 1]. В этом и других высказываниях Густав Радбрух неоднократно указывает на прикладной характер философии права¹.

Современные немецкие исследователи с огромным пиететом относятся к методологии права, видя в ней лекарство от всякого рода сиюминутных увлечений. Так, Франц Бидлинский отмечает, что современная юриспруденция обязана находиться в состоянии постоянной обороны от не касающихся ее текущих задач, сформулированных правовой догматикой. Опираясь на действующий правопорядок, она должна обнаруживать то рациональное, что скрывается в межчеловеческих отношениях. Контроль над этими процессами, по мнению ученого, необходимо осуществлять с помощью достаточно хорошо разработанных положений юридической методологии [6, S. 109].

На рубеже XIX—XX вв. немецкой философско-правовой мыслью был сформулирован целый ряд определений методологии права, которые, на наш взгляд, олицетворяют различные грани этого явления. Оценивая методологию как трансцендентальное явление, Эммануил Кант писал, что под трансцендентальной методологией нужно понимать определение формальных условий полной системы чистого разума. Эта система, по мнению ученого, подразделяется на дисциплину, каноны, архитектуру и историю чистого разума. Методология чистого практического разума, по Канту, есть искусство о том, как законы чистого практического разума входят в сознание человека и оказывают влияние на норму права, за счет чего объективный практический разум мог бы повлиять на становление субъективно-практического начала.

Целый ряд немецких ученых рассматривали методологию как явление, чрезвычайно приближенное к логике. Так, Якоб Фрис отмечал, что методология должна ограничиваться лишь логической техникой и содержать в себе правила о процессе и методах доказывания, в соответствии с которыми и должно происходить формирование нашего познания. Йохан Хербарт, напротив, считает что методология — это лишь первый раздел метафизики. Вильгельм Вундт и Карл Бахман стремятся видеть в методологии системное начало и отмечают, что методология занимается специальным оформлением принципов познания, представляет собой процесс систематизации, формирующий архитектуру из логически связанных элементов, находящихся в органической взаимосвязи между собой. При этом ученые отмечают, что это есть некий идеал.

Рихард Хёниксвальд считает, что методология занимается вопросом о том, как содержание наших утверждений о ценности логических форм реагирует, находясь во взаимосвязи с научным познанием.

Анализируя все приведенные определения, Рудольф Айслер отмечает, что методология — это часть логики, которая занимается исследованием общей методики познания, а также служит индивидуальному исследованию, принимая во внимание логические оценочные категории, правильность и

¹ «От математики и естественных наук до психологии и технологий нет науки, которая хотя бы раз не заявляла, что в своем учении она опирается на почетнейшую из наук — философию. Юриспруденция не является исключением. Так, во вступлении к Пандектам мы видим, как она признается в верности философии» [20, S. 1].

целесообразность, свойственные логике. Методология представляет собой анализ и практику научного познания, олицетворение логических принципов и представлений [9, S. 796—796].

Все приведенные определения, на наш взгляд, говорят о различных направлениях и этапах в понимании методологии и о серьезном научном подходе к освоению данной категории. В целях нашего исследования хотелось бы обратить внимание, кроме указания на прикладной характер методологии, еще на одну деталь. Методология несет в себе, вольно или невольно, доказательственную функцию. Это видно, в частности, из разъяснения роли методологии, данного Юлиусом Шуппе. Ученый пишет, что сущность суждений и способов их формирования может быть выявлена (вскрыта) тогда, когда происходит познание и изучение мысли в ее простых доказательственных формах в отношении к определенным объектам, что становится возможным, когда такого рода доказательственные формы встают в ряд подобных себе. Это есть логика аналогий, что и составляет сущность методологии [9, S. 797].

Последнее высказывание однозначно говорит о том, что немецкая методология права видит себя преемницей греко-римской методологической традиции, в которой преобладающим являлся так называемый формально-логический подход. Формально-понятийная методология — основа современной немецкой методологии. Уже в конце XVIII в. германская почва становится благодатной для постановки и реализации целого ряда общественно-правовых противоречий. Главными из них были: 1) противоречие между разумными началами, генерируемыми юридической наукой и силой судебного решения; 2) противоречие между тенденцией разрешения спорных ситуаций, взятых в отдельности, и стремлением к наиболее полному договорному регулированию. Ареной обсуждения этой проблематики стали германские университеты в Геттингене, Халле, Йене и Лейпциге. Одним из объектов критики была силлогическая (рациональная) модель научного познания, которая стала сдавать позиции перед иррациональными подходами, т. е. теми посылками, которые были связаны с деятельностью судов. При этом, именно учитывая особенности немецкой почвы, рациональное и иррациональное в Германии были обречены на сосуществование (а возможно, и сострадание), а не слепое отрицание одного другим [24, S. 192—196].

Указанные тенденции не оставляют немецкую науку и сегодня. Многие немецкие исследователи и правоприменители не рассматривают методологию как сугубо научную или законотворческую, памятуя о том, что общей целью является обеспечение наиболее качественного процесса правоприменения. Так, профессор Норберт Хорн отмечает, что методология — это ядро науки о праве и учения о правоприменении. С учением о правоприменении мы получаем теорию юридической практики и в то же время теорию науки о праве. При этом между научной и практической работой в отношении права отсутствуют различия структурного характера. Скорее можно говорить о различиях в подходах [13, S. 41—49; 14, S. 111—112].

Таким образом, мы делаем вывод, что на первом месте в нашем исследовании должна стоять понятийная, формально-определенная методология (*die Begriffsjurisprudenz*). Затем, насколько это будет возможно и необходимо, свое место займет иррациональная методология. Такие категории, как «*bona fides*», «*Treu und Glauben*» и «добросовестность», прежде всего относятся к так называемым системным абстрактно-описательным понятиям (*abstrakt beschriebene Begriffe*). Именно на них зиждется формулирование общих пра-

вовых норм. Ханс Мартин Павловский отмечал, что формулировка и наполнение содержанием основополагающих для частного права понятий есть греко-римская традиция, именуемая научно обоснованной обработкой права (*Verwissenschaftlichung des Rechts*), и только она имеет первостепенное юридическое значение [18, S. 2—3].

Европейские исследователи сегодня в один голос называют себя преемниками римско-правовых традиций. Так, Ян Дирк Харке пишет, что европейская методология изначально восходит к двум отправным пунктам: 1) системе права и толкованию права в римском праве; 2) представлению о том, каким образом развивались правоотношения, как реагировали на это толкователи норм права и как при этом находила свою реализацию аналогия права [12, S. 2—3]. Из этого, в свою очередь, вытекает еще одна замечательная и ярко выраженная в методологии немецкого права тенденция — тенденция сравнительного правоведения. В этом контексте приведу высказывание замечательных немецких ученых Конрада Цвайгерта и Хайна Кетца о том, что решающим критерием в деятельном начале сравнительного правоведения является правоприменительная практика. Речь, конечно, должна идти о лучших судебных решениях. При этом определяющим критерием должна быть лишь одна практическая ясность (*die praktische Evidenz*), которая всякий раз обязана служить непосредственной и явно выраженной фактической (объективной) справедливостью. Оторванная же от реальности правовая догма все более и более показывает, что она существует в самой себе, в отрыве от жизненной силы. Новая реалистическая методика развивается из опыта. Именно благодаря ему она приобретает свое действительное содержание — действительность нашего правового мышления (*die Wirklichkeit unseres Rechtsdenkens*) [31, S. 32].

В своем исследовании мы решили опираться на традиционный, выработанный в греко-римской традиции, научно обоснованный в немецком праве, формальный понятийно-методологический подход. Поскольку выбранные нами для анализа категории носят в определенной части философски-иррациональный характер, считаем возможным обратиться к иррациональным способам исследования. В случаях, когда такая возможность будет предоставляться, необходимо апеллировать к судебной практике и сравнительному правоведению. Ученые-германисты предлагают следовать такой методике: изначально подбираются и анализируются соответствующие нормативные акты, анализируются правовые понятия, конструкции, правовые институты [22, S. 147]. Считаем возможным следовать этим началам, с учетом того, что рецепция римского права может предполагать и иной путь: исследование идей, категорий, правовых конструкций и, наконец, правовых норм. Это также возможный в нашем случае путь, поскольку речь идет о категориях, сложившихся в исторической ретроспективе.

Первым тезисом нашего исследования будет утверждение о том, что названные категории, несмотря на свою видимую тождественность, все же различаются по содержанию, и не только и не столько потому, что явились продуктом юридического мышления юристов разных поколений.

Vona fides (добрая совесть) в римском праве

Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что происхождение основных юридически значимых понятий и категорий берет свое начало в римском и

греческом (эллинском праве) праве, как и то, что формирование этих представлений происходило как в одностороннем порядке, так и в постоянном сопряжении и взаимодействии целого ряда сфер римского и греческого права. Одним из таких понятий является представление о доброй совести, или о добросовестности в праве.

Понятие добросовестности, невзирая на то что споры о его природе продолжаются до сих пор², следует отнести по своему происхождению к римскому правопорядку, с той оговоркой, что представление о данной категории, ее содержательной и конструктивной составляющей формировалось в ходе исторического развития древнеримского общества. Продолжается этот процесс и сейчас, если говорить о научной обоснованности этой категории и, конечно, о ее развитии в категориях-«правопреемниках».

Именно в древнеримской духовной традиции возникли и культивировались такие категории, как верность своей семье и своему роду, государству, договору и долгу. Эти категории стояли на таких столпах, как личная скромность, уважение детей к родителям, забота родителей о детях, опека власть предержащих над подчиненными, бережливость, совесть и стыд. Т. Моммзен отмечает, что сущность римского духа выражалась в том, что он держал сына в страхе перед отцом, гражданина перед повелителем, а всех их в страхе перед богами. Этот дух ничего не требовал и ничего не уважал кроме полезной деятельности и заставлял каждого гражданина наполнять каждое мгновение короткой жизни неусыпным трудом. Расширение государства было единственным незапретным высоким стремлением для римского гражданина [4, с. 37].

Длительное время развитие римского права сопровождалось внутриобщинным нравственным контролем. Так, например, если муж продавал жену или отец женатого сына, если ребенок ударил отца или невестка свекра, если патрон нарушил долг чести по отношению к гостю или к клиенту, если сосед самовольно передвигал с места межевой камень или если вор похищал в ночное время жниво, которое оставляли без охраны, полагаясь на человеческую совесть, то божественное проклятие с той минуты тяготело над головою виновного. Он мог быть лишен жизни (в зависимости от тяжести проступка). Царь имел право привести в действие проклятие по своему добросовестному убеждению [4, с. 152—153].

Fides

Представление о добросовестности в Риме начинает складываться со времен деятельности «птицегадателей» (*augures*) и «мостостроителей» (*pontifices*). С этого периода начинает наполняться своим содержанием термин *fides*. *Fides* — термин, обозначающий разные аспекты такого нравственного явления, как *вера*. *Vera* как собственная вера и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей выполнить свое обязательство, в чем бы оно ни выражалось. М. Бартошек отмечает, что благодаря именно такому представлению *fides* стала опорой всех правоотно-

² Так, один из видных немецких исследователей — Франц Виакер принципиально стоит на той позиции, что внутреннее состояние римского общества не могло обеспечить непрерывность нравственного развития, а значит, и последовательное, и непрерывное развитие *fides* (подробнее об этом см.: [23, S. 90; 35]).

шений в Риме между гражданами и негражданами и одним из основных творческих элементов римского правового мышления [1, с. 131—132].

Из всех довольно многочисленных работ, посвященных *fides*, в западноевропейской правовой доктрине выделяются очерки Эдуарда Франкеля [10, 11]. На основании подробного филологического анализа древнеримских текстов, в которых содержится упоминание о *fides*, Эдуард Франкель ставит вопросы и делает целый ряд важных, на наш взгляд, выводов. На важный вопрос о первом упоминании слова *fides*, вызывающий бурные споры, исследователь придерживается оригинального взгляда. Суть его сводится к тому, что наиболее значимым видится то, с какого времени слово *fides* наполняется юридически значимым содержанием. Франкель отмечает, что в период жизни и деятельности Цицерона этот термин имел различное содержание (друг-приятель, колода, доверие, вера), не имел особого юридического значения и употреблялся как термин технического плана³. Лишь только в литературе республиканского периода термин *fides* начинает приобретать свое истинное и наиболее точное, по мнению Франкеля, значение, которое закрепляется за ним на все оставшееся время: гарантия, поручительство (*die Gewähr*), обещание (*das Versprechen*), надежность (*die Zuverlässigkeit*), верность (*die Treu*), вероятность, достоверность (*die Glaubwürdigkeit*) и все то, где и в чем можно было увидеть гарантии в самом широком смысле слова, будь то действие или обещание или определенное правовое отношение одного лица к другому или в отношении лица или по отношению к вещи [11, S. 187].

Надо сказать, что довольно широкое представление Франкеля о содержании *fides*, в то же время является максимально конкретным. Исследователь отмечает, что в указанный исторический период данный термин всегда употребляется в устойчивой конструкции, которая предполагает его отношение в дательном падеже к лицу или к вещи. Франкель подчеркивает, что *fides* (*fidem habeo*) не есть активный психологический процесс (деятельность), имеющий самостоятельное значение (*Vertrauen, Glauben*). Очевидно, говорит Франкель, что в данном случае речь идет о том, что достойно доверия. «Во всех этих случаях с помощью *fides* обозначается качество (личности) того, кому доверяют, или, точнее говоря, характер его отношения к тому — другому, который ему противостоит, но не психическая деятельность и не настроение доверителя», — отмечает исследователь [11, S. 188].

В этой части утверждения Эдуарда Франкеля можно оценить как максимально выверенные. Прежде всего *fides* означает веру и доверие в смысле веры данному слову со стороны третьих лиц и доверие как соблюдение верности своему слову. *Это первая грань, определяющая как бы нижний предел человеческих отношений с точки зрения римского воззрения на существующий порядок вещей.* Вместе с тем без уважения к самому себе и своему честному слову в Риме не мыслилось ни одно правовое отношение.

³ В немецкой правовой доктрине нет единства мнений о том, когда термин *fides* приобрел свое истинное содержание и когда его осознанно стал применять законодатель. Так, например, Карл Шорман утверждает, что названный термин появился в первых римских кодификациях приблизительно в 450 г. до н. э. и имел вполне определенное содержание как основополагающий для римского гражданского права («Er tritt bereits bei der Kodifikation des frühesten geltenden Rechts ca. 450 v. Chr. in den XII-Tafelgesetzen auf und meint die sittliche Bindung an das eigene Wort» [23, S. 90]).

Волузий Мециан в 4-й книге «Фидеикомиссов» отмечает, что «хотя фидеикомисс, сделанный предметом стипуляции, не является долгом, однако, так как он был сознательно обещан (лицом), действующим ради соблюдения верности (данному слову), подлежит исполнению» (D. 12. 6. 62) [2, т. 3, с. 133].

Доверие к данному слову — это та мера поведения, которая является обязательной и непреложной как для публичной власти и ее представителей, так и для частных лиц, как во внутригосударственных, так и в международных отношениях. Доверие, в такого рода отношениях, начинает проявлять важную свою черту. Она начинает способствовать сохранению и охранению имущественной сферы участников правовых отношений, постепенно преломляясь через правило «Не навреди» как в частноправовой, так и в публично-правовой сфере.

Так, например, Павел в 3-й книге «Вопросов» пишет: «Когда уплачено больше, чем следовало, а ту часть долга, которую можно истребовать (обратно), нельзя найти, то все (уплаченное) считается недолжно уплаченным при сохранении прежнего обязательства». Это, по мнению Павла, правило, продиктованное естественным правом, то есть устоявшимся в праве народов правопорядком (D. 50. 17. 84, 1) [2, т. 7, с. 533].

Для римлянина обмануть (подорвать) чье-либо доверие невозможно, в особенности если речь идет об отношениях, по сути, безвозмездных. Это, кроме всего прочего, объясняется тем замечательным фактом, что доверие имеет в римском праве собственную обеспечительную ценность, наряду с поручительством и залогом, порой и большую, а также тем, что римское государство чувствует не только свое право в отношении подвластных ему, но и свои обязанности перед ними. Все эти отношения пронизаны взаимным доверием. Таким образом, *доверие раскрывается как функциональное начало*.

Ульпиан в 13-й книге «Комментариев к эдикту» отмечает, что общепризнанным является то, что при распродаже имущества банкира после (обладателей) преимущественных прав предпочтением пользуются те, кто положил деньги в банк, доверившись публичному кредиту. Но, конечно, те, кто, положив деньги, получил от банкира проценты, не отличаются от остальных кредиторов, и справедливо: ведь одно дело давать в долг, другое — положить (на хранение). Однако если наличные деньги имеются, то тот, кто предъявит такие требования, будет иметь приоритетное право в отношении обладателей других преимущественных прав (D. 42. 5. 24, 2) [2, т. 6, плт. 2, с. 227].

Помпоний в 31-й книге «Комментариев к Квинту Муцию» пишет: «То, что я продал, становится принадлежащим принявшему не иначе, как если мне уплачена цена, или в этом отношении мне дано обеспечение, или если я буду иметь к покупателю доверие без всякого обеспечения» (D. 18. 1. 19) [2, т. 3, с. 569]. Задаваясь вопросом о том, что же является достаточным обеспечением надлежащего исполнения обязательства, Ульпиан отвечает, что в любом случае это поручительство и залог. «Но также если обещанному будут доверять и без предоставления поручителей, то, по-видимому, обеспечение будет достаточным» (D. 40. 5. 4, 8) [2, т. 6, плт. 1, с. 571].

Доверие как функциональное начало порождает обоюдное должествование. Именно поэтому следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что отношения римского государства со своими колониями было двусторонне обязывающим. Со стороны колоний требовалась беспрекословная покорность, со стороны Рима — забота об этих территориях как о своих [3, с. 45—47]. Ульпиан в 1-й книге «О цензах» с явной гордостью пи-

шет: «Надлежит знать, что некоторые колонии обладают италийским правом, каковой в финикийской Сирии является прекраснейшая колония тирийцев, откуда я родом, знатная своими районами, очень древняя по происхождению, сильная оружием, во всем верная договору, который она заключила с римлянами, ведь божественный Север и наш император предоставили ей италийское право за отличную и выдающуюся верность государству и империю римскому» (D. 50. 15. 1) [2, т. 7, плт. 2, с. 445]. При этом важно отметить, что доверие закономерно порождает заботу и стремление к опеке.

Идея взаимного доверия как взаимной заботы и служения пронизывает все слои римского общества, так что возникает довольно прочная взаимосвязь. Виктор Пешль утверждает, что вера, доверие, надежность с древних времен составляли первооснову (основной столп — ein Grundpfeiler) римского государства и общественного порядка, которые отсылали к доверию, взаимопомощи, взаимной ответственности как осознанной на самом высоком уровне политической ответственности — патрона перед клиентом, владельца государственной власти перед римским народом, римской нации перед своими союзниками. Это означало так же и то, что в Риме господствовала сила, основанная на взаимной политической ответственности, как сила, способная создать и постоянно поддерживать международную систему опеки (als Treuhänderschaft). Именно на доверии покоились безопасность, уверенность, стабильность и успех римской внешней политики [19, S. 716]. Д. В. Дождев справедливо отмечает, что идея связи преобладает в значении *fides* над идеей подчинения как в международных отношениях, так и в частных [3, с. 48]. Авл Гелий пишет: «По обычаям римского народа было принято и широко известно, что после родителей в первую очередь следует заботиться о детях, вверенных в нашу *fides* и опеку; после них ближайшее место занимают клиенты, что поступили к нам в *fides* и под наше покровительство; затем на третьем месте — лица, связанные гостеприимством; затем — родственники и свойственники» [3, с. 48].

Замечательно, что в сферу отношений, основанных на доверии, попадали и рабы. Им предоставлялась исковая защита в тех случаях, когда господин обязывался перед ними, а они верили его честности. Гермогениан в 1-й книге «Извлечений из закона» пишет о том, что лишь в силу определенных причин рабам разрешается жаловаться в суд на своих господ. Так, если они утверждают, что уничтожено завещание, в котором, по их заявлению, им была предоставлена свобода. Рабам разрешается также указывать, что господа виновны в недостаточной раздаче хлеба римскому народу, в утайке имущественного ценза, подделке монеты. Кроме того, (рабы) могут требовать от господ предоставленную им по фидеикомиссу свободу, если они утверждают, что выкуплены на их собственные деньги и не были отпущены на свободу в нарушение честного исполнения соглашения. В конечном счете, рабу предоставляется власть (право) объявить о таком договоре, основанном на честности (D. 5. 1. 53) [2, т. 2, с. 45].

Таким образом, *отношения, основанные на верности данному слову, могли складываться между всеми лицами и даже рабами*. В большинстве сфер общественной жизни верность презюмировалась: международные, семейные, наследственные, основанные на безвозмездных и лично-доверительных договорах отношения. *Fides* начинает представлять собой *предел*, за которым определялось место злоупотреблению правом в виде обмана и вероломства. Ульпиан в 30-й книге «Комментариев к эдикту» отмеча-

ет, что если вещь отдается на хранение, то лицо (поклажедатель) делает тем самым ставку на честность. В случае невозврата вещи хранитель обязан выплатить стоимость вещи, переданной на хранение. Однако если поклажедатель вносит вещь на хранение в силу возникшей необходимости, «то возрастает степень преступности вероломства и общественные интересы ущемляются из-за необходимости защиты в суде права государства, ибо в таких делах вредно нарушение честности» (D. 16. 3. 1, 4) [2, т. 3, с. 409—411].

Постепенно, по мере того как *fides* расширяет границы своего действия и становится необходимой предпосылкой правоотношений, происходит наполнение ее собственным, можно сказать, деятельным содержанием. Участники правоотношений начинают получать ответы на вопрос о том, как поступать, сообразуясь с *fides*. Наряду с вышеобозначенными нами аксиомами: следовать данному самому себе слову, верить слову партнера, презюмировать верность управляющего имуществом и опекуна, безоговорочно верить государству и любому лицу, облаченному властью, появляются и другие правила поведения, основанные на *fides*, согласующиеся с ней и как бы естественно вытекающие из *fides*. Гай в 3-й книге «О словесных обязательствах» формулирует наиважнейшее правило поведения в сфере имущественных отношений, как раз вытекающее и основанное на *fides*, — *возможно укрепить имущественную сферу другого лица, исполнив за него обязательство без его ведома и воли, но нельзя подвергать угрозе эту сферу и взыскивать долг без ведома и воли на то обладателя права требования*⁴.

Обязательства должны исполняться потому, что основаны на обещании, на слове, данном одним другому. Давший слово верит ему, соблюдая свой долг. Принявший данное другим слово верит ему также, сообразуясь с представлениями о честности и верности данному слову. Опираясь на эти кажущиеся естественными представления, римское право вырабатывает следующий основополагающий принцип — *обязательства должны исполняться надлежащим образом*. Ульпиан в 4-й книге «Комментариев к эдикту» пишет: «Справедливость этого эдикта вытекает из самой природы. Ибо что более соответствует человеческой честности, чем соблюдать то, в чем они (люди) договорились» (D. 2. 14. 1, 1) [2, т. 1, с. 230].

Fides и bona fides

Таким образом, сформировалась категория *fides* и из ее недр начала вырастать несколько другая категория — *bona fides* (*добрая совесть*). Наибольшее место в правовой доктрине указанным категориям отводят исследования немецких авторов. Не претендуя на точное определение периодизации исследований немецкоязычных авторов, укажем на периоды, соответствующие первой половине XIX в., концу XIX и концу XX в., концу XX и началу XXI в. На наш взгляд, главной целью немецких исследователей при изучении обозначенных категорий явилось ощущение какой-то недостающей детали в системе правового регулирования, возможно, и самой главной. Сначала каза-

⁴ «Каждый, кто выполнит обязательство за другого, хотя и без его воли и ведома, освобождает его (от обязательства). Но одно лицо не может по праву взыскивать за другое без воли последнего то, что это лицо должно получить. И естественные, и разумные доводы убеждают в том, что мы можем улучшить положение другого лица, даже без его ведома и воли, но не можем ухудшить его» (D. 3. 5. 38) [2, т. 1, с. 397].

лось, что это навеяно известными сложностями общественно-исторического развития. Но исследования в этом направлении продолжаются и сегодня. Нельзя же утверждать, что они происходят по инерции и из праздного любопытства. Можно, конечно, предположить, что немецкая правовая доктрина старается подвести прочнейшую научную базу под собственную, очень сходную с *bona fides*, категорию — *Treu und Glauben*.

Немецкий язык содержит в себе слова, в точности соответствующие словам *совесть* и *добросовестность* (*das Gewissen und die Gewissenhaftigkeit*). В ранних работах немецких авторов предпринимались, и, надо сказать, небезуспешно, попытки, наполнить правовым содержанием эти понятия и определить их место среди категорий, имеющих правовое значение. Достаточно вспомнить работы таких ученых, как Йохан Фридрих Юниус [15, S. 183—184], Карл Георг фон Вэхтер [29], Йохан Швердлинг [25]. Так, Й. Швердлинг, рассуждая о голосе совести, писал буквально следующее: «Этот внутренний голос нашего сердца всякий раз разрешает для нас одну и ту же проблему — как поступить правильно. Этот голос и называется совестью» [25, S. 5—6]. Чем не основополагающий принцип права Европейского союза?

Новая и новейшая немецкая правовая доктрина со всей тщательностью подошла к исследованию римско-правовой категории *bona fides*, возможно, и потому, что это неисчерпаемый клад юридической мудрости⁵.

В отношении правовой природы, содержания и значения категории *fides* и *bona fides* высказан целый ряд неоднозначных, но, вне всякого сомнения, замечательных мнений. Как серьезную посылку для обсуждения обозначенной тематики можно привести мнение Вольфганга Кункеля, который отмечает, что *fides* следует рассматривать как правотворческий элемент в римском обязательственном праве (*als schöpferische Element im römischen Schuldrecht*). Кункель оставляет *fides* как бы за пределами права и его категорийного аппарата и говорит лишь о ее влиянии на право. Приведем цитату из его размышлений, поскольку она имеет чрезвычайное значение: «По своей сущности категория *fides* занимает место вне правопорядка, но она всякий раз вновь и вновь вторгается в правовую сферу, и под ее непосредственным и решающим влиянием происходит формирование правовых предписаний. Это становится возможным благодаря развитию права и в ходе такого развития» (цит. по.: [28, S. 33—69]). В качестве примера Кункель приводит развитие римского института фидеикомисса. Позиция Кункеля в отношении характеристики исследуемой категории представляется нам взвешенной [17, S. 6]. Вместе с тем с критикой взглядов Кункеля выступает Вольфганг Вальдштайн. Впрочем, в своей работе «Основания решений римских классических юристов» Вальдштайн в тот момент, когда разговор касается роли и значения *bona fides*, обращается с критикой сразу к ряду исследователей. Кункеля он критикует за сомнительную связь доброй совести с источниками римского права, Луиджи Ломбарди — за чрезмерную, на его взгляд, увлеченность лингвистическим содержанием термина *bona fides*, Франсу Виакеру достается от Вальдштайна за излишнюю концентрацию внимания на институте *exception ex fide bona* [33, S. 64]. Сам Вальдштайн считает, что исследования, проведенные на начало 70-х гг. XX в., не находят ответа на самый главный вопрос — вопрос об основаниях для признания *fides* в качестве связующего

⁵ Отметим, что не во всех приведенных исследованиях проводится разграничение между *fides* и *bona fides*. Мы же в ходе нашей работы постараемся увидеть эти различия.

звена правовых отношений (als Verhaltensbindung) или, если говорить совсем просто, как основания для вынесения решения (als Entscheidungsgrundlage) [28, S. 72].

Другое наблюдение, явно бросающееся в глаза при анализе исследуемой категории в результате ознакомления с немецкой правовой доктриной, — ощущение преемственности правовой мысли ранних работ немецких авторов и современных исследований. Если говорить о категории *bona fides*, то можно отметить, что системный анализ ее сущности нашел свое отражение в трудах немецких ученых XIX в., таких как Карл Георг Брунс [5], Хайнрих Эдуард Дирксен [8], Вильгельм Райн [21], Йохан Аугуст Родерих фон Штинтцинг [26], Мориц Фойгт [27], Карл Георг фон Вэхтер [29] и некоторых других. Примечательно, что работы названных ученых в первую очередь повлияли на формирование нормативного регулирования отношений, основанных на доброй совести, в новом германском гражданском законодательстве (Германский гражданский кодекс — BGB). Труды более поздних и современных авторов, как немецких, так и отечественных (российских), во многом воспроизводили ранее высказанные идеи и подвергали их собственному, возможно, более детальному анализу.

В рамках нашей работы остановимся на исследовании, проведенном Морицом Фойгтом. Мы выделили его из ряда остальных, поскольку это одно из первых, на наш взгляд, исследований *bona fides* во взаимосвязи с такими, часто производными от нее, категориями, как *bonae fidei iudicium*, *bonus vir*, *bonus iudex*, *boni viri* и *iudicis arbitrium, recte, dolus malus, doli mali exceptio* и др. Рассмотрение Фойгт предлагает осуществить во взаимосвязи с такой категорией, как справедливость (*aequitas*)⁶.

Замечательным в концепции Фойгта является то, что он предлагает понимать *bona fides* не только как средство уравнивания прав, обязанностей и направлений волеизъявлений сторон в сделке, но и как возможность рассмотреть это явление с субъективной и объективной стороны. Когда субъективный взгляд на добрую совесть неразрывно связан с мыслительным процессом конкретного участника правоотношения, с его знанием и осознанием положения контрагента, соответствия всего этого состояния закону, — тогда *bona fides* соответствует этому мыслительному процессу с его направлениями. В противоположность этому *bona fides* может выступать как объективная взаимосвязь. Тогда распорядок того, как лицо будет исполнять свои обязательства, ставится в зависимость лишь от сознания субъекта. В этой ситуации *bona fides* служит указанием направления воли лица, которая фактически гармонирует с касающимися ее предписаниями. В этой последней взаимосвязи, как отмечает Фойгт, *bona fides* покоится в воле лица и проявляется вместе

⁶ Исследователь в качестве исходных данных определяет *bona fides* как образ поведения и образ мысли, соответствующий справедливости, который изначально противопоставляется *dolus malus* и поведению конфликтующих сторон. *Bonus vir* — то, что можно соразмерить со справедливостью и доброй совестью. *Boni viri arbitrium* — решение, соответствующее справедливости. *Bona fidei iudicia* — правоотношение, в котором мерилom поведения являются справедливость и добрая совесть. *Doli mali exceptio* является лишь правовым средством, через которое справедливость находит свою реализацию. Наконец, *bonus iudex* — то, что принадлежит судье, является относительно самостоятельным явлением, но обязательно согласовывается со справедливостью [27, S. 583].

с ней как чистая сущность воли (*reine Sache der Willens*). Именно эта воля подлежит регламентированию со стороны предписаний закона.

Субъективная взаимосвязь *bona fides*, по сути, совпадает с субъективной правомерностью как возможностью субъективного регулирования (*die subjektive Rechtsmässigkeit*) отдельного действия или правоотношения в целом. Вместе с тем это и то обстоятельство, которое позволяет субъекту соизмерить свою осведомленность о конкретном правоотношении, о его сущности. Именно в этот момент, по Фойгту, происходит знакомство субъекта с сущностью правового отношения и поиск противопоставления *bona fides* (*доброй совести*) *mala fides* (*злой совести*). При этом юридическое значение *bona fides* в субъективном смысле приобретает тогда, когда она принимается с объективной точки зрения и поведение оценивается как противоправное. Примером может служить покупка краденной вещи с верой, что она является собственностью продавца, а также при владении чужой вещью как собственной, в случае проживания раба на свободе, когда он думает, что свободен. По мнению ученого, в этих случаях *bona fides* включает в себя одновременно как позитивный, так и негативный моменты⁷.

Таким образом, через субъективное и объективное восприятие доброй совести нам предлагается если не конструкция правоприменения такой категории, как *bona fides*, то элементы этой конструкции.

Библиографический список

1. Бартошек М. Римское право : понятие, термины, определения : пер. с чеш. М. : Юрид. лит., 1989. 447 с.
2. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов : в 8 т. М.: Статут, 2002—2005. Т. 1. 2002. 584 с. ; Т. 2. 2002. 622 с. ; Т. 3. 2003. 780 с. ; Т. 6, плт. 1. 2005. 614 с. ; Т. 6, плт. 2. 2005. 564 с. ; Т. 7, плт. 2. 2005. 564 с.
3. Дождев Д. В. Основание защиты владения в римском праве. М. : Изд-во РАН, 1996. 238 с.
4. Моммзен Т. История Рима. До битвы при Пидне. СПб. : Наука, 1994. Т. 1. 733 с.
5. Bruns C. G. Das Wesen der bona fides bei der Ersitzung. Berlin, 1872. 128 S.
6. Bydlinski F. Juristische Methodenlehre und Rechtsbegriff. Wien ; New York : Springer, 1991. 671 S.
7. Deutschsprachige Zivilrechtslehrer des 20. Jahrhunderts im Berichten ihrer Schuler. Eine Ideengeschichte in Einzeldarstellungen / hg. von S. Grundmann, K. Riesenhuber. Berlin ; New York, 2010. Bd. 2. 521 S.
8. Dirksen H. E. Beiträge zur Kunde des Römischen Rechts. Leipzig, 1825. 337 S.
9. Eisler R. Wörterbuch der Philosophischen Begriffe. Berlin, 1910. Bd. 2. 1263 S.
10. Fraenkel E. Kleine Beiträge zur Klassischen Philologie. Roma : Edizioni de Storia e Letteratura, 1964. 624 S.
11. Fraenkel E. Zur Geschichte des Wortes Fides. Roma, 1916. 199 S.
12. Harke J. Ein System des römischen Vertragsrecht // Europäische Methodenlehre : Handbuch für Auslegung und Praxis / hg. von K. Riesenhuber. Berlin, 2006. S. 6—32.
13. Henningen T. Europäische Privatrecht und Methode. Tübingen : Mohr Siebeck, 2009. 496 S.
14. Horn N. Einführung in die Rechtswissenschaft und Rechtsphilosophie. Heidelberg ; München ; Landsberg ; Frechen ; Hamburg, 2011. 301 S.

⁷ «Пороки» такого рода, по мнению Фойгта, однозначно отсутствуют, с точки зрения римского права, тогда, когда при совершении сделки гарантии даются в форме торжественного обещания (*Bona fides est ex animi sentential* [32, S. 586—587]).

15. *Junius J.-F.* Die grosse Lehre vom Gewissen in so fern sie die Gesetze der Religion und die Gesetze der Staaten verbindet. Leipzig, 1769. 470 S.
16. *Kohler J.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin ; Leipzig, 1909. 219 S.
17. *Kunkel W., Schermaier M.* Römische Rechtsgeschichte. Köln ; Weimar ; Wien : UTB GmbH, 2001. 336 S.
18. *Pawlowski H.-M.* Methodenlehre für Juristen. Heidelberg : Müller, 1999. 492 S.
19. *Pöschel V.* Virgils Hinwendung zu Rom // Aufstieg und Niedergangs der Römischen Welt : Geschichte und Kultur im Spiegel der neueren Forschung. Berlin ; New York, 1980. T. 2, Bd. 31/1. S. 71—727.
20. *Radbruch G.* Grundlage der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914. 214 S.
21. *Rein W.* Das Privatrecht und der Civilprocess der Römer. Leipzig, 1858. 989 S.
22. *Schäfer F.* Juristische Germanistik. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 2008. 835 S.
23. *Schormann K.* Kriegerische Auseinandersetzungen als Ausdruck einer Kultur, Quellen, Methoden, Ergebnisse archäologischer, ethnologischer, ethologischer und psychologischer Forschung. Bremerhaven, 2001. 313 S.
24. *Schröder J.* Wissenschaftstheorie und Lehre der «Praktischen Jurisprudenz» auf deutschen Universitäten an der Werke zu 19 (neunzenten) Jahrhundert. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1979. 252 S.
25. *Schwerdling J.* Von der Gewissen und der Gewissenhaftigkeit : Praktische Anwendung der heiligen Schrift des alten, neuen Testaments. Linz, 1817. 324 S.
26. *Stintzing J. A. R.* Das Wesen von «bona fides» und «titulus» in der roemischen Usucapienslehre. Heidelberg, 1852. 129 S.
27. *Voigt M.* Das ius natural, aequum et bonum und ius gentium der Römer. Leipzig, 1856. 635 S.
28. *Waldstein W.* Entscheidungsgrundlagen der klassischen romischen Juristen // Aufstieg und Niedergang der romischen Welt : Geschichte und Kultur Roms in Spiegel der neueren Forschung / hg. von H. Temporini, W. Haase. Berlin ; New York, 1976. Bd. 15. S. 3—100.
29. *Wächter C.-G.* Die Bona Fides insbesondere bei der Ersetzung des Eigenthms. Leipzig, 1871. 153 S.
30. *Wieacker F.* Römische Rechtsgeschichte : Erster Abschnitt Einleitung, Quellenkunde, Frühzeit und Republik. München : C. H. Beck, 1988. 474 S.
31. *Zweigert K., Kötz H.* Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebit des Privatrecht. Tübingen : Mohr Siebeck, 1996. 729 S.

ББК 67.401.02

Н. Г. Разина

ЗНАЧЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

В связи с противодействием коррупции актуальным является вопрос о проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Качественное проведение антикоррупционной экспертизы должностными лицами государственных органов и независимыми экспертами будет способствовать преодолению коррупциогенных фактов.

© Разина Н. Г., 2014

2014. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Ключевые слова: коррупция, коррупциогенные факторы, антикоррупционная экспертиза, нормативные правовые акты.

In connection with the fight against corruption the anticorruption expert evaluation of statutory acts becomes especially urgent. Qualitative evaluation held by the public bodies' officials and independent experts can favour overcoming the factors that promote corruption.

Key words: corruption, factors that promote corruption, anticorruption expert evaluation, statutory acts

Одной из серьезных проблем в России является коррупция, которая в настоящее время вышла на такой уровень, что признана одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности [14].

Начиная с 2008 г. в Российской Федерации был принят ряд нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции. Одной из важнейших задач при реализации государственной антикоррупционной политики является задача по коренному перелому общественного сознания, формированию в обществе атмосферы жесткого неприятия коррупции. В Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460, закреплено, что данная Стратегия реализуется путем активного вовлечения в работу по противодействию коррупции политических партий, общественных объединений и других институтов гражданского общества (подп. «з» п. 9 Стратегии).

В 2006 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции [13], которая закрепила стремление государств-участников периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней (п. 3 ст. 5 Конвенции).

Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [12] под коррупцией понимается:

а) «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подп. “а” настоящего пункта, от имени и в интересах юридического лица» [12].

Противодействие коррупции — это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции).

В рамках рассматриваемой проблемы можно назвать следующие меры предупреждения коррупции:

а) обеспечение четкой правовой регламентации деятельности органов государственной власти, законности и гласности такой деятельности, государственного и общественного контроля за ней, повышение нравственного, материального и культурного уровня населения;

б) привлечение институтов гражданского общества к борьбе с коррупцией, для воспитания правового и гражданского сознания, получения навыков антикоррупционного поведения;

в) осуществление специальных действий, непосредственно нацеленных на борьбу с коррупцией. К ним, в частности, в соответствии с ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», относится антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов [12].

Именно антикоррупционной экспертизе принадлежит особая роль в профилактике коррупции, проводимой как государственными органами, так и независимыми экспертами, т. к. именно она направлена на обнаружение коррупциогенных факторов в проектах нормативных правовых актов и уже действующих нормативных правовых актах.

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [12] установлены правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. В ст. 3 данного Закона закреплено, что противодействие коррупции в Российской Федерации основывается на ряде принципов, в числе которых можно назвать принцип публичности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, принцип сотрудничества с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами. Ст. 6 вышеназванного Закона указывает в перечне основных мер по профилактике коррупции и такую меру, как проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Законодатель определяет, что одним из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции является создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества (п. 2. ст. 7 Закона).

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4] (далее: ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе») закрепляет правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

В соответствии с ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» «коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» [4].

Ст. 5 вышеуказанного Закона гласит, что «институты гражданского общества и граждане могут в порядке, предусмотренном нормативными пра-

вовыми актами РФ, за счет собственных средств проводить независимую экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). В заключении по результатам независимой антикоррупционной экспертизы должны быть указаны выявленные в нормативном правовом акте (проекте нормативного правового акта) коррупциогенные факторы и предложены способы их устранения. Заключение по результатам независимой антикоррупционной экспертизы носит рекомендательный характер и подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, которым оно направлено, в течение 30 дней со дня его получения. По результатам рассмотрения гражданину или организации, проводившим независимую экспертизу, направляется мотивированный ответ, за исключением случаев, когда в заключении отсутствует предложение о способе устранения выявленных коррупциогенных факторов» (о независимой антикоррупционной экспертизе см. подробнее: [1]).

В Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 в подп. «р» п. 8 указано, что одним из основных направлений, по которым реализуется Национальная стратегия противодействия коррупции, является совершенствование организационных основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и повышение ее результативности.

Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» утверждены Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, а также Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [2]. Постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (в ред. от 15 мая 2010 г. № 336) утверждены Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации. В Правилах закреплена необходимость приложения к нормативному правовому акту, представленному на государственную регистрацию в Минюст России, справки, в которой в числе прочих сведений содержатся и сведения о проведении независимой антикоррупционной экспертизы с приложением копий заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы (п. 12 Правил) [9].

Практически каждый федеральный орган исполнительной власти принял правила проведения антикоррупционной экспертизы. Эти правила конкретизируют положения, которые имеются в Постановлении Правительства РФ № 96 от 26 февраля 2010 г. Примерами нормативных правовых актов министерств и ведомств могут служить акты, приведенные в библиографическом списке [3, 7, 8, 10, 16].

Таким образом, имеется определенная нормативная правовая база, посвященная институту антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

В соответствии со ст. 3 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) проводится:

1) прокуратурой Российской Федерации — в соответствии с ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» и ФЗ «О прокуратуре Российской Федера-

ции» [11], в установленном Генеральной прокуратурой РФ порядке [11] и согласно методике [12], определенной Правительством РФ;

2) федеральным органом исполнительной власти в области юстиции — в соответствии с ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», в порядке и согласно методике [2], определенной Правительством РФ;

3) органами, организациями, их должностными лицами — в соответствии с ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, и согласно методике [2], определенной Правительством РФ.

Следовательно, действующим российским законодательством предусмотрено два вида антикоррупционной экспертизы — обязательная, т. е. проводимая государственными органами (прокуратурой РФ, Минюстом России, органами исполнительной власти, их должностными лицами) в пределах их компетенции, и необязательная, т. е. проводимая институтами гражданского общества, в том числе независимыми экспертами.

Причем в отношении антикоррупционной экспертизы, проводимой прокуратурой, законодатель четко устанавливает, что прокуроры в ходе осуществления своих полномочий проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов органов, организаций, их должностных лиц по вопросам, касающимся:

1) прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;

2) государственной и муниципальной собственности, государственной и муниципальной службы, бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании, а также законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций, фондов и иных организаций, создаваемых Российской Федерацией на основании федерального закона;

3) социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы.

Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2009 г. № 400 устанавливается порядок организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов [5].

В литературе приводится достаточно широкое определение экспертизы. Экспертиза — это основанное на использовании накопленных человеческих знаний и опыта изучение каких-либо вопросов, проводимое по определенным правилам специально отобранными высококвалифицированными специалистами с целью обеспечения принятия решений по данным вопросам наиболее полным объемом необходимой и достаточной для этого информации [15, с. 10].

На территории Российской Федерации экспертная деятельность может осуществляться в виде государственной и негосударственной экспертизы, охватывая экономическую, правовую, культурную, социальную области общественной жизни.

Рассматриваемая нами антикоррупционная экспертиза может выступать в качестве и общественной, и научной, и независимой экспертизы. Нас же интересует в большей степени антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, проводимая государственными органами. Законодатель не дает понятия антикоррупционной экспертизы, но определяет ее цель. Це-

лью проведения антикоррупционной экспертизы считается выявление в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов и их последующее устранение.

Исходя из вышеназванной цели можно сформулировать следующее понятие антикоррупционной экспертизы.

Антикоррупционная экспертиза — это деятельность специально уполномоченных государственных органов и их должностных лиц (прокуратуры РФ, Минюста РФ и иных органов власти) либо физических и юридических лиц, аккредитованных в качестве независимых экспертов на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность, направленная на выявление в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов и выработку рекомендаций по их устранению.

Основными принципами организации антикоррупционной экспертизы являются:

1) обязательность проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Данный принцип предполагает необходимость обеспечения разработчиками проектов нормативных правовых актов возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы. Разработчик проекта нормативного правового акта размещает данный проект на своем официальном сайте в Интернете с указанием дат начала и окончания приема заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы. Кроме того, например, нормативный правовой акт федеральных органов исполнительной власти представляется на государственную регистрацию в Минюст России со справкой, содержащей, в числе прочих сведений, и сведения о проведении независимой антикоррупционной экспертизы с приложением копий заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы [9, п. 12];

2) оценка нормативного правового акта во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами. Этот принцип предполагает выяснение связей нормативных правовых актов между собой по юридической силе, а также по вопросам совместного ведения. Эксперты должны проанализировать и оценить не только проект нормативного правового акта, но и те изменения, которые, возможно, придется внести в действующее законодательство в связи с принятием данного акта. Кроме того, эксперт должен использовать анализ правоприменительной практики исследуемой сферы правоотношений;

3) обоснованность, объективность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов).

Обоснованность результатов антикоррупционной экспертизы включает в себя наличие совокупности аргументов, доводов, подтверждающих тщательный анализ существующих социальных потребностей в нормативном правовом акте, прогнозирование последствий принимаемых решений, предупреждение побочных последствий, не отвечающих целям правового регулирования.

Объективность — действительное, независимое от воли и сознания человека существование мира, предметов, их свойств и отношений. Объективность результатов антикоррупционной экспертизы заключается в беспристрастности, непредвзятости и независимости в проведении исследования. Объективность предполагает, что эксперт должен учитывать все факторы, имеющие значение при проведении исследования, а также использовать рекомен-

дованные современной наукой, нормативными правовыми актами и экспертной практикой методики. При этом все субъекты, проводящие антикоррупционную экспертизу, руководствуются Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 [2]. Но вместе с тем следует указать, что существует ряд методик, разработанных научным сообществом и общественными организациями, заинтересованными в проведении подобных экспертиз. Одной из возможных технологий антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов является Методика Центра стратегических разработок [19, с. 96]. Она апробирована Комиссией Государственной думы по противодействию коррупции, Правительственной комиссией по проведению административной реформы, федеральными и региональными органами исполнительной власти.

Проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов означает, что все подвергнутые анализу нормы с выявленными в них коррупционными факторами подтверждены конкретными проверяемыми аргументами, в том числе и ссылками на нормативные правовые акты, регулирующие исследуемые общественные отношения.

Однако, несмотря на соблюдение названных принципов, на практике даже проведенная экспертиза и официальный вариант заключения зачастую игнорируются, причем самим органом, его утвердившим, т. к. отсутствуют обязательность экспертного заключения и ответственность за неисполнение его положений [21];

4) компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Если компетентность должностных лиц государственных органов, проводящих антикоррупционную экспертизу в определенной степени не вызывает сомнений, то в отношении независимых экспертов данный принцип может означать наличие у эксперта специальных знаний в той или иной области. В научной литературе все чаще высказывается мысль о необходимости ужесточить требования для лиц, желающих быть аккредитованными в качестве независимых экспертов, либо проводить обучающие семинары и иные мероприятия по методике и технологиям оценки нормативных правовых актов. «Целесообразно введение дополнительных квалификационных требований к независимым экспертам, в том числе рассмотрение вопроса о прохождении ими специального обучения, в противном случае рассмотрение заключения независимой экспертизы будет скорее замедлять или необоснованно приостанавливать нормотворческий процесс, чем способствовать повышению качества подготавливаемых нормативных правовых актов. Такими квалификационными требованиями должны быть научная либо практическая специализация в проблемах экономического анализа законодательства, теневой экономики, коррупции и борьбы с ней (наличие ученых степеней, званий; опыт анализа нормативных правовых актов; прохождение специального теста при отборе с анализом правовых актов на коррупционность и т. п.). Одним из требований могло бы стать прохождение обучения по образовательным программам в данной сфере» [22, с. 13]. Также в научной литературе высказывается мнение о том, что «целесообразно предусмотреть процедуру конкурсного отбора экспертов. В качестве примера можно рассмотреть практику, сложившуюся при формировании состава судебных экспертов» [20, с. 175];

5) сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) [4, ст. 2].

Также возможно сотрудничество независимых экспертов и органов государственной власти в таких формах, как проведение научно-практических конференций, методических семинаров, на которых будут обсуждаться проблемы проведения антикоррупционных экспертиз, анализ экспертных заключений и тому подобные вопросы.

В целях предупреждения коррупции и недопущения коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах Указом Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» № 601 от 7 мая 2012 г. [6] Правительству РФ предписано сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения. Постановлением Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 17.12.2012 г. № 1318, от 18.12.2012 г. № 1334) утверждены Правила раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения [17]. Данные Правила устанавливают порядок раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. Также предупреждению появления коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах должен способствовать состав нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемые федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти. Данный состав нормативных правовых актов утвержден Постановлением Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 877 (в ред. от 16.06. 2012 г. № 507) [18].

Для повышения эффективности заключений независимых экспертов возможно и их обращение в органы государственной власти за поддержкой при осуществлении своей деятельности. Тем более что необходимость наладить взаимодействие с различными субъектами антикоррупционной экспертизы, в том числе проводящими независимую экспертизу на коррупциогенность, для государственных органов предусмотрена и ведомственными нормативными правовыми актами, например Приказом Генеральной прокуратуры РФ [9].

Таким образом, понимание значения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и качественное проведение антикоррупционной экспертизы должностными лицами государственных органов и независимыми экспертами будет способствовать преодолению коррупциогенных фактов и в целом коррупции.

Библиографический список

1. Каменская Е. В., Рождествина А. А. Независимая антикоррупционная экспертиза : науч.-практ. пособие. М., 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Серия

• «Естественные, общественные науки»

2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // Рос. газета. 2010. 5 марта.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации : приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 25 ноября 2009 г. № 209 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.02.2014).
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : ФЗ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
5. Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2009 г. № 400 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-62/> (дата обращения: 21.02.2014).
6. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : Указ Президента РФ № 601 от 7 мая 2012 г. // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
7. Об утверждении Инструкции о порядке проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов ФСБ России и нормативных правовых актов ФСБ России в органах федеральной службы безопасности : приказ Федеральной службы безопасности РФ от 24 ноября 2009 г. № 606 // Официальный сайт Федеральной службы безопасности РФ. URL: <http://www.fsb.ru/> (дата обращения: 20.02.2014).
8. Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства образования и науки Российской Федерации : приказ Минобрнауки РФ от 7 октября 2009 г. № 375 (в ред. от 14.09.2010 г. № 920) : зарегистрировано в Минюсте РФ 27 октября 2009 г. № 15139 // Рос. газета. 2009. № 217. 18 ноября.
9. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (в ред. от 15 мая 2010 г. № 336) // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.
10. О порядке проведения антикоррупционной экспертизы и независимой экспертизы на коррупциогенность нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Федерального агентства по обустройству Государственной границы Российской Федерации : приказ Росграницы от 2 ноября 2009 г. № 172 (ред. от 7 апреля 2010 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 51.
11. О прокуратуре Российской Федерации : Закон РФ от 17 января 1992 г. (в ред. ФЗ от 17.11.1995 г. № 168-ФЗ, от 17.07.2009 г. № 171-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС. 1992. № 8. Ст. 360 ; СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
12. О противодействии коррупции : ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 2). Ст. 6228.
13. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : ФЗ от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Рос. газета. 2006. 21 марта.
14. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
15. *Плетнев К. И.* Экспертиза в развитии экономики по инновационному пути. М. : РАГС, 2006. 38 с.
16. Порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) ФСФР России : приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 1 декабря 2009 г. № 09-50/пз-н // Официальный сайт Федеральной службы по финансовым рынкам. URL: <http://www.ffms.ru/> (дата обращения: 15.03.2014).

17. Правила раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения : Постановление Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 (в ред. от 17.12.2012 г. № 1318, от 18.12.2012 г. № 1334) // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4962.
18. Состав нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемые федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти : Постановление Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 877 (в ред. от 16.06. 2012 г. № 507) // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4947.
19. *Талпина Э. В., Южаков В. Н.* Методика первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов / под ред. В. Н. Южакова. М. : Статут, 2007. 96 с.
20. *Уманская В. П.* Антикоррупционная экспертиза правовых актов: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Закон. 2010. № 4. С. 170—177.
21. *Филатова А.* Роль экспертизы в формировании антикоррупционной политики. URL: http://www.psj.ru/saver_magazines/detail.php?ID=58355 (дата обращения: 18.03.2014).
22. *Хабриева Т. Я.* Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журн. рос. права. 2009. № 10. С. 5—13.

ББК 65.52

О. В. Родионова

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ДЕТЕРМИНАНТ МОДИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Анализируются тенденции развития экономической функции современного государства в контексте изменения состава ее основных акторов. Освещаются проблемы законодательного регулирования новых экономических отношений, а также определяется динамика развития государственно-организованного общества.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, экономическая функция, глобальная экономика, надгосударственная власть.

The article analyses the tendencies of the modern state economic function development in the context of its main actors cast change. The problems of new economic relations legislative control are covered, and the state-formed society development dynamics is defined in the article.

Key words: globalization, glocalization, economic function, global economy, supranational authority.

Современная государственность подвергается всестороннему научному анализу, т. к. процессы глобализации во многом модифицируют традицион-

ные функции и институты государства. Российские ученые сравнивают государство и гражданское общество [7, с. 35—45], изучают государство и право в контексте информационного общества [1], предлагают идею самоидентификации государства как процесса его легитимации [4, с. 92—95] и т. д. Думается, что исследование государства в деятельностном аспекте все же наиболее продуктивно. Легче проследить его развитие, учитывая тот факт, что если в процессе глобализации преобразовываются функции государства, то неизбежно со временем будут изменяться и государственные институты.

Оговорюсь: под государством понимается не только совокупность органов государственной власти, но все государственно-организованное общество. Можно смело говорить о радикальном изменении многих функций государства, но нас, прежде всего, интересует модификация экономической функции государства как наиболее значимой и во многом определяющей статус любого государства.

Рассмотрим три близких, созвучных термина: глобализация, глобализм, глокализация. Глобализация в интересующем нас контексте — это тенденция к универсализации государственно-правовых явлений. И здесь немаловажную роль играет тот факт, присущее кому изначально государственное или правовое явление берется как образец для подражания. Если это явление «родное» или близкое по культурному контексту для конкретного государства, то процесс универсализации не только пройдет безболезненно, но даже даст определенные преференции для статуса государства-родителя данного явления. А если предлагаемый как образец государственно-правовой институт чужд конкретному обществу и идет вразрез с традициями и обычаями того или иного народа, то очень возможны проблемы «приживаемости» такого явления.

Глобализм — это движение, объединяющее сторонников глобализации. «Он (тут никакого секрета нет), в конечном счете, направлен на то, чтобы сделать базовые соционормативы современности едиными для всех государств, сделать их универсальными» [4, с. 95].

Глокализация — это тенденция к обособлению в развитии государства. Это акцентирование особенного, неповторимого, присущего только данному народу, только определенному конкретному государству. В России сторонниками глокализации можно было бы считать славянофилов с их «особым путем», если бы в те далекие времена использовался данный термин.

Глобализация определяет сокращение влияния органов государственной власти на экономические процессы. Насколько влияет внутригосударственная политика на экономические процессы сегодня? Стратегия определяется гибкостью национальной экономической политики, степенью ее влияния на транснациональные корпорации (ТНК) и международные правительственные организации (МПО).

Стратегический характер глобальной экономики позволяет выявлять различные возможности регулирования и управления экономическими процессами. Нельзя не признать также тот факт, что географически определяющий фактор глобализации экономики находится в Североатлантическом регионе. Экономически более развитые страны, по существу, навязывают миру свои стандарты и в сфере управления, и в сфере технических стандартов.

Но географически стратегические точки такого непубличного, частного управления находятся на территории различных государств, что также расширяет возможности участия этих государств в управлении экономикой.

Очевидно, что иностранные инвестиции и глобальный рынок капитала — это движущие силы современной глобальной экономики. Управление и координация всех процессов жизнедеятельности транснациональных фирм и инвестиционных агентов, действующих на мировом рынке, становятся еще более сложными. Эти факты определяют новые требования к управленческим и контрольным функциям, которые должны координироваться уже не на государственном, а на *надгосударственном* уровне. Постепенно формируется новая стратегическая география в сфере управления экономикой. С. Сассен, например, рассматривает такой институциональный порядок как почву для зарождения нового вида надгосударственного управления экономикой [12, р. 98].

Глобализация в сфере экономики — это прежде всего унификация законодательства в сфере гражданско-правовых, контрактных отношений, это юридические гарантии для иностранных инвесторов и зарубежных фирм. Удивительно, на первый взгляд, но контекстными терминами в этом случае являются: «дерегулирование», «приватизация управления», «растущее влияние негосударственных акторов в осуществлении экономической функции государства». Вопрос: а не изменяется ли в таком случае сущность государства?

Вопрос сложный, требующий углубленного анализа. Но и при беглом обзоре в ограниченных рамках научной статьи можно отметить, что смещаются акценты в контексте основных целей и задач государства, уходит исключительная прежде роль органов государственной власти в осуществлении экономической функции государства, а также частично изменяется их назначение. Включение таких акторов, как институты гражданского общества и надгосударственные институты, в сферу управления экономикой государства определяет активизацию динамических процессов не только в государстве как в явлении, но и в его сущности.

Думается, мы действительно наблюдаем начало формирования нового этапа организации общества, предполагающего денационализацию тех отношений, которые исторически сложились как внутригосударственные, т. е. как функции, присущие прежде *исключительно* органам государственной власти.

Сегодня можно различать следующие сферы управления экономикой: внутригосударственную (т. е. управляемую исключительно органами власти конкретного государства) и негосударственную. Причем здесь можно, в свою очередь, вычленив участие институтов гражданского общества и институтов надгосударственных (таких как МПО и ТНК). По существу, имеет место некоторая двойственность: можно выделить две сферы — государственную и глобального масштаба. Нужно учитывать, что зачастую они имеют взаимоисключающий характер.

Но не все институты государственной власти вписываются в эту дихотомную схему. Например, министерства финансов, центральных банков, специализированных технических агентств, связанных с финансами, телекоммуникациями, антимонопольной политикой, нельзя дифференцировать по этому принципу. Деятельность вышеуказанных публично-властных институтов в первую очередь указывает на модификацию функций государственной власти, а также определяет высокую степень значимости этих функций. Но органы государственной власти сегодня еще не утрачивают своих ключевых позиций в сфере управления экономикой.

В зарубежной науке существуют разные точки зрения на модификацию функций органов государства. Так, С. Д. Крэснер утверждает, что государство в

этом аспекте по сути своей неизменно [10]. Другие ученые считают, что роль органов государственной власти и управления сокращается, уступая место институтам гражданского общества, а также МПО и ТНК [8, р. 205—228; 11].

Рассмотрим эту проблему. Государства участвуют в имплементации той глобальной экономической системы, в рамках которой они существуют, и в большинстве случаев претерпевают значительные модификации. Государства вынуждены принимать во внимание интересы зарубежных фирм и инвесторов, что подразумевает некие процедуры, в ходе которых происходит преобразование самих государственных органов, изменяются нормативные правовые акты, рождаются и совершенствуются механизмы, необходимые для превращения национального капитала в «капитал мировой».

Кроме того, с необходимостью вырабатываются новые нормативные акты для зарубежного капитала, который может быть привлечен для внутриэкономических государственных нужд. Этот капитал опять же поступает в распоряжение органов государственной власти. Все это предполагает модификацию механизмов действия органов государственной власти в сфере экономики. Такого рода преобразования пока немногочисленны, но их становится со временем все больше и больше. Они могут изменить механизм внедрения норм международного права в национальное право, т. к. сегодня эта процедура зависит во многом от организации аппарата государственной власти. Некоторые органы государственной власти имеют компетенцию, пределы которой ограничены их долей участия в глобальной экономике. Отдельные органы государственной власти получают сегодня новые полномочия, обусловленные именно необходимостью участия в глобализационных процессах. Причем экономической сферой такая трансформация не ограничивается. Так внутригосударственные суды решают дела против иностранных компаний или предоставляют определенные права нелегальным иммигрантам. Денационализация функций органов государственной власти, таким образом, поливалентна, она не ограничивается сферой экономики, она затрагивает и сферу прав человека.

Одна из компетенций органов государственной власти в сфере глобальной экономики — это регулирование экономических и связанных с ними отношений между внутригосударственными субъектами и иностранными акторами, будь то отдельные фирмы, рынки или транснациональные корпорации. Возникает вопрос: существуют ли какие-либо особые условия, которые заметно отличают исполнение такой роли органами государства сейчас по сравнению с более ранними стадиями развития мировой экономики? У нас есть, с одной стороны, детально разработанное законодательство, которое прошло основные стадии своего развития за последнее столетие и наделяет государство исключительной территориальной властью. С другой стороны, широкий процесс институализации, особенно активный в 1990-е гг., — появление «прав» иностранных компаний, свобода транзакций между государствами, растущая власть и влияние транснациональных корпораций. Эти процессы подразумевают постепенное перераспределение компетенций между органами государственной власти и институтами гражданского общества, а также транснациональными корпорациями в сфере экономических отношений. У органов государственной власти остается весьма значимая компетенция: они представляют исключительные государственные гарантии, обеспечивающие права глобального капитала, т. е. являются защитниками договоров и собственности. Именно они представляют государство как главного легитиматора требований участников данных правоотношений. В такой трак-

товке органы государственной власти можно рассматривать как инкорпоратора глобальной проекции своей сокращающейся роли в регулировании экономических транзакций и в обеспечении операционной эффективности и легитимности глобальных процессов.

Цель иностранных фирм и инвесторов — получить протекцию в транснациональном масштабе, которую традиционно обеспечивали органы государственной власти своим фирмам (как правило, защита прав и соблюдение договоренностей). Но сегодня такие гарантии определяют уже не только органы государственной власти. В некоторой степени такие гарантии обуславливаются ростом роли международного коммерческого арбитража. Некоторые государства, в особенности США и Великобритания, определяют структуру этих новых правил согласно, прежде всего, традициям англо-американского права. Они настойчиво предлагают эти нормы другим государствам, не принимая во внимание национальные особенности и традиции иных государств, в некоторой степени пренебрегая суверенитетом этих государств. Это создает определенные ограничения для участников данных отношений. Нормативные акты, приказы, определенные технические стандарты и т. д. — все это разрабатывается и принимается особыми институциональными и политическими структурами внутри каждого отдельного государства. И внедрение внешних, международных стандартов, норм и т. п. — процесс не всегда органичный и безболезненный для национального права. Это теоретическая и практическая проблема, которая требует своего решения.

Найденный консенсус между государствами относительно дальнейшей глобализации — это не только внешнеполитическое решение. Этот консенсус предопределяет постоянную работу большого количества различных государственных институтов в каждом отдельном государстве. В перспективе роль органов государственной власти будет значительно меняться в зависимости от того, какой властью, каким авторитетом они обладают внутри страны, а также тем фактором, который определяет, какова роль, каков статус того или иного государства на мировой арене.

В этом контексте нельзя умолчать о роли США. Правительство США проводит политику гегемонии, оно фактически заставляет другие государства принять требования рынка мирового капитала в их интерпретации. Страны «Большой семерки» не без успеха пытаются определять не только политику, но и формы организации органов государственной власти иных государств, а также направления развития их экономики.

Хотелось бы выделить три наиболее детерминирующие черты глобальной экономики. Первая — география экономической глобализации является стратегической, а не всеобъемлющей. И это становится более явным, когда дело доходит до управления, координации, финансирования глобальных экономических операций. Стратегический характер глобальной экономики позволяет выявлять различные возможности регулирования и управления ею. Вторая черта — это тот факт, что центр тех транзакций, которые мы называем глобальной экономикой, находится в Североатлантическом регионе. Этот факт обеспечивает развитие и внедрение определенных управленческих структур и технических стандартов, присущих именно этому региону. Третья черта — стратегическая география экономической глобализации частично включена в территории государств, например города-гиганты, Силиконовая долина. Сочетание этих трех характерных черт говорит о том, что у различных государств есть разные варианты участия в управлении глобальной экономикой. Это зависит от их силы, места и влияния на мировой арене.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Есть территории в рамках стратегической географии, на которых интенсивность управленческих мер, контроля, плотность экономических транзакций создают новые сложные управленческие конфигурации. Это определяется прямыми иностранными инвестициями, которые в основном направлены на слияние и поглощение компаний разных государств, и глобальным рынком капитала. Иностранные инвестиции и глобальный рынок капитала — движущие силы современной глобальной экономики. Эти два явления стоят в основе любых структурных изменений процесса глобализации и динамики управления глобализацией. Кроме того, именно они позволяют рельефно увидеть значимость Североатлантического региона в процессе глобализации.

И прямые иностранные инвестиции, и глобальный рынок капитала влияют на появление некоторых специфических организационных и управленческих моментов. Управление всеми процессами жизнедеятельности транснациональных фирм и инвестиционных агентов, действующих на мировом рынке, и их координация становятся все более сложными. Это определяет значительный рост управленческих требований, динамику функций контроля на мировом уровне. В свою очередь, эти факты способствуют формированию стратегической географии в области менеджмента глобализации. Эти моменты становятся все более очевидными и проявляются в структуре мирового рынка капитала и инфраструктуре финансовых центров, формирующих его. Можно рассматривать такой институциональный порядок как зарождение нового вида управления, нового вида власти.

Некоторые зарубежные авторы позиционируют эти новации как основание для появления нового вида *надгосударственной* власти [2, 12]. М. Кастельс и Дж. Ритцер дополняют это утверждение положением о том, что это приводит еще и к возникновению *нового принципа властных отношений* — вместо традиционного иерархического принципа властных отношений принцип так называемых сетевых структур власти [2, 6]. Собственно, эта позиция может считаться устоявшейся в зарубежной научной литературе. Так, английский ученый Б. Джессоп приходит к выводу, что работы последних лет по управлению направлены «в пользу концепции “гетерархии”, то есть горизонтальной самоорганизации среди взаимозависимых акторов» [9, р. 15]. Правда, не все российские ученые согласны с такой характеристикой существующих властно-управленческих отношений. В частности, Л. С. Мамут пишет по этому поводу следующее: «Преобразование современного национального государства в публично-властную ассоциацию, которая в главном согласуется с социальными, экономическими, политическими, правовыми, гуманитарными стандартами начавшей формироваться планетарной цивилизации, вовсе не требует коренного слома его привычно существующих параметров, не предполагает водворения на их месте “горизонтальных сетевых связей”. Говорить о пришествии эпохи пока что весьма гипотетических “сетевых государств” очень рано» [5, с. 12]. На наш взгляд, мнение авторитетного российского ученого логично и заслуживает внимания. Властные отношения по сути своей *иерархичны* и поэтому другими быть просто не могут.

И все же определенные изменения в сфере управления государственно-организованным обществом, и в частности управления экономикой, имеют место быть. Увеличение потока прямых иностранных инвестиций обуславливает возникновение вопросов, связанных с транспарентностью границ, что провоцирует появление проблем управленческого характера, возникающих при объединении корпораций, расположенных в различных государствах, в

трансконтинентальные и мультинациональные корпорации. «В новых трансграничных экономических структурах сосредоточиваются колоссальные финансовые, материальные и иные ресурсы, и такие структуры — даже не в силу амбиций, а ради решения своих профессиональных (экономических) задач — начинают претендовать на перераспределение власти», — отмечает В. Я. Любашиц [3, с. 208]. Рост мирового рынка капитала обусловил необходимость создания собственных специфических негосударственных и надгосударственных элементов управления в рамках этих финансовых структур: это международные регулятивные нормы безопасности; новые международные стандарты ведения бухгалтерского учета и финансовой отчетности и др.

Трансконтинентальные корпорации, промышленные объединения, межнациональные банки и фонды в какой-то степени приватизировали у государства экономическую функцию, тем самым изменив роль государства, значительно сократив ее в этом аспекте. На мировой арене появились новые акторы, которые в сфере управления экономикой не просто соперничают с органами государственной власти, но порой и заменяют их. По существу, на сегодняшний день они являются соакторами органов государственной власти в сфере экономики. А поскольку экономика любого государства сегодня не может существовать автономно, она является частью глобальной экономики, то стратегическое управление ею осуществляют финансовые организации и трансконтинентальные корпорации как основные акторы глобальной экономической функции.

Исполняется эта функция совокупностью (комплексом) корпоративных сервисов, которые представляют собой систему финансовых, юридических, маркетинговых филиалов и дочерних компаний. Объединения, состоящие из множества подобных филиалов и дочерних корпораций, выполняют функции управления и координации — каждый в своей узкой сфере деятельности и в целом в масштабе глобальной экономики. Расположены они в основном в наиболее развитых странах в крупных городах, таких как Нью Йорк, Лондон, Париж, Берлин, Токио и др. И этот момент также определяет стратегический фактор в организации глобальной экономики. Произошла интеграция фондовых бирж, что повлекло за собой увеличение объема капиталов, проходящих через фондовые рынки. Глобально интегрированные фондовые биржи расположены в стратегически важных местах, «глобальных городах», по выражению С. Сассен [12, р. 101—102].

Наиболее важный момент — это взаимодействие мирового рынка капитала с финансовой системой какого-либо государства, выработка единой нормативно-правовой базы, позволяющей единообразно регулировать финансово-экономические процессы в различных странах в рамках одного правового поля. Необходимость согласования международных и национальных нормативно-правовых систем — одна из основных проблем современной глобальной экономики.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к следующим выводам. Процесс глобализации набирает обороты. Он постепенно меняет сущность такого института, как государственно-организованное общество. Мы — свидетели начала процесса преобразования организации человеческой цивилизации из государственно-организованной в надгосударственную, постгосударственную организацию. Но до формирования целостного надгосударственного института еще далеко. Это только начало пути.

Библиографический список

1. *Бачило И. Л.* Государство и право XXI в. : реальное и виртуальное. М. : Юркомпани, 2012. 227 с. (Актуальные юридические исследования).
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. *Любашиц В. Я.* Современное государство в глобализирующемся мире : проблемы теории // Правоведение. 2004. № 4. С. 203—221.
4. *Мамут Л. С.* Самоидентификация государства // Государство и право. 2012. № 7. С. 92—95.
5. *Мамут Л. С.* «Сетевое государство?» // Государство и право. 2005. № 11. С. 5—12.
6. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с.
7. *Тихомиров Ю. А.* Гражданское общество в фокусе права // Журн. рос. права. 2013. № 10. С. 35—45.
8. *Gill S.* Globalization, democratization, and the politics of indifference // Globalization: Critical Reflections : International Political Economy Yearbook / ed. by J. Mittelman. 1996. Vol. 9. P. 205—228.
9. *Jessop B.* Governance failure // The New Politics of British Local Governance / ed. by G. Stoker. Houndmills ; Basingstoke : Macmillan, 2000. P. 11—32.
10. *Krasner S. D.* Sovereignty : Organized Hypocrisy. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1999. 268 p.
11. *Mittelman J.* The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2000. 277 p.
12. *Sassen S.* The state of globalization // The Emergence of Private Authority in Global Governance / ed. by R. B. Hall, T. J. Biersteker. Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2002. P. 91—114.

ББК 67.408.022.18

*О. В. Соколова***К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАНИИ
ЛЕГИТИМНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ
ПАТЕРНАЛИСТСКОГО ХАРАКТЕРА**

Анализируется одна из концептуальных идей уголовного права — ограничение государственного вмешательства в сферу индивидуальной свободы личности. Делается вывод о невозможности полного отказа от наличия в уголовном законодательстве норм патерналистского характера. Поднимается вопрос об обосновании легитимного ограничения свободы человека при установлении уголовно-правовых запретов в духе патернализма.

Ключевые слова: уголовно-правовой патернализм, вмешательство в свободу индивидуума, институт запрета «вредных благ», обоснование легитимного ограничения свободы.

The article analyzes one of the penal law conceptual ideas – the restraint of the state’s interference in the sphere of individual freedom. The conclusion is made about the impossibility of the total cancellation of paternalistic norms in penal legis-

© Соколова О. В., 2014

lation. The question is raised about human freedom legitimate restraint rationale when paternalistic penal prohibition establishing.

Key words: penal paternalism, interference in individual freedom, prohibition of «addictive goods», human freedom legitimate restraint justification.

Анализируя российское законодательство в сфере уголовного права, ученые выделяют ряд негативных тенденций, одну из которых обозначают как спонтанность и субъективизм в принятии уголовно-политических решений [12, с. 3]. Нормативные правовые акты, как правило, принимаются без учета положений, разработанных уголовно-правовой наукой в области охраны общественных ценностей, не проходят криминологическую экспертизу, носят в ряде случаев конъюнктурный, политизированный характер [9, с. 15].

Ученые обращают внимание законодателя на значимость концептуальных начал уголовного права, основных идей, которые должны определять как внешний облик, так и содержание, наполнение уголовного права (источники, область потенциально преступного поведения, возможные следствия преступлений и пр.) [1, с. 8—11]. Эти идеи, как отмечает А. Б. Баумштейн, являются сравнительно постоянными величинами в отличие от меняющихся нормативных установлений уголовного законодательства. Подобное постоянство объясняется обусловленностью концептуальных начал определенной системой социально-философских взглядов на природу уголовного права, его задачи и используемый инструментарий [1, с. 8]. Автор видит в концептуальных идеях уголовного права своеобразный ограничитель устремлений уголовной политики, который ставит правотворчеству и правоприменению границы в их деятельности [2, с. 10]. Если этот ограничитель не срабатывает, то на законодателя обрушивается шквал критики.

Не ставя перед собой цели обозначить перечень всех основных идей, которые именуется в юридической литературе концептуальными, а также раскрыть их содержание, обратимся лишь к одной из них — ограничению государственного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности. Эта «общеправовая норма, приложимая в том числе и к уголовному праву» [2, с. 10], основана на признании «за человеком и гражданином неотъемлемых прав и свобод, которые не могут быть нарушены или произвольно ограничены государством» [19].

Идея корректировки принципов уголовного права с учетом конституционно-правовых основ взаимоотношения личности и государства высказывается в современном обществе с завидной постоянностью, находит свое выражение и в проекте Концепции уголовно-правовой политики РФ [11].

Эмоционально рассуждая о кризисе уголовного права, российские ученые ссылаются на труды зарубежных исследователей, нередко заявляющих о несовместимости уголовного права с правами человека и гражданина. В частности, Я. И. Гишинский цитирует берлинское научное издание восьмидесятых годов прошлого столетия, что демонстрирует достаточно большой временной отрезок (не одно десятилетие) обсуждения немецкими учеными данной проблемы [5, с. 18—19]. Если же обратиться к публикациям зарубежных исследователей последнего десятилетия, то мы поймем, что в них дается не только философское обоснование постановки вопроса о несовместимости уголовного закона с правами человека, но и высказываются предложения по изменению законодательства в случае наиболее полной реализации идеи о приоритетности прав и свобод индивидуума.

Провозгласив свободу личности как одну из конституционных ценностей, европейский законодатель заставляет ученых задуматься о границах ее автономии, о приемлемости патернализма, т. е. вмешательства государства в регулирование поведения тех субъектов, которые по собственной воле желают нарушения своих прав.

Ученые задаются вопросом, могут ли быть признаны легитимными в либеральной уголовно-правовой системе те составы преступлений, в которых содержатся признаки посягательства лишь на правовые блага самого субъекта деяния или совершение которых связано с использованием согласия потерпевшего [22, с. 316]. Другими словами, не является ли чрезмерным уголовно-правовое ограничение прав и свобод человека в сфере реализации своих собственных интересов, даже если он принимает добровольное решение причинить себе вред?

Критическому осмыслению подвергается достаточно большое количество составов преступлений. Ставится под сомнение необходимость запрета таких деяний, как умерщвление по просьбе (§ 216 УК ФРГ), половое сожителство между родственниками (§ 173 УК ФРГ), коммерческое донорство (§ 17, 18 Закона ФРГ о пожертвовании, изъятии и пересадке органов), приобретение и хранение наркотиков для собственного потребления (абз. 1, 3 § 29 Закона ФРГ о наркотических веществах) и т. д.

Ответ на вопрос о необходимости или, наоборот, о неприемлемости криминализации отдельных форм преступного поведения того лица, которое намерено причинить себе вред, кроется в том числе и в понимании патернализма.

Немецкие исследователи трактуют проблему патернализма следующим образом: «В какой мере государство может защищать личность (путем применения непосредственного принуждения или выражения угрозы наказанием) от желаемых ею нарушений своих собственных (личных) интересов» [21, с. 10].

Нормы Основного закона ФРГ, отмечает М. Ригопоулоу, не содержат прямых указаний на законность ограничения свободы личности путем наложения запретов, защищающих от него самого. Автор утверждает, чтобы определить содержание и границы легитимного правового патернализма, необходимо прежде всего выдержать критику в аспекте философских учений. Основную часть критического осмысления патернализма можно провести через деонтологический принцип, зерном которого является мысль об автономии, т. е. идея определения своей жизни максимально самостоятельно и распоряжения своими интересами, благами как угодно [22, с. 317].

По мысли М. Ригопоулоу, прямой уголовно-правовой патернализм, который может привести к серьезным последствиям для правообладателя, находит ряд возражений: фундаментального характера — защита индивидуального правового блага против воли самого лица не может быть признана легитимной с точки зрения учения о правовом благе; превентивно-правового характера — прямые патерналистские нормы оказываются далеко не эффективными; этически-правового характера — наказуемость поведения субъекта, причиняющего вред самому себе, несовместима с моральным порицанием как частью наказания.

В свою очередь, признаком мягкого патернализма является лежащее в его основе уважение к автономии личности. Патерналистское ограничение свободы не вызывает сомнений в том случае, если речь идет о пороке воли, о физических или психических (душевных) отклонениях, не позволяющих ответственного распоряжения собой, о нарушении прав других лиц. «Па-

тернализм в собственном смысле этого слова — это установление уголовно-правовых норм, которые направлены на защиту не вполне самостоятельных лиц (например, несовершеннолетних), т. е. тех, кто может допустить ошибку в оценке правовых благ и своими действиями вызвать их нарушение» [21, с. 297].

Другой исследователь — И. Хоунтис — приводит различные формы патернализма, говоря об активном и пассивном, жестком и мягком, прямом и косвенном, чистом и так называемом нечистом патернализме. В чистом виде патернализм редкость, т. к. в рамках сегодняшнего правопорядка, покоящегося на либеральных предпосылках, законодатель прикрывает свое намерение защитить человека охраной других интересов, реализацией иных целей [20, с. 22].

В частности, Основной закон Германии допускает вмешательство в свободу гражданина в рамках специально принятого нормативного акта (п. 2 ст. 2 Конституции ФРГ). Основания такого вмешательства вытекают, на мой взгляд, из содержания ч. 1 ст. 2 Конституции ФРГ, где говорится о праве на свободное развитие своей личности, если оно не нарушает прав других лиц и не посягает на конституционный порядок или нравственный закон.

Резюмируя приведенные выше мнения немецких ученых, можно сказать следующее: Основной закон Германии не говорит о прямых ограничениях свободы личности путем установления запретов посягательства на свои собственные блага, интересы. Но толкование конституционных норм позволяет утверждать, что вмешательство в личную свободу возможно, если индивидуум нарушает права других лиц, конституционный порядок или нравственный закон. Следовательно, включение в уголовный закон норм патерналистского характера является, по мнению зарубежных исследователей, приемлемым. В качестве иллюстрации сказанного можно обратиться к работам немецких ученых, поддерживающих идею о целесообразности и законности установления запрета убийства по просьбе потерпевшего.

Согласно § 211 УК ФРГ, лишение жизни другого человека является уголовно-наказуемым, суицид же, в свою очередь, не преследуется законом. Но юридическая оценка меняется, если желающий умереть не может совершить действий, направленных на прекращение своей жизни, и, находясь в полном осознании значения своего решения, обращается с просьбой о лишении жизни к третьему лицу. Так, к уголовной ответственности будет привлечен тот субъект, кто убивает другое лицо в результате категорической и настойчивой просьбы потерпевшего лишить его жизни (ч. 1 § 216 УК ФРГ) [15, с. 127].

И. Хоунтис отмечает, что запрет, содержащийся в § 216 УК ФРГ, выглядит, на первый взгляд, как государственное вмешательство в автономное решение личности, желающей прекратить свое существование. Поэтому данный запрет требует особой легитимации (узаконения) или разъяснений. Автор ссылается на многочисленные научные работы, а также на судебную практику Верховного суда, в которых объяснение § 216 УК ФРГ опирается на право «неотъемлемости» жизни и его преимущественного места в рамках правопорядка Основного закона. Ученый рассматривает § 216 и содержащийся в нем запрет как не прямое, жестко-патерналистское вмешательство в право другого человека, так называемый «нечистый патернализм», т. к. законность, легитимность этих норм объясняется абстрактной ценностью и с помощью аргументов «морального ряда» [20, с. 33].

Х. Тенчов пишет об обосновании ограничения собственного существования как об общих интересах общества относительно сохранения индивидуальной жизни. Взаимосвязь индивида с обществом стоит выше ценности «автономного образа жизни». Собственное существование должно служить обществу, которое ждет от своих членов участия в защите своего дальнейшего существования [23, с. 147]. Ученый характеризует состав преступления, зафиксированный в § 216 УК ФРГ, как абстрактный состав угрозы. Во многих случаях очень сложно установить, действительно ли умирающий выразил свою волю добровольно. Если бы не было запрета § 216, то достаточно большое количество людей ушло бы из жизни, не имея такого желания [23, с. 153].

Данная идея высказывалась ранее Г. Якобсом, который также считает, что § 216 УК ФРГ — это абстрактный состав опасности, смысл которого определяется интересами общества, касающимися защиты умирающего от реализации недостаточно продуманного и быстро принятого решения. Ученый относит § 216 УК ФРГ к нормам мягкого патерналистского характера [20, с. 36].

Другой интересный состав, не имеющий аналогов в российском уголовном законодательстве, — половое сношение между совершеннолетними родственниками (§ 173 УК ФРГ). Лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом наказывается тот, кто вступает в половое сношение с кровным родственником по нисходящей линии, а лишением свободы на срок до двух лет или штрафом — тот, кто вступает в подобные отношения с родственником по восходящей линии. Такое же наказание устанавливается и для кровных братьев и сестер [15, с. 107].

Точное обозначение объекта деяния, предусмотренного в § 173 УК ФРГ, т. е. правовых интересов, защищенных данным составом, спорно в немецкой юридической литературе и правоприменительной практике. П. В. Головненков цитирует ряд немецких научных работ, в которых в качестве охраняемых благ называют правовые институты брака и семьи, психическое развитие партнера, потенциальную опасность генетического ущерба для возможного партнерства [6, с. 162].

По мнению исследователей, традиционная легитимация этого деликта, сводящаяся к негативным генетическим последствиям, оказывается утраченной, если такое сожитительство осуществляется с использованием эффективных противозачаточных средств [16, с. 52] либо лицами, неспособными к деторождению [6, с. 162].

П. В. Головненков приводит позицию тех авторов, которые выступают «за» декриминализацию данного состава преступления. Называются следующие аргументы. Во-первых, свободное половое самоопределение всесторонне защищено другими нормами Уголовного уложения (§ 174, 176 и др.). Во-вторых, способность данной нормы преследовать нежелательные сексуальные отношения внутри семьи и ее направленность на достижение этой цели сомнительны уже потому, что инкриминированные действия ограничены исключительно половым сношением (т. е. непосредственным гетеросексуальным половым совокуплением). Кроме того, наличие налаженных семейных отношений не имеет для состава § 173 УК ФРГ никакого значения. Наконец, в современном общественном понимании недопустимо при помощи уголовного права ориентировать человеческое сексуальное поведение на аргументы евгеники [6, с. 162].

По мнению Г. Фристера, становится все труднее отрицать, что запрет сожитительства между родственниками является не столько сознательным ре-

гулированием проблем человеческого общежития, сколько традиционным повторением древних моральных норм и тем самым просто образцовым примером уголовного преследования чисто аморальных поступков [16, с. 52]. С его точки зрения, данная норма не может быть признана легитимной.

Однако, указывает ученый, Федеральный конституционный суд Германии своим недавним решением (в 2008 г.) признал норму не противоречащей Конституции. Суд, пытаясь легитимировать запрет инцеста на основании негативных последствий для общества, в своем решении утверждает, что уголовная норма должна служить защите других или общества [16, с. 53].

Как мы видим, патерналистские уголовно-правовые запреты в законодательстве европейских государств нацелены на предупреждение вреда здоровью, а также нравственному и духовному развитию личности. Институт запрета «вредных благ» в содержании того или иного национального законодательства включает в себя ограничительные меры в отношении различного количества товаров и услуг, потребление которых одобряется самим потребителем, но отвергается обществом. Речь может идти о наркотиках, алкоголе, табаке, азартных играх, порнографии, абортах, эвтаназии как коммерческой медицинской услуге, органах и тканях для трансплантации.

Что касается вектора развития современного общества, то в литературе отмечается сдвиг от прогибиционизма к антипрогибиционизму, от запретов к личной ответственности граждан [10, с. 26]. Ю. В. Латов пишет о тенденции к легализации, в первую очередь тех «вредных благ», которые запрещались только на уровне отдельных государств. «Мы наблюдаем, пишет автор, начальные фазы реализации эволюционной модели легализации, когда происходит постепенная декриминализация наименее осуждаемых разновидностей “вредных благ” отдельными странами» [10, с. 23]. Данную тенденцию ученый рассматривает на примере рынков секс-услуг и услуг по эвтаназии.

Изучение патернализма в сфере российской юриспруденции началось в 90-х гг. прошлого столетия [4, с. 5], но, в основном, речь идет не об отраслевых исследованиях, а о рассмотрении общетеоретических вопросов — правосознания, правового статуса, правового государства.

Исследователи характеризуют патернализм неоднозначно, наделяя данный термин как негативными, так и нейтральными оттенками. Приведем примеры. Б. С. Эбзеев отмечает, что Конституция содержит новое в теоретическом и практическом отношениях решение проблемы взаимоотношений государства и личности: оно характеризуется отказом от патернализма (см.: [8]). По мнению С. С. Цуканова, патернализм представляет собой особое, завуалированное антиправовое явление. Не будучи зачастую непосредственно противоправной, изучаемая субстанция стагнирует развитие общественных отношений [17]. Другого мнения придерживается А. А. Сергеев, затрагивающий патернализм в рамках признаков социального государства. «Обеспечить необходимый баланс между государственным патернализмом, с одной стороны, и свободой и личной ответственностью каждого, с другой стороны, должен принцип субсидиарности — четвертый признак социального государства. Этот принцип предполагает дополнительный (субсидиарный) характер социальной поддержки государством личности, такая поддержка оказывается только тогда, когда она является востребованной и необходимой» [13].

Неоднозначное понимание патернализма связано, на мой взгляд, с его философским пониманием. Как указывает Н. В. Шушкова, для последователей Дж. Ст. Милля патернализм — зло, поскольку ограничивает личную сво-

боду индивида. Он морально оправдан только в том случае, если обращен к детям или душевнобольным. Главными идеями в работах современных теоретиков патернализма Дж. Дворкина, Дж. Фейнберга, С. Ли, Р. Картер остаются: возможность соединения патернализма как принуждения и свободной воли индивида, границы допустимого вмешательства в личную жизнь иных лиц, условия совмещения государственного патернализма с демократическим режимом [18, с. 6].

В современной теории права либерального типа выдвигается множество принципов легитимного ограничения свободы. Дж. Фейнберг указывает, например, на так называемый «принцип ущерба». В соответствии с ним всегда создается легитимное для всех основание применения государственной нормы, если она представляется пригодной для предотвращения ущерба другому лицу со стороны совершающего действие. На втором месте приводится «принцип посягательства», согласно которому легитимное основание для применения нормы возникает в том случае, если она представляется необходимой для предотвращения серьезного вмешательства в сферу духовной жизни другого лица. Согласно основным положениям патернализма, легитимной целью наказания является также предотвращение случаев ущерба самому себе [3, с. 62].

Но в своем патернализме, пишет В. В. Берус, государство должно уметь вовремя остановиться; полностью отказаться от элементов патернализма в законотворчестве нельзя, но и нельзя «перегнуть палку» в этом направлении [3, с. 62]. По всей видимости, перед учеными возникает вопрос: при каких обстоятельствах оправдан юридический патернализм?

К сожалению, отечественная уголовно-правовая доктрина данный термин практически не использует. Хотя, на мой взгляд, о явном наличии патерналистских идей свидетельствуют отдельные направления уголовно-правовой политики. В начале второго десятилетия XXI в. в Уголовный кодекс РФ были внесены многочисленные изменения, в том числе направленные на усиление ответственности за такие деяния, как розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 155.1 введена в УК РФ в 2011 г.), незаконная организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ также появилась в 2011 г.), незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов.

Здесь нужно пояснить следующее: в большинстве перечисленных норм речь идет о так называемом «непрямом патернализме», при котором ограничиваются возможности в поведении третьих лиц, что тем самым должно ограничивать другую сторону от вредных последствий их собственных решений (например, запрет на продажу алкогольной продукции подросткам). О прямом патернализме речь идет в нормах, ограничивающих свободу тех, для защиты которых она и предусмотрена (например, уголовно-правовой запрет приобретения и хранения наркотиков даже для собственного потребления).

Уместно вспомнить дискуссии, развернувшиеся несколько лет назад, о необходимости установления уголовной ответственности за потребление наркотиков. В частности, в 2011 г. экспертами Федеральной службы РФ по наркоконтролю (ФСКН России) предлагалось включить в УК РФ ст. 230.1, согласно которой уголовно-наказуемым признавалось незаконное потребление наркотиков тем лицом, которое в течение года привлекалось за аналогичное деяние к административной ответственности [7]. Напомню, что идея эта

не была поддержана, но уже в июле 2013 г. Руководство Федеральной службы РФ по наркоконтролю (ФСКН) вновь предлагает ввести уголовную ответственность за употребление наркотиков, чтобы мотивировать наркоманов лечиться. «Мы выступаем за то, чтобы все-таки криминализировать само употребление наркотиков. Это не только внутреннее дело самого человека, — сказал глава ФСКН Виктор Иванов. — Из-за наркомана страдают члены его семьи, общество, а сам он способствует уличной дистрибуции наркотиков. Угроза уголовного преследования заставит наркоманов лечиться. Локализация наркопотребителей в реабилитационных центрах даст возможность избавиться от зависимости» [14].

Следует согласиться с мнением М. Ригопулоу, что в каждом отдельном случае необходимо задаваться вопросом, является ли представленный в патерналистском аспекте уголовно-правовой запрет необходимым и соразмерным предотвращенному вреду. Иначе гарантирующий свободу граждан социальный принцип превратился бы в инструмент вмешательства государства [22, с. 316]. Не является ли запрет чрезмерным в силу наличия иных видов ответственности за подобное поведение; соразмерны ли с точки зрения интересов личности и общества последствия привлечения к уголовной ответственности субъекта преступления тому ущербу, который он сам причинил своим благам (интересам); соответствует ли он международной правоприменительной практике; каковы охраняемые интересы и действительно ли он устанавливается с целью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Законодатель должен обосновать легитимность ограничения свободы личности при установлении уголовно-правовых запретов в духе патернализма. В противном случае ученые будут еще очень долго писать о несоответствии уголовного закона правам и свободам человека.

Библиографический список

1. Баумштейн А. Б. О понятии концептуальных начал уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (24—25 января 2013 г.). М. : Проспект, 2013. С. 8—11.
2. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права и уголовная политика // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (30—31 января 2014 г.). М. : Проспект, 2014. С. 10—14.
3. Берус В. В. Философия права : лекции и тестовые материалы : учеб. пособие. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2010. 172 с.
4. Вовк В. Н. Патернализм в российском правовом менталитете : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 29 с.
5. Гилинский Я. И. Уголовное право : взгляд криминолога // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (26—27 января 2012 г.). М. : Проспект, 2012. С. 14—19.
6. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : науч.-практ. коммент. и пер. текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. 312 с.
7. Проект закона о принудительном лечении наркозависимых. URL: http://www.ostanovinarkotiki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=183:2011-12-19-17-55-37&catid=59:2011-12-19-18-01-38&Itemid=220 (дата обращения: 12.02.2014).

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) (2-е изд., пересмотр.) / под ред. В. Д. Зорькина. М. : Норма : Инфра-М, 2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Кузнецов А. П. Уголовный закон России: парадигмы негативного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (30—31 января 2014 г.). М. : Проспект, 2014. С. 14—18.
10. Латов Ю. В. Институт запрета «вредных благ»: прогибиционизм vs. антипрогибиционизма // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права . 2010. № 2. С. 21—26.
11. Проект Концепции уголовно-правовой политики // Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. URL: <http://opr.f.ru/discussions/newsitem/17889> (дата обращения: 10.02.2014).
12. Рарог А. И. Современные тенденции развития российского уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (30—31 января 2014 г.). М. : Проспект, 2014. С. 3—9.
13. Сергеев А. А. Признаки социального государства в современной российской политической и правовой доктрине // Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф. (28—30 марта 2012 г.) / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юрист, 2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Руководство ФСКН предлагает ввести уголовную ответственность за употребление наркотиков // Интерфакс. Разд. «Новости». URL: <http://www.interfax.ru/russia/news/317826> (дата обращения: 10.02.2014).
15. Уголовный кодекс ФРГ : пер. с нем. М. : Зерцало, 2000. 208 с.
16. Фристер Г. Уголовное право Германии : общая часть : пер. с нем. 5-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 712 с.
17. Цуканов С. С. Патернализм: исторические причины, соотношение с антиправовыми и антидемократическими институтами // История государства и права. 2011. № 19. С. 22—27. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Шушкова Н. В. Патернализм как социальный институт в переходном обществе : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пермь, 2004. 28 с.
19. Эбзеев Б. С. Конституции Российской Федерации — 20 лет : государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Журн. конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 31—42. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Gkoutis I. Autonomie und Strafrechtlicher Paternalismus. Berlin : Duncker & Humblot, 2011. 303 S. (Serie: Schriften zum Strafrecht; 217).
21. Paternalismus im Strafrecht. Die Kriminalisierung von selbstschädigenden Verhalten / A. von Hirsch. 1 Aufl. Baden-Baden : Nomos, 2010. 355 S.
22. Rigopoulou M. Grenzen des Paternalismus im Strafrecht. Berlin : Duncker & Humblot, 2013. 364 S. (Serie: Strafrechtliche Abhandlungen; 239).
23. Tenthoff Ch. Die Strafbarkeit der Tötung auf Verlangen im Lichte des Autonomieprinzips. Berlin : Duncker & Humblot, 2008. 163 S.

ББК 88.502

З. А. Агеева, С. В. Молоканова

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Анализируются психологические аспекты духовных ценностей с позиции современной персонологии, рассматривается их влияние на эмоционально-коммуникативную сферу личности.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, духовность, агрессивность, конфликтность, эмпатия, эмоциональный фон, самоактуализация личности.

The article analyses psychological aspects of intellectual values from the position of the modern personology. Their influence on emotive-communicative sphere of personality is considered.

Key words: values, value orientations, spirituality, aggressiveness, contentiousness, empathy, emotional background, personal self-actualization.

Проблема ценностей в современной науке носит междисциплинарный характер. Понятие «ценности» возникло на стыке ряда научных дисциплин — философии, социологии, психологии. В цикле философско-социологических дисциплин оно соотносится с категориями норм и ценностей, в цикле психологических дисциплин — с категорией мотивов и потребностей.

Ценности отражают значимость для человека или общества тех или иных объектов, в качестве которых могут выступать в том числе и явления общественного сознания, выраженные в идеальной форме, — добро, зло, идеалы, справедливость, моральные нормы и пр. При этом ценности — это понятие, которое приобретает психологический смысл в контексте анализа мотивов и поступков личности. Именно поэтому они представляют особенно важный объект изучения для современных персопологов.

В психологии личности ценности рассматриваются как один из элементов направленности личности, наряду с потребностями и мотивами. В этом случае говорят о ценностных ориентациях личности как о ее направленности на те или иные ценности. Ценностные ориентации — неповторимая и уникальная, присущая каждому человеку система ценностей, именно они составляют внутреннюю основу отношений человека к различным ценностям материального и духовного порядка. В то же время ценностные ориентации выступают как перспективные, конечные, наиболее важные жизненные цели личности, в достижении которых она видит смысл своего существования. Поэтому ценности и ценностные ориентации относят к смысловым образованиям, согласно Б. С. Братусю, это осознанные и принятые человеком смыслы его жизни [2]. Таким образом, ценностные ориентации — это отражение в сознании личности ценностей, признаваемых ею в качестве стратегических жизненных целей и

общих мировоззренческих ориентиров. Система ценностных ориентаций определяет жизненную перспективу, «вектор» развития личности.

Личностные ценности и ценностные ориентации формируются в процессе социализации, это усвоенные человеком общественные и групповые ценности, отражающие идеалы своей эпохи, в силу этого в любом обществе ценностные ориентации личности являются объектом воспитания и целенаправленного формирования.

Развитие ценностных ориентаций — признак зрелой личности, показатель меры ее социальности, неслучайно личностные кризисы неизбежно сопровождаются перестройкой системы ценностей. Непротиворечивость и цельность системы ценностных ориентаций могут рассматриваться как показатель устойчивости и автономности личности. Соответственно их противоречивость и разрозненность являются свидетельством незрелости и маргинальности личности [1].

По мере формирования ценностные ориентации начинают активно выполнять свою основную функцию — функцию регуляции поведения. Система ценностных ориентаций выступает важным регулятором активности человека, поскольку позволяет соотносить ситуативные потребности и мотивы с принятыми личностью ценностями. Ценности регулируют поведение личности, являясь ориентиром при определении как самих целей, так и способов их достижения, обуславливая процесс личностного выбора и обеспечивая определенность и последовательность ее поведения, взаимоотношений с другими людьми. Регулирующая функция ценностных ориентаций заключается в том, что они задают общую направленность интересам и стремлениям личности, целевую и мотивационную программу, представления о должном и механизмы селекции по критерию значимости, меру готовности и решимости к реализации собственного проекта жизни. Ценностные ориентации проявляются и раскрываются через оценки, которые человек дает себе и другим, через его умение принимать решения в проблемных ситуациях через избираемые линии поведения в экзистенциально и морально окрашенных ситуациях и умение задавать доминанты собственной жизнедеятельности. Таким образом, в контексте психологического анализа понятия «ценности» и «ценностные ориентации» связывают с категориями, описывающими механизмы поведения, деятельности и их регуляцию, и рассматривают как один из важнейших факторов, мотивирующих поведение человека.

Личностные ценности, выполняющие предельно важную роль в регуляции жизнедеятельности, не являются рядоположными, а образуют сложные иерархические системы. Иерархия ценностных ориентаций детерминирована, с одной стороны, факторами социализации, с другой — всей совокупностью свойств индивидуальности. Согласно общепринятому мнению, вершину этой иерархической системы образуют духовные ценности, составляющие ценностное ядро так называемой духовной личности [2, 5, 7].

Духовность — особое измерение личностного бытия. При этом следует помнить, что бытие, с позиции представителей гуманистической психологии, есть существование человека как зрелой самоактуализирующейся личности. В работе «Психология бытия» основоположник гуманистической психологии А. Маслоу выделяет и рассматривает особый вид ценностей — бытийные, или метаценности (Б-ценности), наиболее ярко выражающиеся в мотивации поведения самоактуализирующейся личности. Реализация Б-ценностей определяет содержание высокой духовной жизни, порождающей чувство совер-

шенства, исполнения предназначения и доставляющей высшую радость. Однако, как признают гуманисты-психологи и сам А. Маслоу, большинство людей не являются ни метамотивированными, ни самоактуализирующимися, ибо высшие ценности — наиболее слабые и наименее осознаваемые. И как это ни странно, против «высшего в себе» человек использует психологические защиты, начиная с вытеснения и завершая инверсией. В результате разные варианты социальной патологии обеспеченных людей, уже удовлетворивших свои потребности более низкого порядка, выступают следствием дефицита Б-ценностей. Депривация метапотребностей рождает так называемый экзистенциальный невроз — потерю смысла и ценности жизни, обуславливая возникновение метапатологий, частные проявления которых — утрата собственного Я, игнорирование нравственных норм, утрированный цинизм, апатия (явные символы бездуховности [6, 7]).

Заслуживает внимания идея психологов-гуманистов о том, что наиболее духовно значительное в человеке идет совсем не от социальных влияний, не от социальной среды — идет изнутри, а не извне. Согласно А. Маслоу, духовная личность это самоактуализирующаяся и «изнутри направляемая» личность, руководствующаяся Б-ценностями [6].

Опираясь на идеи гуманистической психологии, Д. А. Леонтьев рассматривает духовность как особый способ существования человека, при котором на смену иерархии узколичностных потребностей и личностных ценностей, определяющих принятие решений у большинства людей, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и культурных ценностей, которые не находятся между собой в иерархических отношениях, а обладают равной значимостью [5].

Определяя роль духовности в развитии личности, Б. С. Братусь отмечает, что именно она придает смысл жизни человека, в ней он черпает ответы на волнующие его экзистенциальные проблемы: о смысле жизни, о критериях добра и зла, истины и заблуждения, красивого и безобразного. Она открывает человеку доступ к любви, совести, чувству долга, к правосознанию, к науке, искусству и религии, указывает, что в жизни является главным и наиболее ценным, ради чего стоит жить [3].

В традиционном понимании духовность включает в себя три начала: познавательное, нравственное и эстетическое, которым соответствуют три сферы человеческой деятельности и три сферы духовных ценностей: истина, добро и красота. Именно эти три начала образуют критерий такого уровня развития человека, который определяется как духовная личность. Согласно общепринятому мнению, наиболее ярко духовность проявляется в выборе и предпочтении нравственных ценностей.

Обсуждая вопрос о ценностях и ценностных ориентациях личности, следует обратить внимание на тот факт, что периоды резких социально-экономических преобразований в любом обществе всегда сопровождаются трансформацией традиционной системы ценностей. И ни для кого не секрет, что произошедший в нашей стране переход к рыночным отношениям, к сожалению, привел к девальвации духовных ценностей. Этим определяется особый интерес отечественных психологов к проблематике духовных ценностей.

В проведенном нами эмпирическом исследовании рассматривается эмоционально-коммуникативный аспект духовных ценностей, т. е. их влияние на эмоционально-коммуникативную сферу, включая уровень психической зрелости личности.

Используемая нами схема исследования и анализа эмпирического материала позволила решить следующие задачи:

- определить место духовных ценностей в системе ценностных ориентаций личности;
- рассмотреть связь между духовными ценностями и коммуникативными характеристиками личности;
- выяснить зависимость между духовными ценностями и особенностями эмоциональной сферы;
- установить взаимосвязь духовных ценностей и уровня психической зрелости личности.

Для диагностики личностных ценностей были использованы методики М. Рокича и Ш. Шварца, в каждой из которых на основе известных психологических классификаций и предложенной С. С. Бубновой [4] трехуровневой иерархической модели системы ценностных ориентаций, включающей ценности-идеалы, ценности-свойства и ценности — способы поведения, были выделены духовные ценности, общее число которых составило 20.

По каждой методике определялся индекс духовности как отношение реального показателя (суммарной оценки всех духовных ценностей) к максимально возможному, на основе которого рассчитывался общий индекс духовности. Таким образом, при анализе эмпирических результатов рассматривались как отдельные духовные ценности, так и их обобщенные показатели. Для определения особенностей эмоциональной и коммуникативной сфер личности применялись следующие методики: «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина, «Диагностика способности к эмпатии» А. Мехрабиана, «Диагностика доминирующего настроения» Л. В. Куликова. В качестве показателей уровня психической зрелости рассматривались характеристики самоактуализирующейся личности, которые определялись с помощью «Самоактуализационного теста» Э. Шостома и методики «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера.

Анализ и обобщение результатов корреляционной обработки исходных данных, полученных для 75 взрослых испытуемых, позволяют сделать следующие выводы.

1. Духовные ценности занимают особую позицию в системе личностных ценностей: их приоритет трансформирует ценностную и эмоционально-коммуникативную сферы личности, обуславливая гуманизацию межличностного общения.

2. Ни одна из духовных ценностей не является изолированным образованием и гармонично встроена в систему ценностных ориентаций, взаимодействуя с другими ценностями и оказывая на них влияние. При этом связь конкретных духовных ценностей с ценностными ориентациями носит дифференцированный характер: относительно изолированную позицию (по количеству значимых связей) в системе личностных ценностей занимают такие духовные ценности, как мудрость, внутренняя гармония, духовное совершенствование, и наоборот, широкий спектр связей с ценностными ориентациями образуют эстетические ценности:

- приоритет эстетических ценностей усиливает ориентацию на творчество, общественное признание и гедонистические ценности (развлечения), снижая ориентацию на общепринятые ценности — здоровье, материальное благополучие, семейное счастье, любовь, дружбу;

— приоритет познавательных ценностей повышает ориентацию на творчество, образованность и приводит к игнорированию материальных ценностей;

— стремление к духовному совершенствованию и внутренней гармонии снижает ориентацию на общественное признание, материальное благополучие, включая как работу, так и развлечения;

— духовные ценности обеспечивают гармоничные отношения людей в социуме, усиливая значимость таких ценностей, как конформность, поддержка традиций, социальность и социальная культура.

3. Увеличение значимости духовных ценностей в системе ценностных ориентаций личности приводит к снижению агрессивности и конфликтности личности, повышению эмпатии, что способствует гуманизации межличностного общения. На особенности коммуникативной сферы оказывает влияние высокая значимость в системе ценностных ориентаций таких ценностей, как духовная жизнь и духовное совершенствование, познание себя и единение с природой, способность прощать и терпимость, мудрость и широта взглядов, честность, внутренняя гармония и чуткость.

4. Духовные ценности оказывают позитивное влияние на эмоциональную сферу личности, обуславливая положительный эмоциональный фон, бодрое настроение, оптимизм, снижение тревоги:

— стремление к внутренней гармонии и духовному совершенствованию порождает активное отношение к жизненным ситуациям, оптимизм и жизнерадостность;

— ориентация на познание и самопознание способствует эмоциональной устойчивости и эмоциональной зрелости личности.

5. Ориентация на духовные ценности характерна для психически зрелой, самоактуализирующейся, «изнутри направляемой» личности. Так, стремление к духовному совершенствованию и широте взглядов сочетается с высоким уровнем самоактуализации личности, сформированностью основных качеств, характерных для самоактуализирующейся личности, включая такой показатель психической зрелости, как высокий уровень интернальности.

Полученные результаты и сделанные на их основе выводы приводят к следующему заключению: возрождение духовных ценностей, ориентация индивида прежде всего на духовные ценности закладывают фундамент не только развития зрелой, самоактуализирующейся личности, но и гуманизации общества в целом.

Библиографический список

1. *Алексеева В. Г.* Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. 1984. Т. 5, № 5. С. 63—70.
2. *Братусь Б. С.* Аномалии личности. М. : Мысль, 1988. 301 с.
3. *Братусь Б. С.* Начала христианской психологии : учеб. пособие для вузов. М. : Наука, 1995. 236 с.
4. *Бубнова С. С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психол. журн. 1999. Т. 20, № 5. С. 38—44.
5. *Леонтьев Д. А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопр. философии. 1996. № 5. С. 25—26.
6. *Маслоу А.* Психология бытия : пер. с англ. М. : Рефл-бук, 1997. 304 с.
7. *Маслоу А.* Самоактуализация. М. : Изд-во МГУ, 1982. 208 с.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

ББК 74.027.9

И. А. Дельцова, Ю. И. Маркелова

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Результативность дистанционного обучения зависит от двух ключевых факторов: качества методических и учебных материалов и профессионализма педагогов, поэтому приоритетными направлениями организации дистанционного образования становятся технологическая и содержательная составляющие, воплощенные в дистанционном курсе. Деятельность по разработке курсов можно разделить на два крупных этапа: создание учебно-методического комплекса и электронных ресурсов. В статье приводятся требования к качеству электронного представления материала и формированию учебно-методического комплекса.

Ключевые слова: дистанционное обучение, дети с ограниченными возможностями здоровья, дистанционный курс, учебно-методический комплекс, электронные образовательные ресурсы, диагностические материалы.

Effectiveness of distant learning depends on two key factors: the quality of methodological and learning materials, and the professionalism of teaching staff, thus the technological and substantial components implemented in the distant course become the priority directions of e-learning organizing. Courses elaboration can be divided into two major stages: the methodological and learning complex planning, and the electronic resources creation. The article offers quality specifications towards material electronic presentation and methodological and learning complex forming.

Key words: distant learning, handicapped children, distant course, learning and methodological complex, electronic educational resources, diagnostic materials.

Важным направлением развития современного образования становится внедрение дистанционных технологий обучения. Наиболее востребованными они стали в последнее десятилетие при обучении детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Изменение государственной политики в отношении требований к образовательной среде, ориентированной на детей с особыми возможностями, привело к пересмотру государственных образовательных стандартов. В связи с этим выявлена необходимость создания новых образовательных учреждений и разработки соответствующего программно-методического сопровождения.

Основным элементом реализации технологии дистанционного обучения выступает дистанционный курс. В последнее десятилетие во многих педагогических исследованиях поднимается проблема поиска эффективной организации дистанционного обучения (см., напр.: [1, 3]). Педагоги отмечают, что представление о переводе в электронную форму очного аналога не может быть достаточным для организации дистанционного образования и не позволяет эффективно развивать электронное образование.

© Дельцова И. А., Маркелова Ю. И., 2014

2014. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Для изменения этой ситуации важно поменять представление о понятии «курс дистанционного обучения». В современное понимание дистанционного курса включается не столько текст занятия, сколько целостный процесс, предполагающий поиск учебной информации, подготовку соответствующих практических заданий, несущих функцию объяснения и закрепления информационных материалов курса, а также виртуальное общение с кураторами курса и с другими учащимися, включенными в образовательный процесс.

С учетом сущности дистанционного обучения как образовательного взаимодействия на расстоянии эффективность его определяется следующими составляющими:

- а) организацией обратной связи между преподавателем и обучающимся;
- б) эффективностью применяемых педагогических технологий;
- в) разработанностью методических материалов и способов их доставки.

Таким образом, результативность дистанционного обучения зависит от двух ключевых факторов — качества методических и учебных материалов, а также профессионализма педагогов, участвующих в этом процессе. Поэтому приоритетными направлениями организации дистанционного образования станут технологическая и содержательная составляющие, воплощенные в дистанционном курсе.

Создание дистанционного курса — это кропотливая работа, которая требует привлечения специалистов в области методики преподавания предметов, психологов и технических специалистов, создающих программные продукты.

Деятельность по разработке курсов можно разделить на два крупных этапа. Первый связан с разработкой учебно-методического комплекса (УМК), на втором осуществляется создание электронных ресурсов для дистанционного курса.

Разработка УМК для дистанционного курса, так же как и для очных курсов, осуществляется в соответствии с базовыми нормативными документами: федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС), примерными программами и документами регионального и муниципального уровней. Разрабатывая УМК, учитель должен ориентироваться на учебные пособия, включенные в федеральный перечень учебников и рекомендуемые к использованию в образовательном процессе. К настоящему времени для педагогов сформирован стандарт УМК, включающий требования:

- к его содержанию;
- структуре;
- качеству электронного представления материала;
- диагностическим материалам.

Первые две группы требований не являются оригинальными для системы дистанционного образования. Такие же требования предъявляются к формированию УМК в системе очного обучения. Остановимся на рассмотрении каждого из обозначенных элементов.

Содержание УМК. При содержательном наполнении УМК учитель должен ориентироваться на требования ФГОС к результатам освоения основной образовательной программы, т. к. эти требования создают оценочную основу для подведения результатов образовательной деятельности на предметном, метапредметном и личностном уровнях.

Содержание УМК должно быть представлено в программе следующими разделами:

- пояснительной запиской, в которой обозначаются цели общего образования в соответствии со спецификой учебного предмета (курса);

- планируемыми результатами (промежуточными и итоговыми);
- описанием места учебно-методического комплекса в учебном плане (с указанием связи его с другими курсами, изучавшимися ранее и будущими дисциплинами);
- личностными, метапредметными и предметными результатами освоения учебной дисциплины;
- тематическим планированием с определением основных видов учебной деятельности обучающихся с их краткой характеристикой.

Структура УМК. Структура УМК выстраивается сообразно специфике учебного предмета и возрасту обучающихся, поэтому он должен включать:

- тематическое планирование УМК с указанием числа часов, отводимых на изучение темы;
- распределение часов по отдельным видам занятий (самостоятельная работа с информационными ресурсами, работа в видеоконференциях с участием учителя, самостоятельное или групповое выполнение заданий, решение контрольных тестов);
- краткое описание содержания учебного материала по каждой теме;
- контрольные вопросы и задания по изучаемым темам;
- структуру и содержание практических, лабораторных и иных работ.

Содержание УМК раскрывается в соответствии с логической последовательностью изучения разделов и тем. Каждому разделу и теме присваивается свое название. При необходимости, связанной со спецификой предмета и возрастными особенностями обучающихся, в структуру может быть включено не только описание лабораторных и практических работ, но и тематика рефератов и творческих работ.

Качество электронного представления материала УМК. Электронное наполнение УМК — это совокупность разнообразных электронных ресурсов образовательной направленности. Курс разрабатывается с учетом особенностей современной системы дистанционного обучения, поэтому учителю необходимо ориентироваться на современные электронные платформы и мультимедийные инструменты нового поколения. Работа на курсах дистанционного обучения может быть осуществлена в рамках системы, совместимой как с международным стандартом курсов дистанционного обучения SCORM, так и с системами, рассчитанными на широкое использование деятельностных форм организации учебного процесса, — электронной платформой системы дистанционного обучения MOODLE.

В процессе формирования УМК в среде дистанционного обучения учителю необходимо включать различные элементы: лекцию-объяснение (иллюстрированные гипертекстовые или анимированные лекции-презентации, предполагающие изучение нового материала без помощи учителя); анимированную или интерактивную графику (схемы и изображения, иллюстрирующие сложные процессы в динамике); тренажерное и контрольное тестирование (комплекс вопросов, снабженных автоматической проверкой правильности ответа и «всплывающими» реакциями на ответ и подсказками) и др.

Электронный материал курса также должен соответствовать дидактическим нормам, предъявляемым к качеству содержания УМК (требования к электронным ресурсам); техническому оснащению представленных мультимедийных материалов; совместимости создаваемых педагогических инструментов с системами дистанционного обучения.

В контексте дистанционного обучения детей с ОВЗ учителю необходимо обратить внимание на качество электронных образовательных ресурсов (ЭОР).

Прежде всего, объем и содержание информации, закладываемой в ЭОР, должны соответствовать ФГОС, т. к. дистанционная форма не только не ущемляет права в получении базового образования, но и расширяет возможности учащихся, обладая избыточностью информации. Кроме того, инструменты педагогического воздействия должны обеспечить появление личностных и метапредметных результатов и развитие общих учебных умений, навыков и способов деятельности. Наконец, информация, составляющая ЭОР, должна быть доступна для понимания обучающимися конкретного возраста и учитывать специфику восприятия детей с особыми образовательными потребностями.

В распоряжении учителя, работающего в дистанционной форме обучения, имеется широкий арсенал методов [2, 4, 5], позволяющих повысить образовательный эффект. Остановимся на методах, используемых в современной системе дистанционного обучения.

E-learning (Е-обучение) — это метод цифрового обучения, включающий разнообразный спектр процессов и приложений, обеспечивающих доставку учебного материала учащимся. Традиционным каналом передачи является Интернет, но его может заменить и CD-ROM или видео-конференция через спутник. Заметим, что понятие электронного обучения шире понятий онлайн- или компьютерного обучения. Основным методом в дистанционном образовании детей с ОВЗ является E-learning.

Синхронное и асинхронное обучение реализуется через создание онлайн классов, которые предоставляют возможность одновременно участвовать в них учащимся и учителям. Так же как и в очном обучении, занятия назначаются в определенное время. Организационная подготовка к занятию в онлайн-классе требует большей продуманности в использовании не только дидактических материалов, но и инструментов, обеспечивающих обратную связь учеников и учителя. Асинхронные классы организуются по другому принципу. Учителя выкладывают в свободный доступ информационные ресурсы и диагностические задания, тесты, к которым учащиеся могут обратиться в любое удобное для них время. Именно эта система взаимодействия реализуется на федеральном сайте центра образования «Технологии обучения» (URL: <http://iclass.home-edu.ru/>) и на региональном сайте Центра по дистанционному образованию детей с ОВЗ (Ивановская область) (URL: <http://ivdo.ru/>).

МООС — аббревиатура, означающая «массовые открытые онлайн-курсы». Это понятие связано с организацией интернет-классов, созданных для большого числа участников. Традиционно учащимся МООС предлагаются видео-лекции, но непродолжительные, всего по 10—15 минут. После их просмотра участники образовательного процесса переходят к онлайн-обсуждению на форумах. Как правило, одним из требований МООС является выполнение учащимися не только проверочных заданий и тестов, но и заданий, которые оцениваются несколькими людьми — учителями и самими учащимися. МООС — дополнительный электронный инструмент для проведения дистанционного обучения детей с ОВЗ.

Диагностические материалы УМК. Одной из функций УМК является обеспечение обратной связи в процессе обучения через информирование ученика и учителя о его результатах. Обратная связь в процессе обучения разделяется на внутреннюю (выдающую сведения о результатах обучаемому) и внешнюю (предоставляющую информацию педагогу). Внутренняя обратная связь обеспечивает информирование обучаемого о допущенной ошибке, оказание помощи обучаемому для устранения ошибки и повышение его мотивации посредством суждения о результатах деятельности обучаемого.

Для эффективной организации внутренней обратной связи между участниками дистанционного взаимодействия необходимо учитывать следующие требования.

Во-первых, обращаться к ученику (особенно старшекласснику) предпочтительно только в вежливой форме, используя местоимения второго лица множественного числа (Вы, Вас, Вам и т. д.). В комментариях при оценке результатов действий обучающегося нельзя использовать информацию, унижающую или оскорбляющую обучающегося.

Во-вторых, учителю следует помнить, что сообщения обратной связи после допущенной ошибки имеют большую педагогическую ценность, чем после правильного ответа. При этом информация, содержащаяся в сообщениях обратной связи, должна быть максимально краткой и информативной, чтобы помочь обучаемому быстро обнаружить и устранить ошибку. Сообщения, относящиеся к правильности результата, не должны изобиловать похвалой, в особенности если учебная задача была несложной или правильному ответу предшествовало большое число ошибочных.

В-третьих, прежде чем выдать обучаемому дополнительную информацию о допущенной ошибке, целесообразно предложить ему самостоятельно устранить ошибку. Дополнительную информацию следует давать только после того, как обучаемый либо ввел новый неправильный ответ, либо запросил помощь у учителя. Не следует злоупотреблять частой обратной связью, сужающей «поле самостоятельности» учеников чрезмерной регламентацией их деятельности и уменьшением диапазона самостоятельного поиска.

В-четвертых, сообщения должны соответствовать возрастным возможностям и индивидуальным особенностям обучающихся. ЭОР должны обеспечивать возможности настройки параметров обратной связи: обучаемых с заниженной самооценкой следует обеспечивать более частой обратной связью, чем уверенных в себе. Сообщения по каналу обратной связи должны даваться мгновенно в заданиях на запоминание и с определенной отсрочкой в задачах на понимание.

Для эффективной организации дистанционного обучения педагогам необходимо по-новому посмотреть на образовательный процесс, т. к. происходит изменение не столько его содержательной составляющей, сколько технологических механизмов. Учителю важно обратить внимание на выстраивание обратной связи — сделать ее более комфортной для учеников благодаря использованию современных педагогических инструментов.

Библиографический список

1. Абдрахманова Г. И., Ковалёва Г. Г. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании : стат. обзор // *Вопр. образования*. 2010. № 3. С. 152—159.
2. Бугайчук К. Л. Массовые открытые дистанционные курсы: понятие, типология, перспективы // *Высшее образование в России*. 2013. № 3. С. 148—155.
3. Громова Т. В. Теория и технология подготовки преподавателей вуза к деятельности в системе дистанционного обучения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тольятти, 2011. 43 с.
4. Кухаренко В. Н. Инновации в e-Learning: массовый открытый дистанционный курс // *Высшее образование в России*. 2011. № 10. С. 93—99.
5. MOOCS: 12 reasons for universities not to panic. 2012. URL: <http://registrarism.wordpress.com/2012/10/08/moocs-12-reasons-for-universities-not-to-panic/> (дата обращения: 24.02.2014).

Н. В. Веремьева

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Рассматриваются педагогические условия, определяющие особенности моделирования педагогического процесса с учетом содержания его структурных компонентов и показателей личностного роста будущих специалистов.

Ключевые слова: личностный рост будущих специалистов, этапы педагогического процесса, личностно развивающий подход, личностный подход, стратегии изучения психолого-педагогических дисциплин, типы контроля, личностные новообразования, рефлексия.

The article considers the pedagogical conditions defining the peculiarities of pedagogical process modeling with account taken of the structural components of this process, and the given indexes of future specialists' personality growth.

Key words: future specialists' personality growth, pedagogical process stages, personality development approach, personality approach, psychological and pedagogical disciplines strategies of studying, types of control, personality new-growths, reflection.

Вопросы качества современного образования и выбора более эффективных методик подготовки компетентных специалистов, готовых к профессиональному и личностному росту, сегодня особенно актуальны.

В ранее опубликованных статьях [1, 2, 3] нами были сформулированы некоторые выводы по проведенной исследовательской деятельности с целью выявления и обоснования педагогических условий, стимулирующих профессиональный и личностный рост студентов в процессе их психолого-педагогической подготовки. Так, нами был проанализирован феномен личностного роста [2, 3] студента и представлена модель педагогического процесса, который обеспечивает личностный рост студентов в процессе их обучения в вузе [1, 3].

Данная статья посвящена вопросу обоснования педагогических условий, стимулирующих личностный рост студентов. Выдвижение и анализ педагогических условий проводятся в соответствии с моделью поэтапного обеспечения личностного роста студентов и его показателями (табл.).

Целевой этап нами определяется как системообразующий. Важно отметить необходимость осознания субъектами педагогического процесса (педагогами и студентами) целей и задач изучения дисциплины с позиции личностного подхода. Осознание значимости каждым участником процесса обучения целей и задач психолого-педагогической подготовки затрагивает проблему актуализации личностного потенциала субъектов педагогического процесса относительно их интраперсональных характеристик и некоторых интерперсональных (принятие других, понимание других). Это требует изменения стратегических целей и задач обучения, отказа от традиционного подхода к обучению и стереотипизации личностей. Задачи педагогического процесса в контексте нашего исследования сводились не только к «взрачиванию» новообразований личностного характера, но и к стимулированию дальнейшего личностного саморазвития студентов.

Модель поэтапного обеспечения личностного роста студентов

Этапы	Цели и задачи этапов	Содержание этапов	Показатели личностного роста студентов
Целевой	Коррекция целей и задач	Осознание целей и задач психолого-педагогических курсов; определение потребностей и возможностей студентов для уточнения целей обучения; создание условий для формирования у студентов готовности к принятию целей и задач обучения; коррекция целевых установок, содержательной и процессуальной сторон педагогического процесса с учетом выявленных ожиданий студентов	Принятие себя, понимание себя, ответственная свобода, целостность, динамичность, принятие других, понимание других
Содержательно-деятельностный	Реализация процесса	Совместная разработка студентами и преподавателем стратегий изучения курсов; выбор студентами своего образовательного маршрута (стратегии) в освоении дисциплин; реализация педагогического процесса с учетом совместно намеченных стратегий изучения дисциплин	Принятие себя, понимание себя, открытость внутреннему опыту переживаний, ответственная свобода, целостность, динамичность, принятие других, понимание других, социализированность, творческая адаптивность
Оценочно-аналитический	Диагностика и оценка результатов	Контроль и самоконтроль освоения дисциплин (согласно избранным стратегиям изучения курса); постоянная диагностика результатов и коррекция деятельности преподавателя и студентов	Понимание себя, открытость внутреннему опыту переживаний, ответственная свобода, целостность, динамичность, понимание других, социализированность, творческая адаптивность

Поскольку педагогический процесс носит двусторонний и двунаправленный характер (взаимодействие педагога и студента), анализ целей и задач педагогического процесса, их корректировку мы рассматриваем как стартовый момент совместной деятельности педагога и студентов. С учетом того факта, что к моменту изучения той или иной дисциплины студенты обладают некоторой подготовкой (знания, умения, представления, ценности и пр.), являющейся базой дальнейшего роста, обязательным становится определение и анализ уровня готовности студентов к усвоению дисциплины и характера личностных достижений при помощи входного тестирования. Это позволило нам получить сведения об уже имеющихся у студентов психолого-педагогических знаниях и умениях, личностном опыте, а также о потребностях и ожиданиях при изучении психолого-педагогических дисциплин. Выявленные данные о готовности студентов к изучению цикла психолого-педагогических дисциплин мы определили как начальные, стартовые условия организации процесса обучения.

Уточнение и коррекция целевых установок, содержательной и процессуальной сторон педагогического процесса предполагают учет выявленных ожиданий студентов в отношении каждой дисциплины. На данном этапе было уместно использование творческой работы по технологии «Заверши фразу». Студентам предлагалось письменное задание, составленное по методу неоконченных предложений-размышлений: «В процессе изучения данного курса я хотел(а) бы...», «Думаю, что в изучении данного курса следует...», «Изучение данного курса для меня...», «Изучение данного курса я связываю с...» и т. п. (на их выбор). Также студентам было предложено ввести свои формулировки предложений-размышлений, проявляя таким образом активную позицию. На основе полученных данных нами были скорректированы целевые установки дисциплин, изменено и дополнено содержание курсов.

Коррекция содержания психолого-педагогических дисциплин предполагает внесение изменений в содержание учебных программ и отражает при этом значимость метазнаний и метаумений, условий стимулирования развития личности и рефлексивного потенциала студентов. При разработке учебных программ необходимо учитывать не только научное содержание дисциплины, но и характер самого научного знания, формирующего определенный тип мышления, смыслообразующие мотивы («ради чего я должен изучать данный курс»). Прежде всего, необходимо специальное конструирование предметных знаний с учетом личного опыта и возможностей студентов как исходного и обязательного элемента в определении содержательных и процессуальных компонентов выстраиваемого педагогического процесса. Предметные знания и умения при этом выступают средством познания, развития и преобразования действительности, а не как конечная цель. Следовательно, особенностью содержания педагогического процесса, обеспечивающего личностный рост студентов, является приоритетность личностно-смыслового компонента, а само содержание психолого-педагогической подготовки студентов выступает средством в обеспечении их личностного роста.

Определяя содержание изучаемых курсов, мы учитывали положение о зависимости личностного смысла образования от мотива, которым руководствуется обучающийся, что детерминирует особенности формирования личностного знания: если значение познаваемого — это средство связи человека с реальностью, то смысл связывает его с реальностью собственной индивидуальной жизни (А. Н. Леонтьев [8, 9]). Личностный смысл — это значение, опосредованное мотивом. Таким образом, смыслообразующие мотивы образования, влияющие на мировоззрение и жизненные позиции студентов, оказались действеннее и значимее мотивов-стимулов, побуждающих к конкретным действиям. Поэтому на протяжении всего педагогического процесса нами учитывались в качестве важных исходных данных результаты начальной диагностики профессионально и личностно значимых мотивов деятельности, позволившие выявить и далее в ходе обучения корректировать и направлять процесс их формирования. Процесс обучения также должен стимулировать и мотивировать студентов к саморазвитию и качественному преобразованию имеющегося знаниевого потенциала в личностно значимый. Следовательно, нам удалось обеспечить сочетание инвариантной и вариативной составляющих в содержании психолого-педагогической подготовки студентов.

Содержательно-деятельностный этап предполагает непосредственную реализацию педагогического процесса и затрагивает все интраперсональные и интерперсональные критерии личностного роста. Стержневым

моментом на данном этапе стала разработка образовательных маршрутов. Реализовать право выбора студентов и обеспечить решение задач обучения позволяют стратегии изучения курсов [13], т. е. выбор образовательного маршрута. Поэтому следующим шагом совместной деятельности педагога и студентов стал процесс разработки стратегии изучения дисциплин. Разработка стратегий обучения предполагает составление индивидуальных программ обучения с учетом готовности студентов к самообразованию и саморазвитию (1 и 2-я стратегии), а также с учетом интересов и потребностей студентов в их самоопределении относительно посещения конкретных занятий (2-я стратегия) и повышения уровня личностного и профессионального развития средствами организуемых учебных занятий (2 и 3-я стратегии). Выбор и самоопределение студентов в изучении психолого-педагогических курсов предоставляют возможность студентам, по их желанию, переходить из одной стратегии обучения в другую в процессе изучения курсов.

Реализация педагогического процесса с учетом совместно намеченных стратегий обучения представляет собой создание условий для саморазвития и самореализации студентов, когда органично сочетаются два субъекта обучения — педагог и студент, достигающие полного содружества и сотворчества. Основными формами организации педагогического процесса в условиях данной модели выступают лекционные, семинарские и практические занятия. С учетом того, что содержательная сторона педагогического процесса определяется совместно преподавателем и студентами в условиях выбора, его процессуальная сторона предполагает гибкость в реализации содержательной составляющей.

Согласно особенностям личностно развивающего подхода к обучению, личностный опыт не может задаваться с помощью традиционных программно-методических средств, его наличие определяется не только учебным материалом, но и внутренними коллизиями личностного развития субъектов учебного процесса. Поэтому личностный опыт необходимо закладывать в основу предметных знаний и умений в формах личностных мировоззренческих диспозиций, ценностных ориентаций, жизненных смыслов и правил самоорганизации. На этапе актуализации проявлений личностного опыта значимо общение взаимодействующих и взаимовлияющих субъектов педагогического процесса. Использование личностного опыта студентов позволяет реализовать регулятивную функцию относительно их отношения к себе и другим, что оказывает влияние на изменения интраперсональных и интерперсональных показателей личностного роста студентов. Поэтому ценностные ориентации и отношения студентов, которые были выявлены нами в ходе начальной диагностики, являясь частью личностного опыта, преобразовывались и изменялись в процессе обучения, как бы заново рождались в опыте личности, о чем говорят результаты итоговой диагностики ценностных отношений студентов. Особенностью формирования личностного опыта средствами психолого-педагогических курсов стал процесс наращивания, углубления и расширения уже имеющегося опыта за счет поступающей новой информации и способов деятельности. Благодаря вышеназванным изменениям в организационном и содержательном аспектах процесса психолого-педагогической подготовки студентов нам удалось построить процесс изучения трех различных дисциплин («Педагогика», «Психология», «Основы педагогического общения») как систему психолого-педагогических знаний и умений, при этом обеспечить их взаимодействие. Так, при изучении тем из области

межличностного и делового общения и педагогики прослеживалось использование знаний и умений из курса психологии, рассмотрение вопросов и проблем педагогического характера основывалось на знании психологии личности и психологии общения.

Процесс изучения психолого-педагогических курсов отличается разнонаправленностью, поскольку каждому студенту необходимо обеспечить педагогическую ситуацию, направленную на решение задач его личностного развития. При этом приоритетным является раскрытие субъектных ценностей личности и формирование на этой основе общественно значимых ценностей. Признание самооценности студента как носителя субъектного опыта выступает важным условием процесса обеспечения его личностного роста, что, в свою очередь, детерминирует особенности индивидуального подхода к студентам. Налицо значимость сопоставления студентами прежних и новых смыслов, их «критическая ревизия», при этом важно актуализировать жизненные ценности, взгляды, отношения и стремления студентов.

Решению задач саморазвития личности будущего профессионала, активизации и совершенствования умений (опыта) по приобретению знаний на содержательно-деятельностном этапе отводится особое место. Метазнания и метаумения в процессе обеспечения личностного роста студентов мы рассматриваем как результат познавательной деятельности. Примечательно, что доля участия метазнаний и метаумений в педагогическом процессе по мере продвижения студентов возрастала естественным образом. Обратимся к примерам. В ходе дискуссии по обоснованию верности или ошибочности тезиса «Овладение способами познавательной деятельности “есть основной путь развития познавательных способностей”» [4, с. 35], совместного анализа жизненно и личностно обусловленных ситуаций мы со студентами пришли к выводу о необходимости изменить характер педагогического процесса и преподавания, смещая акцент с усвоения знаний (понятий, фактов, теории) на овладение способами учебной деятельности по их получению (результат — умения и метазнания). Позже такой вывод повлиял на выбор и создание педагогических условий при проведении занятий на следующие темы: «Основные направления в психологии» — в форме «интеллектуального боя»; «Проблема личности в психологии. Основные психологические теории личности» с выдвижением и доказательством представляемых группами студентов гипотез; «Язык телодвижений» — основой была избрана форма практикума; «Ведение делового разговора», «Публичное выступление», «Разрешение конфликтных ситуаций» — в виде тренинговых и практических занятий с ситуативной профессионально направленной основой и предварительной самоподготовкой студентов-ведущих. Особое место нами было отведено лекционным занятиям, подготовленным студентами (в том числе лекции вдвоем); темы раздела «Теория воспитания», «Личность педагога», «Стили педагогического общения» рассматривались в контексте совместного (преподавателя и студентов) поиска решений и ответов на актуальные и волнующие студентов вопросы с опорой на сведения справочного (информирующего) характера.

Неотъемлемым этапом педагогического процесса является *оценочно-аналитический этап*, в ходе которого определяется качественный уровень приобретенных студентами знаний и умений и, главное, измеряются показатели личностного роста студентов, определяется характер личностных новообразований, вектор их личностных продвижений. Виды контроля и оценки результатов педагогического процесса объясняются необходимостью реали-

зации текущего, периодического (промежуточного) и итогового контроля с учетом принципов личностно развивающего обучения и условий выбранной стратегии обучения. В аспекте нашего исследования важно выявить личностный рост студентов, который невозможно оценить отметкой. Личностный рост как результат обучения отражается в содержании, формах и способах деятельности студентов. Поэтому в качестве ведущих типов контроля качества знаний и уровня профессиональной компетентности будущего специалиста нами использовались: контроль по процессу, контроль по результату работы над материалом курса и контроль по прогнозу личностно-профессионального развития студентов [5, с. 57—58]. Обозначенные типы контроля не только выступают средством диагностики уровня обученности студентов и выявления их личностных новообразований, но и, что особо важно, способны оказать существенное влияние на изменение показателей (интраперсональных и интерперсональных) их личностного роста.

Важным системообразующим личностным свойством саморазвития мы считаем рефлексивность. Рефлексии как феномену изучения уделяется огромное внимание в области психологических, педагогических, социологических и других исследований. Изучению структурной и процессуальной организации рефлексивной регуляции деятельности посвящена работа А. В. Карпова [6]. С. Ю. Степанов и И. Н. Семенов [10, 11, 12] выделяют основные аспекты изучения рефлексии, которые, на наш взгляд, можно соотнести с критериями и показателями личностного роста: коммуникативный (способность понять других людей, осознание восприятия себя другими людьми и т. п.); кооперативный (понимание внутреннего мира другого человека, его побуждений); личностный (осознание своих действий и поведения, своего «Я» как уникальности и неповторимости в результате взаимодействия и общения с другими людьми); интеллектуальный (способность и умения «видеть» и анализировать собственные действия в жизненных ситуациях). Анализ содержания жизненной ситуации, места в ней самого субъекта характеризуют интеллектуальную рефлексивность, личностная рефлексивность — более сложное явление, ведущее человека к переосмыслению себя и своей жизнедеятельности.

В нашем исследовании рефлексии отводится значимое место как инструменту для определения и анализа новообразований в структуре личности студента. Для изучения изменений рефлексивной стороны личности будущих специалистов нами использовалась письменная мини-работа по методу неоконченных предложений в форме «листа рефлексии». При заполнении «листа рефлексии» важно не просто закончить данное предложение («В начале (занятия) я считал(а) нужным (думал(а), рассматривал(а), относился(лась)...), а теперь я...»), а выразить свое мнение или отношение к рассматриваемому вопросу, полностью осознавая и реализуя свое личностное начало. Данный прием также оказался эффективным средством устранения различных комплексов, которые присущи студентам.

Развитию рефлексивных умений студентов способствует коллективная рефлексивность занятия: им предоставляется возможность оценить эффективность использования той или иной формы организации работы, выполняемого задания, ситуации обучения, а также поделиться своими впечатлениями от проведенного занятия и личного участия в нем, внести предложения по его дальнейшему использованию. Коллективная рефлексивность проведенного занятия является элементом взаимоконтроля и самоконтроля субъектов в реализуемом педагогическом процессе. Следовательно, мы приходим к выводу, что

рефлексивные суждения студентов необходимо рассматривать как наиболее существенные проявления личностного роста, поскольку именно изменения качественного характера говорят о продвижении личности и ее росте.

Обратим внимание на еще один значимый момент в организации педагогического процесса — обратную связь, которая, с одной стороны, выступает средством диагностики и контроля деятельности студентов, с другой — позволяет корректировать и направлять педагогический процесс. Обеспечение обратной связи между субъектами педагогического процесса мы рассматриваем как обязательный элемент каждого занятия независимо от его темы и формы проведения.

В структуре оценочно-аналитического этапа педагогического процесса мы выделяем рефлексию преподавателя по итогам реализации процесса. В фокусе внимания педагогической рефлексии, по мнению Г. М. и А. Ю. Коджаспировых [7, с. 130], находится осознание того, как воспринимает и понимает студент преподавателя и свои отношения с ним, как он может настроиться на его действия. Вслед за авторами педагогическую рефлексию мы понимаем как способность педагога дать себе и своим поступкам объективную оценку, понять, как его воспринимают студенты и другие люди, прежде всего те, с кем он взаимодействует в процессе педагогического общения.

Таким образом, в результате анализа организационной и содержательной сторон педагогического процесса мы выделили следующие педагогические условия стимулирования личностного роста будущих специалистов:

- изменение профессионально-личностной позиции и установок в деятельности преподавателя;
- обеспечение возможности совместно с педагогом определять и корректировать цели, содержание образования и образовательные технологии;
- обеспечение многофункциональности и гибкости целей, содержания образования и образовательных технологий;
- предоставление альтернативы действий преподавателю и студентам, осуществляемой в их свободном выборе с учетом личностно и профессионально значимых интересов, потребностей, возможностей и уровня их готовности;
- выведение студента как полноправного субъекта педагогического процесса на личностно значимый для него уровень самоактуализации и саморазвития;
- ориентацию на решение личностно и профессионально значимых для студента задач с учетом перспектив его дальнейшего саморазвития и роста;
- формирование метазнаний и метаумений студентов, учет их личностного опыта как ведущих составляющих в профессиональном и личностном росте будущего профессионала.

Библиографический список

1. *Веремьева Н. В.* Особенности модели педагогического процесса, обеспечивающего личностный рост будущих специалистов // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Естественные, общественные науки. 2009. Вып. 1. С. 15—18.
2. *Веремьева Н. В.* Развитие профессионально-личностной компетентности студентов в процессе их психолого-педагогической подготовки / Иван. гос. энерг. ун-т им. В. И. Ленина. Иваново, 2009. 176 с.
3. *Воронова Т. А., Веремьева Н. В.* Личностный рост как критерий эффективности качества подготовки специалистов // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: История. Философия. Педагогика. Психология. 2007. Вып. 2. С. 52—64.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

4. *Воронова Т. А., Дмитриева М. А.* На пути к человеку культуры... : опыт разработки научно-методического обеспечения профильного гуманитарного образования : учеб. пособие для студентов педагогических специальностей университета и учителей. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 279 с.
5. *Воронова Т. А., Засобина Г. А.* Формы и методы контроля качества знаний и уровня профессиональной компетентности будущего учителя // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: История. Философия. Педагогика. Психология. 2003. Вып. 2. С. 51—63.
6. *Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 424 с.
7. *Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю.* Педагогический словарь : для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. М. : Академия, 2003. 176 с.
8. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
9. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. 391 с. ; Т. 2. 318 с.
10. *Степанов С. Ю., Семёнов И. Н.* Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач // Вопр. психологии. 1982. № 1. С. 99—104.
11. *Степанов С. Ю., Семёнов И. Н.* Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопр. психологии. 1985. № 3. С. 31—40.
12. *Степанов С. Ю., Семёнов И. Н.* Современные проблемы творческой рефлексии и проектирования // Вопр. психологии. 1983. № 5. С. 162—164.
13. *Хадж Хамидо А.* Моделирование лекционного курса в современных технологиях обучения в вузе : дис. ... канд. пед. наук. Иваново, 1996. 211 с.

УСЛОВИЯ ПОЗИТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИ КАНИСТЕРАПИИ

Рассматриваются условия, при которых становятся возможными позитивные изменения при канистерапии. Ведущая роль в достижении устойчивого эффекта автором отводится организации групповых занятий, вспомогательная роль — собаке.

Ключевые слова: терапевтическое пространство, требования, ограничения, канистерапия, реабилитация, ритуалы, дети с особыми нуждами.

The article considers conditions for the positive changes at canistherapy. The author assigns a subsidiary part to a dog. The leading part in achievement of a stable effect is assigned to group lessons organization.

Key words: therapeutic space, requirements, restrictions, canistherapy, rehabilitation, rituals, children with special needs.

Задачей любой психотерапии, включая групповую, является влияние на структуру личности с целью формирования более сильного эго, изменения супер-эго, улучшения Я-концепции.

В канистерапии (терапия и реабилитация с участием подготовленных собак) обычно делаются акценты на следующих моментах:

- умениях собаки;
- сотрудничестве ребенка и собаки;
- безопасности взаимодействия ребенка и собаки.

При этом собаке, в зависимости от позиции канистерапевта, отводится роль либо инструмента в реабилитационном процессе, либо сотрудника (ко-терапевта).

На занятиях групп, проводимых нами в Центре психолого-педагогической помощи семье и детям (г. Иваново), основной упор делается на создании и поддержке условий реабилитационного процесса и целях реабилитации.

Главный критерий отбора детей с инвалидностью в группы развития и реабилитации — социальный голод (термин Х. Д. Джинотта). Социальный голод — это то, что свойственно большинству детей с тяжелыми нарушениями психического и физического развития, обращающихся в психологический центр. В особой степени это касается детей с тяжелыми формами психофизических заболеваний. У них чрезвычайно сужены социальные контакты, часто ограниченные лишь семьей. Их родители не знают, как можно находиться в обществе с такими сложными и непохожими на других детьми. В ставшей уже классической работе В. М. Экслейн пишет: «В тех случаях, когда проблемы ребенка сконцентрированы вокруг социального приспособления, групповая терапия может помочь больше, чем индивидуальные сеансы...» (цит. по: [2, с. 27]).

Условия, необходимые в реабилитационном пространстве, задают определенный порядок взаимодействия, некую атмосферу, настрой, которые, по нашему мнению, в значительной мере обуславливают результативность работы.

Э. Спинелли, говоря о пространстве и условиях психотерапевтического процесса, использует метафору «магическое пространство» и считает, что вход в него уже сам по себе имеет сильный эффект (цит. по: [1, с. 29—32]). Именно поэтому так важно создавать эти «магические» условия, которые убеждают и нас, и наших клиентов в том, что вот сейчас может случиться волшебство.

Спинелли, говоря об условиях, упоминает пространство и время, которые должны быть заданы специалистом. Они создают границы терапевтического мира, являются входом в терапевтическое пространство и выходом из него. Все, что требуется от клиента, — принять эти требования. Неважно, являются ли они рациональными, понятны ли они.

Спинелли показывает, как во время первой фазы терапии, установив границы терапевтического мира, клиент и терапевт входят в него. И это вхождение в иной мир позволяет всем участникам процесса ощутить свое бытие в нем как нечто кардинально отличающееся от своего привычного способа бытия в более широком мире, чтобы в конечном итоге бытие в терапевтическом мире можно было сопоставить с бытием, самоощущением, утверждением себя в том своем большом мире.

Почему же так важно специалисту осознавать значение этих правил и ограничений?

Поскольку одна из главных задач групповой работы — содействие социализации детей с инвалидностью или с серьезными проблемами в развитии, то мы считаем важным в первую очередь родителям, а вслед за ними и их детям научиться принимать правила и ограничения, которые неизбежны в любом социуме. Это необходимо, потому что социализация, вне зависимости от того, о человеке здоровом или с заболеваниями идет речь, неизбежно предполагает способность следовать нормам, обеспечивающим возможность существования и социального взаимодействия.

Тем не менее именно эта сфера становится полем нешуточного противостояния, в том числе между специалистом и клиентом. Какую позицию будет занимать специалист в этом противостоянии, будет зависеть от того, какую роль он отводит этим условиям, что они для него значат, какой смысл имеют в его работе.

В попытке некоторых клиентов диктовать свои условия и правила и оказывать всевозможное давление на ведущих групп просматривается привычный для них способ взаимодействия с миром, и это привычное для себя они пытаются привнести в реабилитационное пространство. Как правило, такие родители оказываются неготовыми принимать помощь именно такую, какую мы им предлагаем. И на этой основе нередко происходит отсев участников, т. к. сохранение специалистом независимой позиции является существенным условием эффективности его работы.

Если обратиться к той части реабилитации, которая происходит с участием животных, в частности собак, то соблюдение правил — это еще и необходимое условие безопасности, пренебрегать которым на занятиях недопустимо.

Собака тоже выполняет установленные правила: ее приводят к установленному времени, она ожидает детей в отведенном для нее помещении, она способна выполнять те команды и задания, которые ей дают хозяин или проводник. И ее участие в групповом процессе определяется способностью ее (вместе с хозяином) следовать правилам работы в группе.

Условия, необходимые для реабилитационного процесса в группах, занятия с которыми нами проводятся на базе Центра психолого-педагогиче-

ческой помощи семье и детям, касаются пространства, времени и поведения во время занятий.

Что касается условий пространства, то занятия проводятся в одних и тех же помещениях. Например, одна часть занятия проводится в модульной комнате, где большое пространство, игрушки, сухой бассейн, детские тренажеры, модули. Здесь чередуются занятия и свободная деятельность. Другая часть занятия проводится в учебной комнате, где дети занимаются за столами: лепят, рисуют, делают аппликации. Если занятие проходит с участием собаки, то это занятие или его часть проводится в специальной комнате, со специальными игрушками, которые не должны попадать в другие комнаты, куда собаку не приводят.

Групповые занятия начинаются в строго определенное время и продолжаются 50—60 минут. Определена также длительность каждого из этапов занятия.

Ведущий структурирует пространство и время занятий, выстраивая определенную, более или менее повторяющуюся от занятия к занятию последовательность заданий, в результате чего ребенок постепенно начинает ориентироваться в структуре занятия. У ребенка начинает складываться связь между событиями: свободное время будет дано после того, как дети позанимаются. Формируется пространственно-временная связь: начало занятий и свободное время — в игровой комнате, а творческие задания (рисование и лепка) — в учебной.

Дети, посещающие занятия, имеют низкий уровень развития произвольности и серьезные речевые нарушения либо вообще не сформированную речь. Четкая структура занятий и направленность их на взаимодействие детей между собой и со взрослыми позволяют детям включиться в организованную деятельность и сформировать мотивацию к учебной деятельности и к общению.

Для развития произвольности необходимы внешние опоры. Такого рода опорами могут являться постоянство состава участников и сами ведущие.

Важно формирование у ребенка стереотипа занятия. Для развития произвольности деятельности необходимо постоянство среды и повторяющиеся из раза в раз элементы: внешнее окружение; одни и те же ведущие; начало и конец занятия, оформляющиеся привычным для ребенка образом. Большое значение имеет позитивная реакция на поведение детей во время занятий. Относительно устойчивая последовательность игр и заданий помогает ребенку преодолевать тревожность и проявлять активность, получать удовольствие от игр и активнее включаться в предлагаемую деятельность. Изменения в структуру занятия вводятся тогда, когда ребенок расслабился, справился с волнением и страхом. Тогда могут включаться новые упражнения, песни и игры.

Среди условий, обеспечивающих эффективность групповых занятий, следует отметить также следующие:

- 1) ритуалы,
- 2) ограничения и запреты,
- 3) свободное время.

Ритуалы помогают настроиться на занятие, войти в ритм совместной деятельности, переключаться с одного вида деятельности на другой. Они необходимы в наиболее ответственные моменты занятия: начало, завершение, переключение на иную деятельность, при наведении порядка. В качестве ритуалов могут использоваться звуки (например, звук колокольчика — приглашение в игровую комнату), представление участников (называние каждым участником своего имени может сопровождаться звуками музыкальных инструментов), слова, песни и танцы.

В процессе проведения занятий было замечено, что именно ритуалы вызывают у детей наиболее сильные положительные эмоции, особенно когда они сопровождаются звуками, музыкой, пением, а также действиями самих участников. Так, если на первом занятии дети с трудом включаются в выполнение ритуальных заданий, некоторые аутичные дети при новых звуках закрывают уши и даже плачут, то постепенно ритуальные моменты все лучше осваиваются ими, начинают вызывать положительные эмоции.

Существуют разные взгляды на *ограничения и запреты*: от принципа «в игровой комнате разрешено все» до необходимости введения их в работу с детьми. Мы являемся сторонниками позиции, согласно которой во время проведения занятий необходимы правила и ограничения. Они очень влияют на эффективность работы и ее безопасность.

Ограничения и запреты на наших занятиях служат цели социализации ребенка. Группа здесь рассматривается как микромодель социума. Любое социальное взаимодействие предполагает умение человека ограничивать те или иные свои желания, контролировать импульсы. В противном случае он получает негативный отклик из внешней социальной среды и возникает угроза, связанная с возможностью удовлетворения его важнейших социальных потребностей, например таких, как быть принятым в социальную группу, испытывать позитивное отношение к себе со стороны других, позитивно общаться.

Ограничения обеспечивают физическую безопасность и детей, и психолога, и собаки во время занятия. Ограничения способствуют развитию саморегуляции. При этом важно, чтобы они осуществлялись в обстановке принятия ребенка как личности, понимания и принятия его чувств. Это уменьшает вину ребенка и ориентирует его на реальность. Он приходит к принятию ограничений и контролю за своими импульсами без чувства вины.

К общению с собакой на наших занятиях детей готовят. Некоторые правила устанавливаются в процессе такой подготовки при взаимодействии с игрушечной собакой. Опыт показывает, что важно не только показывать и рассказывать детям, как лучше взаимодействовать с собакой, но и отслеживать любые нежелательные действия детей с игрушкой и корректировать их, иначе все это проявится в общении с живой собакой.

Основная цель ограничений — не наказать, а переориентировать действие в социально желательном направлении, обратиться к переживаниям.

Х. Д. Джинотт [2, с. 139—140] считает, что, когда ограничения ставятся в соответствии с терапевтическими целями, они приводят к добровольному принятию ребенком необходимости подавить антисоциальные устремления. В результате он становится более способным к саморегуляции и самоуправлению, самодисциплине. Детям необходимо четкое понимание приемлемого и неприемлемого поведения. Это дает им чувство безопасности, предсказуемости.

В группах детей-инвалидов, с которыми проводятся занятия в Центре психолого-педагогической помощи семье и детям, используются следующие ограничения:

- ребенок покидает игровую или учебную комнату вместе со всеми, не раньше и не позднее;
- не разрешается уносить с собой книги и игрушки, разрешается — свои рисунки и поделки;
- недопустимы проявления физической агрессии в отношении людей и животных, драки между детьми.

Свободное время — необходимая часть занятий. Для детей это возможность реализовать свои желания, проявлять себя так, как им хочется.

Для одних — это возможность заняться игрушками, для других — подвигаться, для третьих — установить контакты, взаимодействовать, играть, а для кого-то — побыть в одиночестве. Именно в свободное время зачастую проявляются значимые изменения, происходящие с ребенком, в том числе в результате групповых занятий.

Важно использовать потенциал свободного времени и на занятиях с участием собак. Для ведущего и родителей — это хорошая возможность понаблюдать за ребенком, обратить внимание на какие-то аспекты его поведения. Это дополнительная возможность увидеть характер взаимодействия ребенка с другими детьми и собаками. Это возможность обсудить с родителями типичные для ребенка поведенческие проявления и некоторые особенности детско-родительских взаимоотношений. На основе этого родителям могут даваться рекомендации, задания, связанные с совершенствованием детско-родительских отношений.

Следует также обратить внимание на то, что занятия мы проводим в смешанных детско-родительских группах. Все начиналось с детских групп, затем появились и группы для родителей, на которых они получали поддержку и прорабатывали свои личностные проблемы. С 2012 г. мы стали работать со смешанными детско-родительскими группами, в которых открываются другие возможности:

— создается атмосфера сотрудничества. Родители здесь становятся участниками реабилитационного процесса. Они обучаются у ведущих и друг у друга. Все это позволяет им ощутить себя субъектами реабилитации своих (и других) детей;

— лучше осмысливаются, а также закрепляются и развиваются эффекты, полученные во время занятий, когда они привносятся в повседневность. Это касается и подходов к общению с ребенком, и закрепления дома полученных на занятиях с детьми знаний и умений;

— происходит коррекция детско-родительских отношений, родители начинают лучше понимать своих детей. На занятиях проявляются типичные формы взаимодействия детей и родителей и становятся понятными истоки трудностей в их взаимоотношениях, в обучении и развитии. Родители обучаются новым, более эффективным формам взаимодействия с ребенком и получают в этом поддержку со стороны специалистов;

— появляется возможность реабилитации самих родителей, поскольку занятия приносят радость не только их детям, но и им самим. Они, как и дети, получают удовольствие от игр, музыки, творчества, общения. Это и расширение их кругозора, и получение нового опыта в общении с детьми.

Согласно опросам, которые мы периодически проводим, в результате занятий в детско-родительских группах родители отмечают снижение усталости и восстановление сил, испытывают положительные эмоции, расширяется круг их общения, а главное — у них появляется надежда на улучшение состояния своих детей и взаимоотношений с ними.

Таким образом, забота об условиях реабилитационного взаимодействия помогает включиться в реабилитационный процесс и повысить его эффективность не только для детей, но и для их родителей.

Библиографический список

1. Глухова И. Конспект семинара Эрнесто Спинелли «Практика экзистенциальной терапии: основные опорные точки» // *EXISTENTIA: психология и психотерапия*. 2008. № 1. С. 8—37.
2. Джинотт Х. Д. Групповая психотерапия с детьми: теория и практика игровой терапии. М.: Апрель-Пресс: Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. 272 с.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕКЛАМА

ББК 76.000.8

С. Л. Страшнов

ИЗ СЛОВАРЯ «АКТУАЛЬНЫЕ МЕДИАПОНЯТИЯ»: АВТОРСКАЯ ПРОГРАММА. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Представленные материалы объединяет проблема творческих возможностей журналистики и ее соотношения с художественными явлениями. Осмысливаются процессы, характерные для современных СМИ.

Ключевые слова: автор, журналистика, искусство, литература, медиатизация, публицистика.

The given material covers the problem of journalism creative potential and its correlations with art phenomena. The processes typical for contemporary mass-media are interpreted.

Key words: author, journalism, art, literature, mediatization, publicism.

Последняя в нашем издании публикация из цикла «Актуальные медиапонятия. Журналистский словарь сочетаемости» состоялась в начале позапрошлого года. С тех пор в издательстве «Ивановский государственный университет» вышло одноименное учебное пособие (2012), включившее в себя 33 статьи. Позднее воронежский журнал «Акценты: новое в массовой коммуникации» (2013, № 1—2) напечатал четыре новых материала («Авторские роли», «Информационные войны», «Контент», «Ребрендинг»). Ниже мы предлагаем еще два дополнения к имеющемуся своду.

АВТОРСКАЯ ПРОГРАММА

Понятие, к объяснению которого мы приступаем, для кого-то самоочевидно и бесспорно: это какой же, если не авторской, является любая программа (публикация) в журналистике? Уточнение здесь, казалось бы, столь же нелепо, как и в присутствующем у составителей одного из словарей медиатерминов плеоназме «авторское творчество» [см.: 2, с. 12—14]. Между тем доля креативности и субъектная маркированность продукции в СМИ далеко не стопроцентные, а значит, они не только заслуживают, но — требуют обсуждения. То есть обозначение «авторская журналистика» уже не столь тавтологично, как «авторское творчество», потому что, во-первых, таким образом называют лишь один из видов медиатеатральности — наряду, но и в противовес редакторской или социально-организаторской, во-вторых, не стоит забывать, что основная цель журналистики — работа информационная, основной принцип — объективность. А поскольку это так, то словосочетание «авторская журналистика» преподносит нам чуть ли не очередной оксюморон, во всяком случае — проблему. Авторская программа (наряду с колумнистикой, эссеистикой, очеркистикой и т. п.) — частный случай подобной журналистики. Попытаемся же выяснить, насколько распространена и законна подобная форма.

© Страшнов С. Л., 2014

2014. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Исходно и на уровне исполнения — безусловно: профессией, а именно занятием массовым, журналистика сделалась лишь к середине XIX столетия, поэтому допустим был персональный журнализм. Нормой являлся и высокий градус творческой активности в ней. Но, покинув материнское лоно искусства, газетчики — особенно на Западе — выработали весьма строгие стандарты подачи информации, все более разветвленной становилась и специализация. Особенно с появлением радио и телевидения.

Однако — как бы это парадоксально ни выглядело — богатый спектр задач и возможностей вернул некоторой части журналистов статус творцов, легитимизировав его. И недаром один из основополагающих тезисов своей знаменитой концепции — о том, что средства массовой коммуникации передают уже не столько само сообщение, сколько его автора, — Г. М. Маклюэн сделал на материале ТВ (см. об этом: [7, с. 30]). Особенно справедливо такое утверждение по отношению к телевизионной публицистике, поскольку самая креативная разновидность журналистики реализуется здесь в самом близком к художественным исканиям СМИ. Поначалу некоторые теоретики вообще склонялись к тому, что ТВ станет искусством по преимуществу. И пусть этого не произошло, немалая часть телевизионщиков — и прежде всего создатели тех самых авторских программ — непременно бывают наделены художественной одаренностью, они артистичны и оригинальны.

Правда, та же самая природа телевидения как деятельности всегда коллективной и ограничивает работников СМИ. Даже программа авторская — продукт сотворчества целой группы исполнителей. В наиболее объемных, многосоставных, панорамных передачах короля иногда частично играет свита: так, В. Молчанову в сольных номерах «До и после полуночи» ассистировали А. Денисов, А. Ливанская, И. Зайцева. Однако чаще всего усилия помощников остаются за кадром, а в кадре оказывается именно журналист, ведущий программу, — и это действительно ведущее лицо в таком объединении. Неслучайно его имя выносится иногда в анонсы — например, «Шоу Фила Донахью», или «Неделя» с Марианной Максимовской», или «Авторский комментарий Михаила Леонтьева». Создав программе репутацию, ведущий надолго брендирует ее, потому что, по словам В. Соловьева, он выступает как хозяин ток-шоу.

Этому способствует и безусловная публичность такого журналиста. Высокая популярность авторских программ и их положение в сетке вещания таковы, что ведущие получают в обществе влияние, сходное с автоматически, по определению, приобретаемым руководителями стран. Государственный секретарь США Генри Киссинджер говорил: «Ведущий теленовостей превращался в политическую фигуру в том смысле, что лишь президент имел одновременный доступ к подобной широкой аудитории, но, уж конечно, не столь регулярно» (цит. по: [4, с. 186]). У нас в 1990-х годах дело доходило до того, что Е. Киселев и С. Доренко постоянно конкурировали в верхних строчках рейтингов «Литературной газеты» с записными ораторами из политэлиты.

Понятно, что такое обеспечивается не только коммуникативными способностями, но и качествами лидеров — людей, способных брать инициативу и ответственность на себя. Крайне интересно бывает наблюдать, когда харизматичные ведущие сталкиваются в эфире с амбициозными партийными профессионалами. И надо заметить, что Владимир Соловьев, например, редко уступает в своих программах напористым, самоуверенным гостям.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

На западном и советском, а затем российском телеэкране появлялось изрядное количество серийных передач, ассоциировавшихся в сознании зрителей с именем того, кто подчас лишь озвучивал совокупный текст. Аудитории трудно разбираться, в какой степени этот продукт для ведущих свой собственный, но в обыденном восприятии он именно таков, поскольку последней процедурой в его оформлении становится личностная огласовка. В конце концов, сообщения персонифицируются.

Ведущий — лицо подобных телевизионных передач, и он, естественно, должен как-то выделяться не только на фоне остальных создателей программы, но и среди своих звездных коллег. И это не только характерные внешность и манера держаться (достаточно отвязная, допустим, у М. Леонтьева, что лишь подчеркивают всегдашняя небритость и небрежности в экипировке) — стилевое своеобразие следует в данном случае воспринимать объемно: в ход идут киноцитаты, актуальные видеосюжеты и архивная хроника, иные документы и элементы интервью, но их скрепляют, в конечном итоге, индивидуализированная речь и личностная трактовка случившегося.

Происходит то, что сейчас толкуют как персонализацию контента, хотя ведущие скорее всего выступают не столько творцами содержания (как, предположим, производящая компания «Авторское телевидение»), сколько его аранжировщиками. Прицельный отбор событий из недельной новостной ленты и, главное, выразительная их интерпретация весьма ощутимы, например у А. Пушкова в цикле «Постскриптум». А фактором нетривиальности выступает сама личность, обладающая не просто эссеистской способностью импровизировать в кадре, но собственным видением, самобытным подходом. Требования к авторским медиавыступлениям (а значит, и программам) сформулировал А. Аграновский: «Ты должен увидеть то, чего до тебя никто не увидел, найти факт, которого никто не нашел, высказать мысль новую и незагтертую...» (цит. по: [3, с. 98]).

В остальном авторские программы не столь определены. Так, до сих пор они тематически разнообразны: могут быть посвящены животным и путешествиям, внешней политике и семейным отношениям, кино и здоровью. Не становятся жесткими и жанровые привязанности: достаточно лаконичные информационные выпуски («600 секунд») и обстоятельные обозрения («Итоги»), многие ток-шоу (начиная с «От всей души») и цикл интервью («Момент истины») все-таки сближаются опять-таки за счет своей центростремительности — целенаправленного воздействия на аудиторию человека, который представляет материалы, подготовленные десятками его соратников. Существует даже целая студия под названием «Авторская программа Аркадия Мамонтова», выпускающая фильмы, в основном в жанре журналистского расследования или того, что несколько туманно величают спецрепортажами. Получается, что авторская программа не столько жанр, сколько метажанр — достаточно широкое явление. Впрочем, некоторые тяготения все-таки просматриваются: наиболее популярным форматом является развернутая колумнистика, наиболее адекватной ролью ведущего — обозреватель.

Само наличие авторских программ на телеэкране, их зацентрированность и субъективность заостряют вопрос о взаимодействии непредвзятой информации и воспроизводящей ее личности. Абсолютно ясно, что ведущий получасовых новостей, задавая тон, изредка вступая в диалоги, давая подводки и короткие комментарии, то есть таким образом объединяя сюжеты, не должен их собою заслонять. Самодостаточность журналиста недопустима и в ток-

шоу: в западной традиции есть правило, по которому «ведущий дискуссии не является ее участником» (цит. по: [4, с. 34, 241]). Впрочем, «над схваткой» она предписывает стоять не только модераторам (что совершенно справедливо), но и тем же обозревателям. Однако есть и иная логика, утверждаемая устами И. Бродского: «Объективность есть некий род слепоты» [1, с. 3] — говорящему «от первого лица» эмоциональность и творческие озарения позволяют за наличными фактами видеть перспективы.

В момент возникновения и первоначального развития авторских программ ведущие выступали в качестве антиподов обезличенным дикторам — рупорам официальных мнений. Сегодня другие условия и другие конкуренты: нашествие медиалюбителей делает нелишними напоминания даже об элементарном ремесле, необходимости овладения определенными стандартами. Но — тем более — массовизация журналистской деятельности, резкое увеличение источников информации побуждают уважительнее относиться к авторитетным творцам — к тем, кому можно доверять. Кроме того, корректируя, а то и взрывая форматы, на которые сориентировано большинство, они развивают потенциал отрасли.

Иными словами, демократизация в ней одновременно резко повышает значение личностей, способных противостоять анонимности информационных сообщений, их сиюминутности, а подчас и сомнительности. Журналисту бывает всегда невероятно трудно преодолевать обязательную злободневность своей профессии. И все же кое-кому подобное удается: материалы самых ярких авторских программ (например, «Намедни» Л. Парфёнова), обнаруживая собственную долговременность, издавались весьма востребованными книгами. Так продлевается не слишком протяженный, как правило, жизненный срок отдельных передач.

Правда, приходится констатировать, что на телеэкране в последнее десятилетие — особенно по сравнению с годами оттепели и перестройки — число личностей заметно поубавилось, зато персональный журнализм возвращается сейчас в форме блогов, причем не только в микротвиттерных, но и во все более расширенных. Ценятся выражения творчества и в более традиционных медиа: аналогом авторской программы выглядит и альбом фотохудожника; и цикл газетных колонок, проявляющих прежде всего особый угол зрения на происходящее; узнаваемыми для многих становятся голоса некоторых диджеев в FM-эфире; наконец, на разговорном радио возможны собственные авторские программы (С. Новгородцев, Н. Бехтина, М. Гананольский), весьма схожие с телевизионными. Всё это убеждает в совместимости творчества и журналистики. Правда, не беспредельной и не безусловной.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Это кажущееся уже привычным, а на самом деле несколько уничижительное словосочетание, где сущностное понятие превратилось в прилагательное, начало утверждаться лет десять назад. Во всяком случае в эпохи, когда руководители стран охотно величали себя литераторами, а журналисты литературными сотрудниками, то есть когда журналистика равнялась на литературу, такое бы ни за что не прижилось. Однако теперь акценты сместились, и на смену литературоцентризму пришла медиатизация, которая включает в зону своего широкого воздействия — наряду с остальным — и недавнюю владычи-

цу душ. В результате литература очутилась в одном тематическом ряду с экологией или образованием, да к тому же отнюдь и далеко не на первых ролях.

Самоочевидно: чтобы осмыслить понятие литературной журналистики, необходимо вникнуть во взаимоотношения ее составляющих. С момента своего возникновения занятие журналистикой очень долго казалось деятельностью, скорее всего сопутствующей художественному творчеству: родовые различия обнаруживались постепенно. И хотя первое искусство, которое приходит на ум в связи с журналистикой, — это, естественно, литература, стоит подчеркнуть, что журналистика зарождается не только в лоне словесности, но и синкретического обрядового действия, где, разумеется, уже присутствовали элементы оперативного информирования. Пражурналистские явления отыскивают и в составе более позднего фольклора: в частности, прообразы современных криминальных хроник различимы в западноевропейских средневековых балладах. И все же именно литература дала авторам первых газетных публикаций прямые образцы творческих приемов и форм, которые благодарно заимствовались: так, интервьюеры проходили выучку у драматургов, репортеры — у новеллистов. Наиболее влиятельными изданиями на протяжении XVIII — первой половины XIX века остаются художественные журналы и альманахи, и показательно, что самые актуальные материалы здесь — сатирические. Но ведь они же — и самые условные. Да и новости из области литературы (сообщения о выпуске произведений, перипетиях в жизни знаменитых авторов, стычках конкурирующих изданий) были тогда знакомы публике чуть ли не лучше, становились известны чуть ли не раньше новостей политических.

Постепенно журналистика, конечно, эмансипировалась, и газетные либо радионные сообщения все меньше и реже напоминали собой отражения образные. Однако писатели по-прежнему (хотя бы и вынужденно) составляли костяк редакционных штатов, контрабандой привнося в СМИ качества, наиболее ценимые в мире сопредельном. К ним же тянулись и многие журналисты, втайне мечтая для себя об иной, более престижной на тот момент, доле. Неудивительно, что акции публицистики продолжали пребывать выше информационных, а некоторые советские теоретики требовали быть тенденциозными даже в трехстрочной заметке (см., напр.: [8, с. 63]). Известно, что публицистика действует не только на разум, но и на воображение, поскольку всегда эмоциональна, и этому преобладавшие, например, на протяжении почти всего XX века пропагандистские медиа, нуждавшиеся в страстности больше, чем в аналитичности, ничуть не сопротивлялись.

Литературной журналистикой в течение полутора столетий, казалось бы, совершенно справедливо считались «толстые» журналы, а также издания типа «Литературной газеты». Однако не только первые, но и вторая — особенно наглядно с 1967 года, когда здесь появилась дополнительная, непрофильная тетрадка, — не без оснований претендовали на значительный общественно-политический статус. Литературная журналистика явно не была тогда равна самой себе: она бурно выплескивалась через собственные границы, посягая стать «нашим всем». Так, возможно, замутнялась чистота предмета, зато порыв совпадал с природой журналистики, которая любую тему стремится социализировать. Кроме того, все это вполне, как надо бы подчеркнуть, соответствовало заметному положению художественной словесности в общественной иерархии XIX — XX веков.

Ныне оно утрачено. Возможности СМИ существенно изменились: откликаться не на главное, а на многое сразу оказалось невероятно, и достаточно однообразный, обозримый поток художественно-медийной продукции, а также относительно единая аудитория распались на ручейки и группки. Поэтому, хотя прежние авторитеты просветительской литературной журналистики живы, они явно померкли. Вместе с солидными тиражами издания утратили и резонанс, сконцентрировав усилия на сбережении вокруг себя прежней аудитории — остатков интеллигенции. То есть даже самая традиционная из посвященных литературе журналистских разновидностей обособилась, превратилась в своеобразную культурную резервацию. А новые, постперестроечные, проекты тем более замкнулись, главным образом в собственных нишах, как в раковинах, будучи экспертно сориентированными на ближайший круг читателей: таковы и качественная периодика (вроде «Нового литературного обозрения»), и многие специализированные сайты, на которых представлены элитарные субкультуры. Здесь сходятся свои, посвященные, здесь устанавливаются нормы особого, часто эзотерического, лексикона и другие, не терпящие популяризации ценности.

Оповещение более широкое, хотя тоже нишевое (в «Литературной газете», «Книжном обозрении», на таких порталах, как «Новости литературы»), конечно же, производится и сейчас. Но обзревается книжные новинки отнюдь не только профессиональными, ведомственными СМИ, тем же занимаются рекламные путеводители, вроде журнала «Афиша», и некоторые универсальные газеты (в частности, молодежные), а также откровенный глянец. В подобных изданиях по преимуществу и представлен феномен той самой новейшей литературной журналистики. Характерно, что основная масса ее создателей, а тем более читателей, перестала считать литературу родной стихией: изящная словесность превратилась для них в одну из многих областей жизни, возможных информационных поводов, на которые откликаются и реагируют среди прочего. Литературная журналистика перешла на рубричное положение. Инициатива — причем почти везде — от авторов переходит к аудитории, а для нее литература — не более чем житейская, досуговая частность.

Видимо, поэтому в тематической рубрике лидируют отнюдь не рецензии и не аннотации. Сегодняшнюю литературную журналистику С. Чупринин совершенно справедливо считает антитезой литературной критике (см.: [9, с. 83]). Ведь даже там, где производится оценка, она имеет рейтинговую, маркетинговую, рекламную подоплеку. Но еще чаще, как уточняет Н. Александров, «не только газетных критиков, но, к сожалению, и критиков вообще в самую последнюю очередь интересуется текст» (цит. по: [5, с. 8]).

Вырастая в атмосфере засилья массовой культуры, литературная журналистика тоже в большей степени интересуется потаенными сторонами жизни, чем творчеством писателей-звезд. Заглавными событиями становятся сюжеты светской хроники: премиальная возня и скандалы — и недаром подобные материалы кое-кто (например, Н. Иванова) не без оснований называет ококультурными (см.: [6, с. 248]). Конечно, любая репутация может создаваться и в тусовке, но гораздо шире и эффективнее ее организация осуществляется медийными средствами.

Однако здесь-то и открывается нынешнее писательское аутсайдерство. Вспомним XIX век, когда по части популярности у поэтов и романистов практически не было соперников, — даже из области не слишком развитого в то время спорта. Сейчас, наоборот, деятели литературы оказываются среди

нюсмейкеров и культовых фигур крайне редко: их вспоминают по причинам скорбным (смерть, например, А. Вознесенского), юбилейно-наградным, а также когда умело ведется имиджестроительство (случай скрывающегося от людей и тем самым привлекающего к себе дополнительное внимание В. Пелевина), наконец, если кто-то сам активно (как Д. Быков и М. Веллер, В. Ерофеев и З. Прилепин) работает в СМИ или заявляет о себе в качестве политиков (Э. Лимонов, А. Проханов).

Роль любой книжности в повестке дня весьма скромная, и, видимо, косвенно это свидетельствует о том, что масскульт властвует в литературе все-таки менее активно, чем, допустим, в шоу-бизнесе. Те же скандалы (а их, разумеется, и в этой сфере хватает) остаются незамеченными, потому что нерезонансны задействованные в конфликтах и интригах фигуры. Который год публикуются материалы о захвате имущества Литературного фонда России пройдохами Галюмяном и Переверзиным, однако эти имена неведомы даже большинству практикующих писателей. Медийными особами из них вообще становятся сегодня единицы.

Пережив долгий период подчиненности, СМИ теперь литературу частично оттеснили, а частично ассимилировали, и скорее уж не поэмы и повести, как в годы «оттепели», выполняют некоторые функции СМИ, а репортажи и телепрограммы заменили для заметной части аудитории книжные откровения. Одним из показательных плодов этих процессов и является литературная журналистика. Впрочем, в достаточно объемном секторе нынешних массмедиа обратная зависимость от искусства определенного рода сохраняется. Это массовая пресса и развлекательное телевидение — бесспорные двойники массовой же культуры. Общие для них стандарты одновременно и устанавливаются вкусами усредненной аудитории, и моделируются под влиянием соответствующей продукции. Даже отдельные представители культурной элиты уверены, что хорошие произведения надобно теперь непременно пиарить (см. об этом: [6, с. 252, 254]).

Но на другом фланге вполне логично наступает демассификация. Антипод вульгаризации — узкая специализация, касающаяся сейчас многого: профессионализация тем и их экспертное толкование буквально повсюду в журналистике теснят традиции интегрирующего разные слои населения просветительства. Подобное огораживание можно как будто бы истолковать в качестве здоровой реакции на стандартизацию, экспансию массовой культуры и, в частности, появление литературной журналистики, однако восторгаться по такому поводу, видимо, не стоит. Надо искать достойные пути и способы повышения авторитета искусства, обладающего потенциалом духовного развития.

Библиографический список

1. *Бродский И.* «Писатель — одинокий путешественник...»: (письмо в «Нью-Йорк Таймс») // Звезда. 2000. № 5. С. 3—9.
2. *Вакурова Н. В., Московкин Л. И.* Типология жанров современной экранной продукции : учеб. пособие. М. : Ин-т современного искусства, 1997. 67 с.
3. В творческой лаборатории журналиста. М. : Унив. кн., 2010. 192 с.
4. *Кузнецов Г. В.* Так работают журналисты ТВ. 2-е изд., перераб. М. : Изд-во МГУ, 2004. 400 с.
5. Литература в эпоху СМИ // Вопр. лит. 2004. № 4. С. 4—20.

6. Литературный момент или литературный процесс? // Вопр. лит. 2013. № 3. С. 239—266.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2006. 656 с.
8. Учёнова В. В. Основные направления разработки теории публицистики : учеб.-метод. пособие для студентов-заочников факультетов и отделений журналистики государственных университетов. М. : Изд-во МГУ, 1978. 70 с.
9. Чупринин С. И. Русская литература сегодня : жизнь по понятиям. М. : Время, 2007. 768 с.

ББК 74.200.536

Т. А. Майорова

СПЕЦИАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ СЕТЕВОГО ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

Предлагается проблемный анализ использования в сфере образования актуального направления деятельности по связям с общественностью — планирования и проведения специальных мероприятий. Рассматривается конкретное специальное мероприятие как средство реализации сетевого проекта профориентационной направленности.

Ключевые слова: специальные события в области связей с общественностью, медиарелейшнз, сетевой проект, целевая аудитория, каналы продвижения, позиционирование организации.

The article is concerned with the problem analysis of using the current course of the public relations activity. It refers to the planning of marketing events which are going to be carried out. This paper presents the definite marketing event as a means of network project realization in career-guidance sphere.

Key words: event marketing, media relations, network project target audience, promotional channels, organization positioning.

Событийный маркетинг (event marketing) сегодня рассматривается специалистами по связям с общественностью как один из эффективных путей преодоления кризиса традиционной рекламной коммуникации.

Под событийным маркетингом при таком подходе чаще всего понимают «систематическую организацию мероприятий как платформы презентации товара (услуги) для того, чтобы с помощью эмоционального воздействия активизировать внимание целевой группы к товару (услуге)» [4]. Рассматривая вопрос несколько более углубленно, делают акцент на формировании имиджа организации: «Специальные события — это мероприятия, проводимые компанией в целях формирования позитивного имиджа организации и привлечения внимания общественности к самой компании, ее деятельности и продуктам» [3]. Современна звучит мысль о том, что событийный маркетинг — это технология деятельностного характера: «...пиармены подсказывают организации не только что говорить, но еще и что делать» [2].

В специальной литературе достаточно полно описаны виды специальных мероприятий (различного рода церемонии, презентации, выставки, фестивали, конференции, праздники и т. д.), требования к их проведению (тщательное планирование, наличие убедительного информационного повода, обязательное освещение в СМИ и т. д.), история использования специальных мероприятий [1]. Меньше внимания уделяется таким вопросам, как работа с различными целевыми группами, вовлеченными в действие, подходы к оценке его эффективности. Но что еще более заметно — в большинстве многочисленных источников специальные мероприятия описаны с точки зрения реализации некоего типового проекта, при этом уходит в сторону сама возможность реализации проекта достаточно специфической направленности.

Не потому ли навевают скуку привычные форматы дней открытых дверей, форумов и презентаций? Получается, что вместо реализации основной цели — порождения интереса к деятельности организации — мы имеем в результате обратную реакцию.

В реализации подобных проектов как раз еще и не «встретились» методика проведения специального мероприятия и осуществление подобного проекта в специфических условиях образовательной области. К тому же необходимо учесть актуальные тенденции и профориентационной деятельности, в которой сегодня часто заходит речь об использовании активных, «деятельностных» форм, которые так органичны в формате специального мероприятия.

В практике деятельности любой организации мы как раз чаще всего и имеем дело не с типовыми, а с особенными, конкретными целями, поэтому обычный сценарий кажется дежурным, но неэффективным инструментом деятельности. В рамках данной статьи мы предлагаем остановиться на проекте профориентационной направленности, имеющем сетевую структуру.

В июне 2013 г. был перезаключен договор о сотрудничестве Ивановского государственного университета и ивановского лицея № 22. Этот документ подвел итог 25-летней дружбы двух хорошо известных в Ивановской области и за ее пределами учреждений. Проблематика сотрудничества университета и лицея, в том числе в формате работы по профессиональному самоопределению молодежи, входит в круг актуальных интересов, транслируемых на конференциях, в частности международных, отражается в выставочной деятельности (часть экспозиции на прошедшей недавно выставке в ВВЦ «Образовательная среда — 2013»).

В лицее проходили педагогическую практику десятки студентов университета, некоторые потом приходили работать в лицей. Многочисленные победы этого учреждения подтверждают его статус одного из образовательных лидеров, доказывают плодотворность модели содружества «университет — лицей № 22». Ясно, что без поддержки старшего брата — университета школа не смогла бы добиться таких результатов. Преподавателями ИвГУ и лицея выпущено 15 совместных сборников научно-методических трудов.

Однако данные формы сотрудничества на определенном этапе деятельности обнаружили свою недостаточность, исследования показали, что участники взаимодействия как бы «не видят, не чувствуют друг друга». Опросы помогли родиться основному инсайту: люди (например, ученики лицея в качестве абитуриентов) стремятся общаться с людьми (преподаватели университета), а не с учреждениями, поэтому требовался такой формат общения, который предполагал бы активные формы взаимодействия коммуникантов.

Так возникла идея запланировать ряд особого рода специальных мероприятий, которые должны были бы стать средством реализации сетевого интерактивного профориентационного образовательного проекта.

Главной целью стало создание и поддержание пространства, способствующего оптимальному самоопределению молодежи, эффективно развивающего ее личностный потенциал и определяющего ее профессиональные перспективы. Проект имел следующие задачи:

— активизация исследовательской и проектной деятельности учащихся лицея и студентов ИвГУ;

— апробация преподавателями университета активных форм профориентационной деятельности;

— определение будущего профиля учащимися 8—9-х классов, определение профессиональных перспектив учащимися 10—11-х классов, погружение студентов в будущую профессию;

— обеспечение учительской и родительской общественности необходимой информацией о запросах современного рынка труда.

26 октября 2013 г. состоялся не совсем обычный праздник — «День лицея в ИвГУ». Это не просто торжественное мероприятие, но и апробация общения всех, как принято говорить, субъектов образовательного процесса в этом активном режиме. Идея выращивать «своего» студента, что называется, «с молодых ногтей» вроде бы лежит на поверхности, но реализовать ее можно только в особой интеллектуальной среде. Пленарное заседание состоялось в актовом зале университета, на нем выступили проректор университета С. А. Сырбу, научный руководитель лицея Т. А. Воронова и директор лицея И. В. Рожкова.

Продолжением праздника стала работа 11 (!) секций с привлечением ученых всех факультетов университета. Предпочтение при этом отдавалось активным формам деятельности: проектированию, моделированию, профессиональным пробам, диспутам и т. д. Нельзя назвать традиционной профориентационной работой агитацию поступления именно в данный вуз. В этом случае акцент ставится на другом: ученые «вкладываются» в ученика, стремятся вместе с ним ненавязчиво определить горизонты его развития.

Проект нашел отражение в СМИ:

— телевизионный сюжет на ОРТ г. Иванова;

— публикация материалов на сайте университета, лицея, управления образования г. Иванова;

— публикация в корпоративных изданиях: газетах «Ивановский государственный университет», «Мегабайты о лицее».

Проект отвечал следующим критериям:

1) комплексность (в проекте продуктивно сочетаются инновационные подходы, при этом он экономически мало затратен);

2) профессионализм (реализацией проекта занимались ученые-профессионалы, работали независимые эксперты — представители других образовательных учреждений, использовались признанные методики);

3) баланс интересов (привлечение к реализации проекта других членов сетевого проекта, ориентированность на представителей рынка труда (в качестве дополнительной целевой аудитории));

4) открытость (привлечение СМИ для освещения мероприятия);

5) тиражируемость (могут быть использованы наработанные технологии, методики, формы данного проекта, в этом году активным участником

проекта стало еще одно образовательное учреждение — лицей «Исток», где уже сейчас используется положительный опыт сотрудничества);

6) креативность (в ходе реализации проекта использовались креативные методики («разрыв стереотипов», «мозговой штурм» и др.); был разработан креативный слоган мероприятия — «Верность высокому смыслу», что отражает суть идеи; проведен конкурс на разработку логотипа мероприятия, отражающего корпоративную символику ИвГУ и лицея);

7) масштабность (всего в мероприятии 26 октября было занято около 550 участников);

8) многоканальное финансирование (для реализации проекта были привлечены финансовые ресурсы не только из бюджетных ресурсов, но и внебюджетных источников).

Проект был направлен на несколько целевых групп:

— учащихся 8—9-х классов (предпрофильное обучение, профильное самоопределение, развитие профориентационной компетенции);

— учащихся 10—11-х классов (более глубокое осознание выбранного профиля, профессиональных перспектив в его рамках, а также в формате интеграции со смежными профилями);

— родительскую общественность (получение информации для обсуждения профориентационной темы на очередном родительском собрании);

— студентов (погружение в педагогический профиль/приложение знаний в практической деятельности — реализация компетентностного подхода в профессиональном образовании).

Исходя из данной стратегии, можно выделить в качестве ведущих следующие методы и формы работы, используемые в ходе реализации проекта и после его реализации с целью определения эффективности деятельности:

— личностно-деятельностный метод,

— проектирование,

— профессиональные пробы,

— моделирование,

— исследовательский метод,

— метод локального эксперимента,

— анкетирование,

— элементы метода глубинного интервью,

— элементы метода фокус-группы.

В качестве партнеров были привлечены представители других образовательных учреждений, также имеющие партнерские отношения с университетом, например лицей «Исток». Внутреннюю экспертизу реализации проекта выполнял коллектив кафедры педагогики ИвГУ под руководством профессора Т. А. Вороновой, внешнюю экспертизу — профессор кафедры системного анализа Ивановского государственного политехнического университета, доктор технических наук Е. В. Березина, доцент кафедры интенсивного изучения английского языка Ивановского государственного энергетического университета, кандидат филологических наук Г. В. Токарева. Общественную оценку реализованного проекта осуществляли председатель управляющего совета лицея № 22, председатель общественного совета по студенческому самоуправлению университета.

В процессе анализа результативности данного проекта был использован индикативный подход. Были выделены количественные и качественные индикаторы. Количественные показатели результативности проекта:

— значительное количество участников (345 учащихся, 19 преподавателей лицея, 56 выпускников лицея разных лет, 49 студентов, 28 преподавателей университета, 14 приглашенных гостей (представители других образовательных учреждений различного уровня и форм собственности));

— большое количество активных участников проекта (23 руководителя секций и выступавших на пленарной части мероприятия (среди них — проректор ИвГУ, деканы факультетов, профессора и доценты различных кафедр всех факультетов, доктора и кандидаты наук, аспиранты); 14 студентов (модераторство дискуссий, презентации профессиональных направлений и научных разработок); 11 учащихся (презентация проектов, разработанных под руководством преподавателей лицея и преподавателей ИвГУ)).

Качественные показатели результативности проекта:

— после проведения данного мероприятия были осуществлены экспресс-исследования среди участников со стороны ИвГУ и со стороны лицея;

— руководитель центра «Карьера» ИвГУ провела устный опрос преподавателей университета (отзывы о мероприятии положительные);

— директор лицея и его заместитель присутствовали на плановых совещаниях при ректоре ИвГУ с целью определения степени эффективности проекта и перспектив его развития (отзывы о мероприятии положительные);

— членами научного общества лицейстов был проведен социологический опрос учащихся 8—11-х классов, принявших участие в празднике (88 % опрошенных отозвались положительно о проведенном празднике, 12 % высказали пожелание предусмотреть в будущем в рамках подобного рода мероприятий возможность посещения нескольких секций; 37 % отметили, что в ходе мероприятия задумались о поступлении на различные факультеты университета, 22 % утвердились в своем выборе ИвГУ).

При этом хотим подчеркнуть, что главный результат проекта — отсроченный. Важна динамика имеющихся качественных и количественных показателей.

Университет и лицей с материалами данного проекта приняли участие во Всероссийском конкурсе на присуждение премии «Траектория» за лучшие проекты, содействующие профессиональному самоопределению молодежи (курирует Федеральное агентство по делам молодежи) и получили пакет методических материалов по реализации профориентационных проектов. Почти все материалы носят традиционный характер, поэтому деятельность, проводимая в данном направлении, по-прежнему актуальна.

Библиографический список

1. Векслер А. Специальные события (special events) как инструмент связей с общественностью. URL: <http://hr-portal.ru/article/specialnye-sobytiya-special-events-kak-instrument-svyazey-s-obshchestvennostyu> (дата обращения: 03.02.2013).
2. Королько В. Основы публичных речей. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/korol/05.php (дата обращения: 03.02.2013).
3. Тульчинский Г. Л. PR фирмы: технология и эффективность. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/korol/05.php (дата обращения: 03.02.2013).
4. Event Marketing как он есть. Энциклопедия маркетинга. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-mm/btl/event_marketing.htm?printversion (дата обращения: 03.02.2013).

ББК 63.3(2)64+63.3(5Гру)64

В. Л. Чернонёров

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ В 1990-х — НАЧАЛЕ 2000-х гг., ПОПЫТКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ В 2008 г. И СОВРЕМЕННЫЕ СЦЕНАРИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Предпринята попытка комплексного рассмотрения грузино-абхазского конфликта. Особое внимание обращено на поиски путей решения проблемы накануне августовского кризиса 2008 г. и сценарии современного урегулирования отношений Грузии и Республики Абхазия в контексте геополитических реалий.

Ключевые слова: грузино-абхазский конфликт, августовский кризис 2008 г., политика России на грузинском и абхазском направлениях.

An attempt to consider Georgian-Abkhazian conflict in complex is made in the article. Special attention is paid to the variants of the conflict adjustment before 2008 August crisis and to the present scenarios of Georgia-Abkhazia relations settlement in the context of geopolitics developments.

Key words: Georgian-Abkhazian conflict, 2008 August crisis, Russian policy towards Georgia and Abkhazia.

Конфликт Грузии и Абхазии можно рассматривать в разных измерениях — историческом, этническом, геополитическом, политологическом, культурном и т. д. Но в любом случае анализ ясно покажет, что в современных условиях этот конфликт трудно разрешим. И главным барьером являются многочисленные жертвы, понесенные сторонами с момента первых столкновений в июле 1989 г.

В Абхазии вооруженные столкновения с Грузией в августе 1992 — сентябре 1993 г. названы Отечественной войной, что выводит проблему на совершенно иной уровень. Официальные сайты Сухума, анализ публицистической и исследовательской литературы, личные встречи убеждают, что большинство абхазов, а также представители других народов, проживающих в Республике Абхазия (РА) и соседних регионах, воспринимали (и во многом воспринимают сегодня) политику Грузии как покушение на само существование абхазского этноса.

Накал эмоций авторов, пишущих о конфликте Тбилиси и Сухума, часто запредельно высок. Ими нередко совершенно забывается золотое правило древних римлян: «Audiatur et altera pars» («Следует выслушать и другую сто-

© Чернонёров В. Л., 2014

2014. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

рону»). Но можно ли в таком случае претендовать на объективность — главный критерий научности? И эти слова относятся даже к тем авторам, чьи раны 1990-х еще не зарубцевались.

В статье предпринята попытка проанализировать шаги по урегулированию грузино-абхазского конфликта накануне «пятидневной войны» 2008 г. и в рамках идущей дискуссии выстроить сценарии развития проблемы в обозримой перспективе.

Внешняя канва нарастания грузино-абхазского противостояния в 1990-х гг. известна, поэтому напомним лишь основные события. Сам конфликт был вызван отсутствием видимого прогресса в решении застарелого этнополитического конфликта в Абхазской автономной республике, входившей до самоликвидации СССР в состав Грузинской ССР. Согласно известным данным, на момент резкого обострения противостояния в Абхазии ни один народ этой страны не был в большинстве. Самую значительную общину (45,7 % населения республики) составляли грузины (преимущественно мегрелы, а также собственно грузины и сваны). За ними следовали абхазы (17,8 %), армяне (14,6 %), русские (14,3 %) и греки (2,8 %). Остальные народы, проживавшие в АбхССР, насчитывали менее 1 %.

Центробежные политические процессы, запущенные в СССР со времени перестройки, достаточно быстро проявились в Абхазии. Местное население, прежде всего абхазы, стало требовать восстановления языковых, культурных и политических прав. В марте 1989 г. абхазы в селе Лыхны (древней резиденции абхазских князей) приняли решение о выходе из состава Грузии и восстановлении статуса союзной советской республики, который Абхазия имела до вхождения в состав Грузинской ССР в 1921 г. Вскоре, в июле того же 1989 г., во время столкновений в Сухуми появились первые жертвы. Следующим шагом в расширении зоны конфронтации стало принятие летом 1990 г. Верховным советом Абхазии декларации о суверенитете. Это не было провозглашением независимости, но данное решение означало намерение абхазских властей расширить сферу своих полномочий и ограничить власть Тбилиси. Грузинское правительство не признало законности декларации. В тот момент во главе грузинских националистов, объединенных в партию «Круглый стол — свободная Грузия», встал мегрел, известный диссидент З. Гамсахурдиа. Эта партия победила на выборах в октябре 1990 г., Гамсахурдиа стал президентом, взяв курс на окончательное отделение от СССР. Тогда же новый президент провозгласил лозунг «Грузия для грузин», что возмутило другие народы Грузии. Как следствие отмеченных перемен с весны 1991 г. на территории Абхазии и прилегающих к ней районов Западной Грузии (Мегрелии) начались вооруженные столкновения между группами грузин (мегрелов) и абхазов. Последних поддерживали боевики Конфедерации горских народов Кавказа, столицей которой стал главный город Абхазии Сухум.

В Тбилиси политика З. Гамсахурдиа быстро теряла популярность. На волне недовольства в январе 1992 г. в Грузии произошел государственный переворот, и весной страну возглавил известный партийный и государственный деятель советского времени Э. А. Шеварднадзе. В феврале 1992 г. новые власти в Тбилиси отменили грузинскую Конституцию 1978 г. и восстановили действие старой, принятой в 1921 г. Руководство Абхазии воспользовалось этим. Оно тоже провозгласило отмену Конституции Абхазской АССР 1978 г. (в которой было зафиксировано пребывание Абхазии в составе Грузинской ССР) и восстановление Конституции Абхазской Советской Социалистиче-

ской Республики 1925 г., согласно которой Абхазия была союзной республикой в составе СССР. Госсовет Грузии объявил решение абхазского парламента недействительным. Затем абхазское руководство во главе с президентом В. Ардзинба заявило о намерении принять новую конституцию Абхазии осенью 1992 г. Стало ясно, что республика будет провозглашена независимым государством. Грузия попыталась силой помешать этому и 14 августа 1992 г. ввела в Абхазию войска. Абхазы, поддержанные другими народами, ответили вооруженным сопротивлением. Так началась война, которая в историю независимой Абхазии вошла под названием Отечественной.

В контексте развития конфликта многое зависело от позиции России. Москва до начала большой войны хотела поддержать режим Э. Шеварднадзе: помогала с вооружением грузинской армии, искала приемлемый компромисс решения абхазской проблемы, однако после начала широкомасштабных боевых действий ельцинское руководство постепенно стало переходить к поддержке абхазов. Показателен переезд абхазского правительства из Сухума в г. Гудаута под защиту размещенных здесь российских войск. Война закончилась 30 сентября 1993 г. победой сил, выступавших за независимость Абхазии. Она унесла жизни порядка 8 тыс. человек. Еще 16 тыс. получили ранения. Но на этом трагедия не закончилась. С территории Абхазии было изгнано по разным подсчетам от 150 до 200 тыс. грузин (преимущественно мегрелов). Всего до начала конфликта в Абхазии проживало порядка 525 тыс. человек.

После войны встал во весь рост вопрос о будущем взаимодействии Грузии и Абхазии. Переговоры по этому вопросу проходили в Москве, где 1 декабря 1993 г. при посредничестве России был подписан Меморандум о путях нормализации обстановки в Абхазии. В нем не были упомянуты ни территориальная целостность Грузии, ни суверенитет Абхазии. В целях более полного урегулирования спора в декабре 1993 г. в Женеве под эгидой ООН были организованы грузино-абхазские переговоры.

4 апреля 1994 г. в Москве представителями Грузии и Абхазии при посредничестве России и ООН, а также при участии ОБСЕ были подписаны «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта» и соглашение о добровольном возвращении беженцев. Этот договор стороны удовлетворял мало. Грузия добилась признания ее требования о возвращении в Абхазию изгнанного из нее грузинского населения, чем были недовольны в Сухуме. Тбилиси, в свою очередь, не очень нравилось то, что договор фактически закреплял за Абхазией статус самостоятельного участника международной жизни. Уклонение сухумского правительства от решения вопроса о возвращении беженцев и игнорирование руководством Тбилиси равного статуса Абхазии привело к новому витку напряженности. В такой ситуации в Москве 14 мая 1994 г. было подписано новое соглашение о прекращении огня и разъединении грузинских и абхазских сил. В зону конфликта было решено направить международных наблюдателей. В июне 1994 г. в зоне конфликта разместились Коллективные силы по поддержанию мира Содружества Независимых Государств (КСПМ СНГ). Начались переговоры по разрешению проблемы, которые шли с разной степенью интенсивности [3, с. 10—14]. Причем подчас посредническая роль России принимала форму откровенного давления на Республику Абхазия [3, с. 11].

Весной 2002 г. КСПМ СНГ вместе с представителями миссии ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ) на основании договоренностей Сухума и

Тбилиси начали патрулировать верхнюю часть Кодорского ущелья, которое территориально относилось к Абхазии, но оставалось под контролем Грузии.

Ситуация в зоне конфликта, казалось, изменится к лучшему с «революцией роз», которая произошла в ноябре 2003 г. и привела к власти в Тбилиси амбициозного и импульсивного президента М. Н. Саакашвили. Подписание в декабре 2005 г. главой МИД РА С. М. Шамбой, госминистром Грузии по конфликтам Г. Л. Хаиндрава и специальным представителем Генерального секретаря ООН Х. Тальявини Протокола о завершении на уровне министров подготовки документа о гарантиях невозобновления войны усиливало подобные ожидания [23]. Но вскоре ситуация резко изменилась.

М. Саакашвили первоочередными целями страны объявил восстановление территориальной целостности и интеграцию в структуры НАТО и Евросоюза. Этот курс поддержали США и ведущие страны Запада, что отразилось в масштабной модернизации грузинских вооруженных сил. Реформированные части Тбилиси применил в июле 2006 г.: подразделения грузинской армии и МВД вошли в Кодорское ущелье, которое Сухум рассматривал территорией РА, для борьбы с местными вооруженными формированиями, созданными еще при президенте Э. Шеварднадзе. Абхазия расценила эти действия как нарушение Соглашения 1994 г. [1]. Переговорный процесс фактически прекратился [3, с. 14].

Вопрос по Кодори рассмотрели в СБ ООН. Итоговая резолюция 1716 констатировала возникновение новой напряженности «между грузинской и абхазской сторонами» «в результате специальной операции Грузии». Кроме того, документ, подтвердив приверженность государств — членов ООН «суверенитету, независимости и территориальной целостности Грузии в пределах ее международно признанных границ» и призвав Сухум к решению вопроса «возвращения внутренне перемещенных лиц и беженцев», потребовал от Тбилиси «серьезно отнестись к обоснованной озабоченности абхазской стороны по поводу безопасности, избегать шагов, которые могли бы быть восприняты как угрожающие, и воздержаться от воинственной риторики и провокационных действий, особенно в верхней части Кодорского ущелья» [13]. В резолюции отмечена также стабилизирующая роль в зоне конфликта КСПМ СНГ и МООННГ.

Режим М. Саакашвили, установив контроль над Кодорским ущельем, разместил в с. Чхалта так называемое «правительство Автономной Республики Абхазия в изгнании» [17]. Созданием этого властного центра Тбилиси стремился показать, что конфликт включает в себя не столько грузино-абхазское, сколько межобщинное внутриабхазское измерение. Желая поднять престиж чхалтского «правительства в изгнании», Саакашвили в марте 2008 г. предложил Абхазии неограниченную автономию в составе Грузии, полный федерализм, гарантии безопасного и мирного развития в рамках единого государства, а также не предусмотренный Конституцией страны пост вице-президента с правом вето на любые решения, ограничивающие права абхазов [18]. Кроме того, Саакашвили и члены его команды стали требовать замены войск КСПМ в зоне абхазо-грузинского конфликта международными силами, прежде всего из стран Евросоюза [19]. В телеэфире появились материалы о поддержке этой позиции верховным комиссаром ЕС по внешней политике и безопасности Х. Соланой и, со ссылкой на Генерального секретаря Североатлантического блока Я. Де Хооп Схеффера, о вступлении Грузии в НАТО в 2009 г. [19].

Не бездействовала и Россия. 6 марта 2008 г. она вышла из режима санкций против Абхазии, введенных решением СНГ еще в 1996 г. [21]. В конце апреля этого же года РФ увеличила численность КСПМ до 3 тыс. бойцов, что, впрочем, не противоречило договоренностям «Об использовании Коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта» 1994 г. [9]. Затем в Абхазию вошли железнодорожные войска РФ и начали на территории республики профильные работы.

Сухум шаги Москвы приветствовал [2, 15]. Тбилиси выражал протест, оценивая действия России как планомерную подготовку к масштабным боевым действиям [14, 22]. Заместитель помощника Госсекретаря США М. Брайза сделал ряд заявлений в прогрузинском ключе, что вызвало негативную реакцию МИД РФ [11, с. 16—17]. Кроме того, Россия отказала в продлении мандата ООН и ОБСЕ в Абхазии и Южной Осетии. В некоторых странах Евросоюза действия Москвы вызвали не только сожаление [24]: появились призывы к активному противодействию [12]. О поддержке политики Тбилиси заявил также президент Украины В. А. Ющенко [7]. Ситуация обострилась еще больше в июле, когда одновременно начались масштабные учения российских войск «Кавказ — 2008» и грузино-американских сил «Немедленный ответ» [10].

Для лучшего представления уровня напряжения в Закавказье следует вспомнить, что все отмеченные события проходили примерно в одно время с решением Североатлантического альянса о включении Грузии в программу обмена базами данных по контролю воздушного пространства, заявлением Тбилиси о выходе из соглашения о ПВО стран СНГ, полетами над Абхазией грузинских БПЛА, инцидентами с военнослужащими КСПМ, резким обострением ситуации в зоне грузино-югоосетинского конфликта и демаршами России в ООН.

Но даже в это взрывоопасное время поиск выхода из кризиса не прекращался. В частности, активизировал свои усилия Евросоюз. В мае 2008 г. Абхазию с официальными визитами посетили послы 15 стран — членов ЕС. В начале июня в Сухуми провел переговоры Х. Солана. И хотя, как отмечали наблюдатели, его встречи не сблизили позиции грузинских и абхазских лидеров [4, 6], сам факт диалога вселял надежду на мирный выход из ситуации. Оптимистические настроения укрепляли также переговоры президента РА С. В. Багапша с постоянным представителем Грузии в ООН И. М. Аласания по Договору о неприменении силы в мае 2008 г. и заявление главы МИД Абхазии С. Шамбы о возможности замены вооруженных формирований Грузии в Кодорском ущелье полицейским международным контингентом ООН [26].

Руководители Абхазии явно демонстрировали готовность к диалогу и компромиссам, показывали миру (прежде всего западным странам) «многовекторность» своей внешней политики при сохранении, правда, особых отношений с Российской Федерацией. В этот момент появился еще один план урегулирования конфликта, подготовленный группой друзей Генерального секретаря ООН по Грузии при активном участии Германии. Документ немцы обсудили с Госсекретарем США К. Райс и главой МИД РФ С. В. Лавровым [8]. В июле 2008 г. министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер представил документ руководству Грузии и Абхазии [25]. В историю он вошел как «план Штайнмайера», в нем предусматривалось решение проблемы в три этапа. На первом — Грузия и Абхазия должны были подписать соглашение о неприменении силы, после чего предполагалось начать возвращение в РА

грузинских беженцев. На втором этапе планировалось приступить к восстановлению Абхазии на средства стран-доноров и лишь на третьем — решать вопрос о статусе непризнанной республики.

В связи с «планом Штайнмайера» отметим два факта. Во-первых, он появился буквально в одно время с внесением Россией в СБ ООН проекта резолюции по ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии [16]. Во-вторых, план мгновенно одобрили в Москве [8]. Россия сделала лишь несколько замечаний: о невозможности немедленного возвращения грузинских беженцев в Абхазию и необходимости начала вывода грузинских войск из верхней части Кодорского ущелья. Впрочем, мы согласимся с теми, кто оценил эти замечания как косметические, призванные лишь замаскировать заинтересованность Кремля в реализации «плана Штайнмайера» [20]. Вероятно, российская дипломатия приняла в его подготовке самое активное участие. Неслучайно вездесущие журналисты окрестили рассматриваемый вариант «планом Штайнмайера — Путина». Некоторые даже расценили документ как свидетельство существования «российско-германской Антанты», чья скоординированная деятельность направлена на усиление позиций ФРГ в Евросоюзе и РФ на постсоветском пространстве. На Кавказе эта «российско-германская Антанта» решила действовать против стратегии США [20]. (Кстати, если принять данную логику, то агрессивные действия Грузии в зоне конфликта можно трактовать как попытку Вашингтона руками Тбилиси разрушить альянс Москвы и Берлина.)

Югоосетинская авантюра Саакашвили в августе 2008 г., названная «пятидневной войной», вовлечение в события российской армии, введение в действие «плана Медведева — Саркози», остановившего боевые столкновения, и последовавшее признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии создали новую ситуацию. Грузия потерпела военное поражение, получила еще тысячи беженцев и потеряла 20 % территории, включая все Кодорское ущелье.

С августа 2008 г. единственным местом встреч представителей Сухума и Тбилиси является Женева, где дискуссии проходят при участии Грузии, Абхазии, Южной Осетии, России, США, Евросоюза, ОБСЕ и ООН. Пока они «прорывных» результатов не дали, но надежды сохраняются.

Переходя к современным сценариям развития грузино-абхазского конфликта, прежде всего подчеркнем следующее. Необходимо учитывать факт массового вовлечения в военное противостояние в недавнем прошлом как грузин, так и, особенно, абхазов и осетин и понимать, что в сознании народов уже сформировался «образ врага» и сохраняются страхи перед возобновлением кровопролития. Такое положение требует в первую очередь подписания всеобъемлющего договора о неприменении силы и гарантиях сохранения мира в регионе всеми сторонами, включая Абхазию и Южную Осетию, которых в данном случае следует рассматривать как самостоятельных акторов не только де-факто, но и де-юре. Центральную роль в этом могут и должны сыграть дискуссии в Женеве.

После решения главного вопроса просматривается много вариантов развития. Возможно, активизируется «народная дипломатия», точнее «гражданская дипломатия», опирающаяся на многовековые связи грузин, абхазов, осетин и других этносов. Первыми на этот путь могли бы встать священники, призванные своим служением примирять враждующих, а не раздувать пожар ненависти.

Возобновление диалога по всему спектру межличностных и межэтнических отношений логически должно привести к размыванию «образа врага», экономическому взаимодействию со всеми вытекающими позитивными результатами, прежде всего переводом проблемы в рамки цивилизованного решения через референдум. Тем более что у международного сообщества здесь уже имеется позитивный опыт. Например, размежевание Судана в 2011 г. Правда, до референдума следует решить еще один сложный вопрос: политические элиты Грузии и Абхазии должны прийти к консенсусу и решать вопросы с соседями только за столом переговоров. Ведь с 1990-х гг. обычные для демократий внутривнутриполитические дискуссии разных сил в Тбилиси и Сухуме перманентно заканчивались кровавыми столкновениями.

Решая конфликты на Кавказе, не следует прятать голову в песок перед признанием геополитических интересов России в регионе. После «огненного августа» 2008 г. Москва фактически перестала играть роль миротворческого посредника, выступая защитником территориальной целостности как Абхазии, так и Южной Осетии, видимое проявление чего — военные базы на территории этих стран. В обозримом будущем сложно представить спокойную реакцию РФ на появление у своих южных границ недружественных режимов или блоков, несущих военную угрозу. Последний пример с реакцией Москвы на события в Украине лишь убеждает в этом. Таким образом, без гарантий соблюдения интересов России достижение мира на Кавказе вряд ли возможно. Кстати, это распространяется и на граждан РФ, проживающих в Абхазии. Необходимо также учитывать наличие соглашений, заключенных между Москвой и Сухумом с 2008 г. Вряд ли Россия их денонсирует, несмотря на голосования в ООН или заявления западных государств о территориальной целостности Грузии. Акцентирование внимания только на этом вопросе ведет в тупик: Россия и ее сторонники в очередной раз укажут на решение странами ЕС или США проблемы статуса Косово и умножат усилия по реализации «тайваньского варианта» международного признания Абхазии.

Следует также всем вовлеченным сторонам согласиться с наличием интересов в Закавказье акторов из Америки, Европы и Азии. Но здесь остается вопрос о глубине этих интересов. Можно ли, например, в случае с США или ЕС отделять экономические вопросы (интерес к богатым природным ископаемым и маршрутам их транспортировки) от военно-политической составляющей или от желания выполнить жертвенную миссию сеятеля в мире демократических ценностей?

Сегодня мы не можем говорить о разрешении грузино-абхазского конфликта в ближайшее время. Но сохранение переговорного поля в Женеве, наличие доброй воли с обеих сторон, окончательный переход Сухума и Тбилиси на сугубо прагматические позиции, приход к власти в Грузии сил, оппозиционных Саакашвили, и недопущение новых провокаций (вроде имевших место накануне Олимпийских игр в Сочи призывов части политического истеблишмента Грузии к бойкоту спортивного форума [5]) позволяют надеяться на подписание многостороннего договора, который установит в регионе мир и переключит внимание Грузии и Абхазии на решение экономических, социальных и культурных проблем.

Библиографический список

1. Абхазия пожаловалась на Грузию России и в ООН. URL: <http://lenta.ru/news/2006/07/25/letter/> (дата обращения: 27.11.2013).
2. Абхазия приветствует увеличение состава КСПМ. URL: <http://www.km.ru/glavnoe/2008/04/30/politika/abkhaziya-privetstvet-velichenie-sostava-kspm> (дата обращения: 26.11.2013).
3. *Акаба Н.* Грузино-абхазский переговорный процесс и основные этапы работы над документом по гарантиям безопасности и невозобновлению военных действий // Соглашение о неприменении силы как важный фактор в урегулировании грузино-абхазского конфликта / под общ. ред. Л. Кварчелия. URL: http://apsnypress.info/files/shared/file/.../soglashenie_o_neprimenении.doc (дата обращения: 18.03.2014).
4. Багапш: визит Соланы не изменит позицию Сухуми. 2008. 6 июня. URL: http://www.abhazia.com/snews.php?action=news&id_cat=3&id_mess=1090 (дата обращения: 26.11.2013).
5. *Васадзе Г.* Олимпиада как тест грузинской государственности // Грузия-on-lain : информ.-аналит. портал. 2012. 19 окт. URL: <http://www.apsny.ge/analytics/1350709389.php> (дата обращения: 27.11.2013).
6. Глава Абхазии обесмыслил визит Верховного представителя ЕС в Грузию // Известия. 2008. 5 июня.
7. *Горунай О.* Гривна и лари объединились? // Красная звезда. 2008. 5 мая. URL: http://old.redstar.ru/2008/05/05_05/3_01.html (дата обращения: 27.11.2013).
8. МИД РФ считает конструктивным план главы МИД Германии Штайнмайера по грузино-абхазскому урегулированию. URL: <http://www.newsru.com/russia/18jul2008/plan.html> (дата обращения: 24.11.2013).
9. Минобороны РФ: увеличение числа миротворцев проводится в соответствии с Мандатом КСПМ СНГ. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=6162> (дата обращения: 27.11.2013).
10. *Мухин В.* Воинствующие миротворцы: вступили в активную стадию российские учения «Кавказ — 2008» у границ с Грузией // Независимая газета. 2008. 18 июля. URL: http://www.ng.ru/regions/2008-07-18/1_peacemakers.html (дата обращения: 26.11.2013).
11. Ответ и. о. официального представителя МИД России Б. Н. Малахова на вопрос СМИ в связи с высказываниями зам. Госсекретаря США М. Брайзы в Тбилиси и Сухуми // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати : информ. бюл. 2008. 13 мая. С. 16—17.
12. Ради Грузии Качиньский готов пойти на конфронтацию ЕС с Россией // Новая политика : интернет-журнал. 2008. 29 мая. URL: <http://www.novopol.ru/radi-gruzii-kachinskiy-gotov-poyti-na-konfrontatsiyu--text44963.html> (дата обращения: 27.11.2013).
13. Резолюция 1716 (2006) СБ ООН // Грузия-on-lain : информ.-аналит. портал. URL: <http://www.apsny.ge/notes/1161993310.php> (дата обращения: 25.11.2013).
14. Российские железнодорожные войска оккупировали Абхазию, считают в грузинском Минобороны. 2008. 31 мая. URL: <http://www.interfax.ru/news.asp?id=15523> (дата обращения: 27.11.2013).
15. Россия ввела в Абхазию железнодорожные войска. 2008. 31 мая. URL: <http://www.point.ru/news/stories/16538/> (дата обращения: 26.11.2013).
16. Россия внесла в СБ ООН проект резолюции по ситуации в Абхазии и Южной Осетии. URL: <http://www.newsru.com/world/09jul2008/rezsboonabhaz.html> (дата обращения: 25.11.2013).
17. Саакашвили: в Абхазию возвращается легитимное правительство. URL: <http://regnum.ru/news/680582.html> (дата обращения: 27.11.2013).
18. Саакашвили предлагает Грузии широкий федерализм // Наша Абхазия. 2008. 8 марта. URL: <http://abkhazeti.info/news/1206733609.php> (дата обращения: 27.11.2013).

Серия

• «Естественные, общественные науки»

19. Симонян Ю., Гордиенко А. Российские миротворцы недостаточно нейтральны: Тбилиси предпринимает очередную попытку замены «голубых касок» // Дип-куррьер — НГ. 2007. 1 марта.
20. Сиренко А. «План Штайнмайера — Путина»: Россия и Германия реализуют совместную стратегию на Южном Кавказе // Новая газета в Южном федеральном округе. URL: http://www.u-f.ru/ru/Hots/Flame/ID_19506 (дата обращения: 25.11.2013).
21. Сообщение для СМИ о выходе Российской Федерации из режима ограничений, установленных в 1996 году для Абхазии. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/648830C5AF867590C32574040046B653 (дата обращения: 27.11.2013).
22. Старков А. Миротворцам предложили убраться из Абхазии. URL: <http://www.utro.ru/articles/2008/05/03/735093.shtml> (дата обращения: 25.11.2013).
23. Чихладзе И. Грузино-абхазский конфликт — время работает против Грузии: интервью с членом группы адвокатирования сети «Синергия» Русудан Маршания // Аналитикон. 2011. № 10. URL: <http://theanalyticon.com/?p=1019&lang=ru> (дата обращения: 27.11.2013).
24. Швеция сожалеет о выводе миссий ООН и ОБСЕ из Абхазии и Южной Осетии. URL: <http://xn--c1adwdmv.xn--plai/news/1182769.html#ixzz2Aferi1Pw> (дата обращения: 26.11.2013).
25. Штайнмайер предлагает план урегулирования грузино-абхазского конфликта // РИА «Новости». 2008. 17 июля. URL: <http://ria.ru/world/20080717/114135577.html> (дата обращения: 26.11.2013).
26. Ё-Габуев А. Грузинский план предала согласованию. Абхазия утвердит его в Москве // Коммерсант. 2008. 19 мая.

ББК 66.4(0)

И. А. Буданова

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОТВЕТ EUROCITIES НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сделана попытка очертить контуры модели интегрированного городского развития в качестве *иного* ответа сети европейских городов Eurocities на вызовы глобализации. На примере изучения встроенных в евроинтеграционный процесс ключевых направлений проектной деятельности организации — рациональное и умное энергопотребление, устойчивый и зеленый транспорт, социальное сплочение — проанализированы эффективность модели и потенциал коллективной акторности Eurocities.

Ключевые слова: Eurocities, коллективная акторность, интегрированное городское развитие, политика сплочения, умные технологии, энергоэффективность, зеленый транспорт, монотопия.

The article outlines the framework of the integrated urban development as a *diverse* Eurocities response to globalization pressures. The author gives a brief review of the key directions of the Network's project activities, such as smart energy consumption, sustainable green transport and social cohesion. The article concludes that the Europe's urban model creates a new type of the city community — «smart citizens» and reinforces the potential of Eurocities' collective actorness.

© Буданова И. А., 2014

2014. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Key words: Eurocities, collective actorness, integrated urban development, cohesion policy, smart technology, energy efficiency, green transport, monotopia.

In cities we see the worst of our problems,
and the best chances for solving them.

*Johannes Hahn,
Commissioner for Regional and Urban Policy*

«Новый регионализм» стал следствием развития новых интеграционных практик, вписанных в контекст глобализации. Данное явление позволило различным территориальным сообществам претендовать на большую степень свободы и кооперации между собой без вмешательства государства. В Европе «новый регионализм» стал еще одним подтверждением того, что европейский проект неизбежно пространственный. На рубеже XX—XXI вв. в ЕС происходило переосмысление феномена территории, пересмотр ее социально-экономического и политического значения, формирование контуров политики сплочения, что означало движение к конструированию бесшовного пространственного полотна — монотопии (*monotopia*) [1].

Изучая круг работ, посвященных «новому регионализму», невольно обращаешь внимание на то, что большинство авторов, беря за точку отсчета противоречивость процесса глобализации и выгоды интеграционного проекта, сосредоточились на анализе трансформации базового понятия «регион», подразумевая под ним не просто административно-территориальную единицу, а «костную ткань» интеграционного пространства. Вместе с тем в стороне от исследовательского интереса вплоть до начала 2000-х гг. оставались города как акторы «нового регионализма» и мировой политики.

Неоспоримо то, что наиболее приспособленными к новым условиям становятся те города, которые имеют в своем активе эффективные практики управления, являются достаточно автономными от национальных государств, обладают большим адаптационным потенциалом. Однако не у всех городов есть подобный набор преимуществ. В этом случае встает вопрос, как, имея ограниченные ресурсы, справиться с глобальными проблемами (нарастание миграционных потоков, проблема рационального использования энергии, ухудшение состояния окружающей среды, устаревшие транспортные системы и пр.)? Единственным выходом из данной ситуации является создание объединений городов для обмена опытом и более громкого звучания *Urban Voice*.

В Европе города включились в процесс обретения акторности вместе с появлением и развитием «нового регионализма», интенсификацией интеграционного процесса, желанием Сообщества взять на себя роль представителя общих интересов в свете расширяющихся глобальных угроз. При этом, как отмечает французский исследователь Гале, специфика формирования коллективной акторности городов определялась: 1) общими интересами внутри города и их восприятием как таковых; 2) коллективным процессом принятия решений; 3) внутренним и внешним представительством; 4) интеграционными механизмами; 5) способностью к инновациям. Все это в сумме могло предоставить городам возможность дать *иной* ответ на вызовы глобализации, «связанный не с усилением зависимости от центральных государств, а с возможностью локальных сообществ гибко реагировать на их ослабление» и использовать ресурсы уровня ЕС (цит. по: [18, p. 471]).

Одним из показательных примеров коллективной акторности европейских городов, попыткой адаптироваться к нарастающей неопределенности является действующая уже на протяжении 27 лет сеть Eurocities (далее: Сеть).

Для обоснования идеи о том, что интегрированное городское развитие есть возможность для Сети дать *иной* ответ на вызовы глобализации, следует осветить некоторые вехи развития Eurocities. Организация была создана в 1986 г. главами Барселоны, Бирмингема, Франкфурта, Лиона, Милана и Роттердама. Основатели в качестве важной причины сотрудничества назвали недостаток внимания со стороны национальных и супранациональных властей к проблемам городов, не являющихся столицами, но занимающих нишу «европейских центров» [5, p. 8].

Спустя три года в Барселоне «собрание европейских тяжеловесов» (так неофициально стали именовать новую структуру) организовало конференцию, на которой обсуждались вопросы, связанные с анализом роли городов «второго эшелона» в европейской конструкции, а также путей их встраивания в европейскую повестку. Мероприятие посетили члены Европейской Комиссии (ЕК) и Европейского парламента (ЕП), а спустя некоторое время делегацию Eurocities принимали председатель ЕК Жак Делор и глава Генерального директората (ГД) по региональной политике Брюс Милан, что позволяет говорить о признании Сети в качестве проводника интересов Сообщества.

Параллельно с признанием Eurocities проходило формирование ее миссии. 13 февраля 1991 г. на встрече в Лионе были одобрены цели и задачи структуры. Среди важнейших из них: 1) сетевой характер работы для продвижения общего интереса всех членов — стать центрами экономического, технического, социального и культурного развития; 2) влияние на процесс принятия решений в институтах Европейского сообщества; 3) действие в качестве партнера европейских институтов в дебатах по выявлению и продвижению интересов европейских городов [5, p. 10].

С самого начала Eurocities позиционировала себя как открытое сообщество и настаивала на неформальном характере сотрудничества. Тем самым была сделана попытка привлечь всех, кто мог оказаться полезен городам в решении их проблем и повышении статуса. Такими партнерами в первую очередь стали академические центры (Erasmus University, Institute for Urban Affairs и др.), а затем бизнес-партнеры (IBM, Microsoft и др.).

Активная коллективная деятельность городов не осталась незамеченной и привела к оформлению «городской повестки» в ЕС. Джон Блумфилд, автор яркого очерка о первых годах деятельности Eurocities, отмечает, что «Жак Делор, проникнувшись “городской повесткой”, включил решение вопросов, связанных с ней, в сферу ответственности комиссаров по социальным делам (в контексте политики сплочения), по охране окружающей среды (появление Зеленой книги по экологии в городах) и региональной политике (включение городской темы в стратегию “Европа 2000”» [5, p. 11]. В то же время практика европейской интеграции подсказывает, что наличие или отсутствие расходных статей — это своеобразный индикатор степени важности того или иного вида деятельности в ЕС. Благодаря тому что города оказались в поле зрения ГД по региональной политике, в рамках Европейского фонда регионального развития уже в 1989 г. появились статьи, позволяющие финансировать пилотные проекты, направленные на апробирование новых идей в городской политике и продвижение опыта сотрудничества между европейскими городами.

Для наднациональных институтов ЕС, в частности Комиссии, Eurocities стала еще одним «окном возможностей» усиления своих позиций. По мнению Стефена Фокса, первого чиновника в Гендиректорате по региональной политике, отвечавшего за городскую тему, «в собрании мэров, облеченных властью, и членов муниципалитетов Европейская Комиссия увидела потенциал своего влияния, а также способ обойти национальные правительства» [5, p. 12].

В начале XXI в. слова С. Фокса нашли отражение в «любимой риторике» Eurocities, где также практически отсутствует национальный уровень. Так, в документах и выступлениях членов Сети фигурирует обращение к трем составляющим «мощи» Eurocities. Во-первых, тезис о том, что 75 % населения ЕС проживает в городах, т. е. городская политика — политика, проводимая во имя блага рядовых граждан. Во-вторых, ссылка на то, что Eurocities — мощная представительная сила, членами которой являются более 130 млн граждан [8, p. 2], проживающих в 130 городах из 35 стран (в том числе из стран — не членов ЕС). Наконец, в-третьих, заявление о том, что 85 % ВВП ЕС производится именно в городах, т. е. городская экономика — важнейшая составляющая европейского экономического процветания. В последние два года наряду с этими тезисами все чаще повторяется мысль о европейских городах как о «плавильной силе», помогающей конструировать сплоченную социальную общность на территории Евросоюза.

В этом контексте интерес со стороны супранациональных структур является оправданным, а в совокупности с поддержкой академической среды, бизнеса и активностью самих городов он на рубеже XX—XXI вв. привел к переформатированию «городской повестки» в направлении под названием «интегрированное городское развитие», целями-лозунгами которого стали «умный город», «пространственное планирование», «устойчивость», «включенность» [7, p. 4]. При этом участники Eurocities любят подчеркивать, что их подход отличается от экстенсивной американской урбанистической модели за счет ставки на устойчивость [5, p. 10]. Что особенно ценно, при таком подходе задачи, формулируемые в рамках концепции, не противоречат друг другу, а дополняют одна другую.

Примером попытки ЕС дать комплексный ответ на противоречивость, слабую управляемость процесса глобализации и войти в русло устойчивого развития является документ «Европа 2020: стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста» [10]. Стратегия направлена на устранение недостатков существующей модели экономического развития Евросоюза и создание условий более умного, более устойчивого и всеохватывающего развития в таких областях, как занятость, исследования и развитие, изменение климата и энергетическая устойчивость, образование, борьба с бедностью и социальной изоляцией [11].

На сегодняшний день интеграционный контекст в деятельности Eurocities отчетливо виден на примере реализации стратегии «Европа 2020». Исходя из духа документа деятельность Сети структурирована по трем направлениям: 1) сетевое взаимодействие (транснациональные проекты, исследовательская деятельность, семинары, мастер-классы); 2) влияние (выстраивание тесных контактов с Комитетом регионов, ЕП, государствами-членами позволяет гражданам быть услышанными на уровне ЕС, способствует развитию и имплементации европейской политики, программ, значимых для городов); 3) видимость (продвижение своих политических приоритетов путем

проведения в Европе широкой кампании по таким проблемам, как устойчивая мобильность и ответственное потребление) [3].

На практике «Европа 2020» стала импульсом к более активному продвижению интегрированного городского развития. Построение инклюзивных, процветающих, креативных городов с устойчивым демократическим и эффективным управлением, предоставление гражданам возможности участвовать во всех аспектах городской жизни [3] можно считать основными трендами в деле улучшения повседневной жизни горожан. Таким образом, Eurocities способствует продвижению интеграционных идей на низовой уровень, сокращает пути доставки «европейской помощи», делает ее адресной.

Залогом успеха процесса является сетевая структура и сетевой характер деятельности Eurocities. Сердце сетевой структуры — шесть форумов, каждый из которых курирует определенный город*. Внутри форумов участники образуют рабочие группы, в которых воплощают в жизнь конкретные проекты. Полноправные и ассоциированные члены Сети, университеты и бизнес-партнеры могут присоединяться к рабочим группам и проектам в зависимости от значимости каждого из них для своего города или корпорации. Например, в рамках форума «Окружающая среда» действуют рабочие группы «Качество воздуха, климатические изменения и энергоэффективность», «Чистый город», «Зеленая территория» и др.), а рабочие группы «Кластеры», «Политика сплочения и структурные фонды», «Предпринимательство», «Возрождение городов» входят в форум «Экономическое развитие» и т. д. [24].

Анализ деятельности форумов и рабочих групп за последние семь лет демонстрирует динамику приоритетов в деятельности Сети на фоне поиска лучших моделей развития Союза в целом. Начиная с 2007 г. внимание Eurocities приковано к проблемам социально-экономического сплочения для преодоления рецессии и повышения качества жизни людей, а также к вопросам эффективного энергопотребления. В частности, на протяжении 2012—2013 гг. в качестве приоритетов деятельности были заявлены: экономика/восстановление (включая политику сплочения), инновации (рациональное энергопотребление и развитие новых управленческих практик, малый и средний бизнес); включенность (занятость, молодежь, миграция), климат (повестка 20/20/20, окружающая среда, городской транспорт) [13, 14].

Среди приоритетных направлений особо выделяются три практических сюжета, тесно связанных с повесткой «Европа 2020» и позволяющих оценить модель «интегрированного городского развития» в качестве *иного* ответа Eurocities как коллективного актора на вызовы глобализации: 1) повышение энергоэффективности, в том числе за счет использования умных технологий, 2) выстраивание системы зеленого и устойчивого городского транспорта, 3) сплочение горожан в контексте политики сплочения ЕС.

Первым приоритетом в деятельности Eurocities является повышение энергоэффективности. По мнению комиссара ЕС по энергетике Гюнтера Отингера, «возможность локальных властей интегрировать вопросы энергетики в широкую социально-экономическую повестку — это существенное условие для преодоления продолжающегося (экономического. — *И. Б.*) спада» [17, р. 2]. На национальном и региональном уровнях звучат те же идеи.

* «Культура» (Эйндховен), «Экономическое развитие» (Познань), «Окружающая среда» (Мальмё), «Общество знания» (Вена), «Мобильность» (Утрехт), «Социальная сфера» (Бирмингем).

В частности, в соответствующем разделе отчета о деятельности Eurocities за 2010 г. мэр Малаги отметил: «Климатические цели Европы могут быть достигнуты посредством мер, которые помогут городским правительствам снизить карбоновый след... города должны работать вместе и найти креативные пути, чтобы стать умными городами». Его поддержал бывший премьер-министр Испании Х. Сапатеро: «...в ежедневно принимаемых решениях, таких как транспорт, уличное освещение, отходы, мы, а особенно мэры, постоянно делаем выбор: создать ли нам энергетически безопасную Европу или Европу, нерационально расходующую энергию» [15, р. 8].

Приоритетность направления обусловила еще большее взаимодействие Сети и институтов ЕС. Так, в мае 2010 г. Европейская Комиссия выделила 150 млн евро на локальные (городские) климатические действия, и в том же году Eurocities способствовала диалогу на высоком уровне с двумя европарламентскими группами. Итогом работы стало продвижение на уровень Комиссии решения о том, что увеличение средств на развитие городов приведет к созданию более устойчивой Европы [15, р. 9]. Важно отметить, что в этот период в ЕК шло обсуждение новой финансовой перспективы на 2014—2020 гг. и бюджета политики сплочения на тот же период. Под влиянием «городской повестки» менялась и сама Комиссия: ГД по региональной политике был переименован в Генеральный директорат по региональной и *городской политике*.

Как было упомянуто выше, практическая деятельность Eurocities связана с выполнением проектов. В плане первого приоритета большинство завершившихся и продолжающихся проектов имеют «зеленую» окраску и связаны с развитием в городах зеленой экономики, зеленой энергетики, зеленых технологий и т. д. В качестве примеров успешных проектов можно назвать «Urban NEXUS», целью которого являлся синтез существующих исследований по снижению углеродного следа городов, обмен опытом между исследователями-урбанистами и практикующими политиками; «Пакт мэров», направленный на поддержку имплементации в городах и регионах планов действий в области устойчивой энергетики для снижения выбросов CO₂ на 20 % к 2020 г.; CASCADE, в рамках которого осуществлялось тестирование форматов сетевого обучения наработкам в области местного энергопотребления [2, 4, 9].

«Модным» направлением в рамках «зеленого» курса является энергореконструкция зданий: до декабря 2014 г. действует проект «Сбережение энергии в европейских общественных зданиях». Он интересен тем, что реконструкция больших административных зданий проводится на основе умных технологий с целью оптимизации потребляемой энергии. Адресную работу с гражданами подкрепляет опыт Eurocities по построению устойчивых энергетических сообществ, членами которых может стать любой горожанин, рационально и экономно расходующий энергию (проект «Партнерство по энергосотрудничеству как инструмент построения европейских устойчивых энергетических сообществ»). По итогам проекта для активного использования муниципальными и региональными служащими была создана и постоянно пополняется онлайн база данных, аккумулирующая опыт и знания партнеров по проекту, новые подходы к энергетическому планированию [20, 22].

Другим приоритетным направлением деятельности Eurocities является выстраивание системы умного и устойчивого городского транспорта. Главное требование к такому транспорту — он должен стать более дружелюбным к окружающей среде. И дело не только в альтернативном или более чистом топливе, речь должна идти об изменении поведения пассажиров, принятии новых

эффективных логистических решений [16, р. 1]. Примером последнего является инициатива, запущенная в 2008 г. в округе Nice Cote d'Azur, где был введен единый транспортный проездной стоимостью в один евро. Билет покрывает проезд по 46 городским и сельским муниципалитетам. Транспортный парк, принимающий данный проездной, насчитывает 100 автобусов и трамваев. По мнению пользователей, проект, финансируемый из Европейского фонда регионального развития, позволяет создать чувство социального сплочения и равенства между горожанами и сельскими жителями [6, р. 1].

Однако ввиду ограниченных ресурсов (прежде всего финансовых и политических) залогом успеха здесь, как справедливо отметил мэр Мурсии М. Ботла, должно стать «включение городов в (общий. — *И. Б.*) план игры ЕС по транспорту». В июне 2010 г. министры транспорта ЕС представили Европейской Комиссии план действий по городской мобильности, частично являющийся продуктом лоббирования Eurocities. Итогом встреч стало признание городского транспорта в качестве ключевого элемента транспортной системы всего Европейского союза [15, р. 11]. Реальным подтверждением этого признания является, пожалуй, самый амбициозный на сегодняшний день проект в области создания устойчивого городского транспорта — TIDE (Transport Innovation Deployment for Europe), который завершится в сентябре 2015 г. Его цель — выявить 15 инновационных транспортных систем и концептов городской мобильности и разработать рекомендации для управленцев разного уровня, включая негосударственный сектор [20, 22].

Наконец, третье направление напрямую касается участия граждан в создании жизнеспособных «умных» городов и формировании социальной сплоченности горожан в контексте политики сплочения ЕС. Данная работа в меньшей степени оформлена в проектную деятельность и в большей — расплывлена между различного уровня встречами, семинарами, отдельными локальными действиями.

Следы деятельности Eurocities по формированию социальной сплоченности хорошо заметны на уровне ЕС и проявляются в заявлениях, официальных документах и пр. По сути, это тоже результат лоббистской работы Сети через Комитет регионов, ЕП и т. д. Так, в рамках пятого отчета по политике сплочения, опубликованного в ноябре 2010 г., было заявлено о появлении «амбициозной городской повестки», которая предполагает более «понятное» и «видимое» финансирование городов по сравнению с периодом 2000—2006 гг. Кроме того, в свете завершения этапа политики сплочения 2007—2013 и разработки новой перспективы на 2014—2020 гг. деятельность Eurocities в деле сплочения приобретает особую важность. Лучшую оценку признания коллективной акторности Eurocities дал комиссар по региональной и городской политике ЕС Й. Хан: «Роль городов в продвижении (повестки. — *И. Б.*) 2020 бесспорна, они наибольшая ценность ЕС. Они находятся на передовой продвижения инноваций, усиления экономического прогресса. Городское развитие — умная инвестиция в жизни миллионов европейцев» [15, р. 14]. Следует добавить, что эта умная инвестиция помогает преодолеть разрыв не только между Брюсселем и европейскими гражданами, но и между самими гражданами внутри городских сообществ.

Еще одним форматом здесь является ежегодная конференция «Планирование для людей», проходящая в разных городах — членах Сети. Задача мероприятия — разработать новые механизмы по повышению интереса граждан в развитии своих городов. Только таким способом, по мнению участников Сети,

можно решать глобальные проблемы на локальном уровне. Об этом, в частности, говорил бывший президент Eurocities Фрэнк Йенсен, открывая конференцию в 2011 г. (Нант): «...нет лучшего способа для удовлетворения потребностей граждан, чем вовлечение их в процесс планирования» [13, р. 5]. Более четкое понимание роли Eurocities на данном направлении сформулировано на конференции 2013 г. (Гент). Основной тезис мероприятия — «“умные города” нуждаются в “умных гражданах”» — является попыткой обсудить возможности более тесной интеграции приоритетных направлений Сети (рациональное энергопотребление, городской транспорт и мобильность, сплочение) с инновационными технологиями [12]. Ответ на этот вопрос поможет понять, как «умные граждане» могут повысить социальную включенность, победить бедность, внести вклад в развитие устойчивой мобильности и энергоэффективности в городах [21] и в конечном счете выйти на более высокий уровень сплочения. С этой точки зрения опыт Eurocities демонстрирует, как городское или — шире — территориальное измерение в повестке политики сплочения усиливает роль городов в качестве ключевых игроков устойчивого развития и коллективных акторов европейской политики.

Исходя из проанализированных данных видно, что активная деятельность Сети привела не только к интенсификации территориального диалога в рамках «нового регионализма», но и к конструированию новой урбанистической модели, способной отвечать на вызовы экономики XXI в., адаптироваться к новой социальной реальности с ее многонациональными городами, зависимостью от климатических изменений и пр.

Эффективное сочетание идей Eurocities с политической поддержкой и финансированием со стороны ЕС не дают шансов «городской повестке» уйти в тень. Более того, нарастающая коллективная акторность Сети ведет к появлению умной городской экосистемы [23], приоритетной задачей которой является достижение высокого качества жизни для всех. Таким образом, иной ответ Eurocities на противоречивость и неуправляемость процесса глобализации заключается в создании и апробировании модели интегрированного городского развития, ставшей результатом успешного использования европейскими городами преимуществ нового регионализма и интеграционного процесса. Дальнейшее развитие этой модели позволит сделать еще один шаг на пути построения бесшовного европейского пространства.

Библиографический список

1. Буданова И. А. Конструируя новое европейское пространство: дискурс *monotopia* // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Естественные, общественные науки. 2008. Вып. 4. С. 89—100.
2. About Covenant of Mayors. URL: <http://eumayors.eu/> (дата обращения: 12.06.2013).
3. About Eurocities. Infopack 2011. URL: http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/infopack2012_2013.pdf (дата обращения: 12.06.2013).
4. About URBAN-NEXUS. URL: http://www.urban-nexus.eu/www.urban-nexus.eu/index.php?option=com_content&view=article&id=17&Itemid=19 (дата обращения: 12.06.2013).
5. Bloomfield J. Developing Europe's Urban Model: 25 Years of Eurocities. 2011. URL: http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/Developing_Europe_s_urban_model_-_25_years_of_EUROCITIES-NVAT_12212.pdf (дата обращения: 10.06.2013).
6. Cities in Action: Nice One Ticket, One Tariff, One Territory. URL: http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/Cities%20in%20action_Nice%20one%20ticket,%20one%20tariff,%20one%20territory.pdf (дата обращения: 20.06.2013).

Серия

• «Естественные, общественные науки»

7. Cities Cooperating Beyond Their Boundaries: Evidence through Experience in European Cities Background Paper Eurocities Working Group Metropolitan Areas. URL: <http://www.eurometrex.org/Docs/METRO-D/Eurocities-Background-paper.pdf> (дата обращения: 08.06.2013).
8. Cities and Migrants: Implementing the Eurocities Integrating Cities Charter. URL: http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/IntegratingCitiesReport_Cities%20and%20migrants_%20-final.pdf (дата обращения: 20.06.2013).
9. Eurocities : Project Briefs. 2012. URL: <http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/project%20briefs%202012.pdf> (дата обращения: 12.06.2013).
10. Europe 2020: a Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. Communication from the Commission. COM (2010) 2020 final. Brussels, 03.03.2010. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 27.06.2013).
11. Europe 2020: Targets. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/europe-2020-in-a-nutshell/targets/index_en.htm (дата обращения: 27.06.2013).
12. Eurocities 2013. Ghent «Smart Citizens», Our Annual Conference, Takes Place on 27—30 November 2013. URL: <http://www.eurocities.eu/eurocities/news/EUROCITIES-2013-Ghent-smart-citizens-WSP0-95LP5G> (дата обращения: 25.06.2013).
13. Eurocities Annual Report 2011 and Work Programme 2012. URL: http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/EUROCITIES_annualreport2011_WP2012.pdf (дата обращения: 15.06.2013).
14. Eurocities Annual Report 2012 and Work Programme 2013. URL: <http://www.eurocities.eu/eurocities/publications/EUROCITIES-annual-report-2012-and-work-programme-2013-WSP0-946FGC> (дата обращения: 15.06.2013).
15. Eurocities in 2010: the Network of Major European Cities. URL: http://www.hel.fi/hel2/ajankohtaista/kavo/uutiskirje/4/eurocities_ar2010_final-smul.pdf (дата обращения: 15.06.2013).
16. Eurocities Recommendations on a Clean Power for Transport Package. URL: <http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/EUROCITIES%20recommendations%20on%20a%20Clean%20Power%20for%20Transport%20Package.pdf> (дата обращения: 15.06.2013).
17. Eurocities Statement on Intelligent Energy. URL: http://nws.eurocities.eu/MediaShell/media/EUROCITIES%20statement%20on%20IEE%20III_Final.pdf (дата обращения: 25.06.2013).
18. *Frantz M.* The contemporary political theories of the European city: questioning institutions // *European Journal of Social Theory*. 2008. № 11. URL: <http://est.sagepub.com/content/11/4/465.short> (дата обращения: 10.06.2013).
19. *Hahn J.* A More Prominent Role for Europe's Cities in EU Regional Policy. URBACT Annual Conference, Copenhagen, 03.12.2012. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-12-894_en.htm (дата обращения: 28.06.2013).
20. Official Site Smartspaces. URL: <http://www.smartspaces.eu/S/home/> (дата обращения: 30.06.2013).
21. Official Site TIDE. URL: <http://www.tide-innovation.eu/en> (дата обращения: 30.06.2013).
22. Pepesec Home. URL: <http://casestudies.pepsec.eu/about> (дата обращения: 30.06.2013).
23. SMARTiP — Smart Metropolitan Areas Realised Through Innovation and People. URL: <http://www.eurocities.eu/eurocities/activities/projects/SMARTiP-Smart-Metropolitan-Areas-Realised-Through-Innovation-and-People> (дата обращения: 01.07.2013).
24. Working Groups. URL: http://www.eurocities.eu/eurocities/activities/working_groups&category (дата обращения: 20.06.2013).

Сведения об авторах

АГЕЕВА кандидат психологических наук,
Зоя Александровна доцент кафедры социальной психологии,
Ивановский государственный университет.
ast55@mail.ru

БУДАНОВА кандидат исторических наук, доцент кафедры
Ирина Александровна всеобщей истории и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
ibudanova78@gmail.com

ВЕРЕМЬЁВА кандидат педагогических наук, доцент кафедры
Наталья Васильевна педагогики и образовательных технологий,
Ивановский государственный университет.
weremjow@yandex.ru

ДЕЛЬЦОВА кандидат педагогических наук, доцент кафедры
Ирина Алексеевна педагогики и образовательных технологий,
Ивановский государственный университет.
deltsova@yandex.ru

КАРЛЯВИН кандидат юридических наук, доцент,
Иван Юрьевич заведующий кафедрой гражданского права
и процесса, Ивановский государственный
университет.
ivan.karl@mail.ru

КОГАЛОВСКАЯ кандидат психологических наук, доцент кафедры
Анна Сергеевна социальной работы и прикладной социологии,
Ивановский государственный университет.
askogal@yandex.ru

МАЙОРОВА кандидат филологических наук,
Татьяна Алексеевна доцент кафедры журналистики, рекламы
и связей с общественностью,
Ивановский государственный университет.
mayorova_t_a@list.ru

МАРКЕЛОВА аспирантка кафедры педагогики
Юлия Игоревна и образовательных технологий,
Ивановский государственный университет;
директор, Ивановский региональный центр
по дистанционному образованию
детей с ограниченными возможностями.
uimarkelova@yandex.ru

- МОЛОКАНОВА** студентка 5 курса
Светлана Викторовна социолого-психологического факультета,
Ивановский государственный университет.
svmolokanova@yandex.ru
- РАЗИНА** доцент кафедры конституционного,
Нина Геннадьевна административного и финансового права,
Ивановский государственный университет.
30-15-64
- РОДИОНОВА** доктор юридических наук, доцент,
Ольга Владимировна профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ивановский государственный университет.
32-77-08
- СОКОЛОВА** кандидат юридических наук,
Ольга Владимировна доцент кафедры уголовного права и процесса,
Ивановский государственный университет.
olgasokolova.067@mail.ru
- СТРАШНОВ** доктор филологических наук, профессор,
Сергей Леонидович заведующий кафедрой журналистики и рекламы,
Ивановский государственный университет.
sstrashnov@yandex.ru
- ЧЕРНОПЕРОВ** доктор исторических наук, профессор кафедры
Василий Львович всеобщей истории и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
vlchernoperov@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.